

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

725

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Труды по криминологии

TARTU 1985

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 725 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Труды по криминологии

ТАРТУ 1985

Редакционная коллегия: проф. Л. Спирidonov (отв. редактор),
Я. Гилкинский, Э. Раска

Предлагаемый сборник статей посвящен изучению территориальных различий преступности. В нем излагаются методологические и теоретические проблемы регионального анализа антиобщественных проявлений, а также отдельные социологические и криминологические вопросы, имеющие значение для территориального подхода к объяснению социальных отклонений. Сборник предназначен для обществоведов — научных работников, преподавателей, студентов, аспирантов — и практических работников правоохранительных органов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Д. С п и р и д о н о в, А. Л е п с

Теоретические обобщения советских криминологов и накопленные ими эмпирические данные делают все более актуальным переход к такому этапу научных исследований преступности, конечная цель которого — вооружить субъектов экономического и социального управления, в том числе и планирующие органы, теоретическими и методическими разработками, позволяющими оценивать изменения в общественной жизни и с точки зрения их влияния на криминологическую ситуацию как в отдельном регионе, так и в стране в целом. При этом практические нужды социального управления делают важным именно региональный подход к изучению преступности: конкретные меры борьбы с антиобщественными явлениями разрабатываются не только для страны в целом, но прежде всего для отдельных территориальных общностей — областей, городов, районов и т.д.

В каком смысле мы употребляем термин "территориальные различия преступности" и отличаются ли методы регионального анализа правонарушаемости от методов ее анализа как социального феномена? — вот вопросы, требующие здесь первоочередного ответа, если мы хотим профессионально грамотно говорить о "территориальном подходе" к исследованию антиобщественных проявлений.

В свете марксистско-ленинской криминологии, преступность всегда рассматривалась как социальное явление. Это, в частности, означает, что она имеет социальные причины и что лишь то общество, которое способно целенаправленно и

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. I, с. 570; т. 2, с. 537; т. 8, с. 531-532; т. 13, с. 515-516 и др.; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 29; т. 22, с. 368-369; т. 33, с. 91; т. 36, с. 195 и др.

плановмерно воздействовать на самого себя, в состоянии успешно бороться с преступностью, постепенно снижая ее уровень и в конце концов добиваясь ее полной ликвидации. Это, далее, означает, что сами по себе территориальные особенности, понимаемые как особенности географической среды обитания общественного человека, не могут оказать решающего влияния на возникновение, формирование и протекание социальных процессов, в том числе и преступности. В определении общественных процессов такую роль играет лишь способ производства, понимаемый как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений. Вместе с тем не будучи причиной, обуславливающей природу общественного строя, географическая среда, а стало быть и территориальные особенности регионов, оказывают ускоряющее или, напротив, замедляющее влияние на развитие производительных сил, а через него и на развитие производственных отношений². В частности, природные богатства или отсутствие таковых способствуют или затрудняют рост промышленности или сельского хозяйства, обуславливают неравномерность эволюции общества, его отдельных стран и регионов, влияют на особенности территориальных общностей, в том числе и на те, которые входят в причинный комплекс преступности.

При таких условиях различия территориальных общностей суть их социальные различия, в опосредовании которых географическая среда играет роль лишь одной из необходимых предпосылок. Равным образом методы регионального анализа, включая методы исследования территориальных различий преступности, суть не что иное, как те же самые методы социального анализа. Последнее не исключает определенных особенностей их применения в процессе исследования социальных явлений в географическом аспекте. Эти особенности обусловлены тем, что региональный подход предполагает с р а в н е н и е социальных характеристик двух или более территориальных общностей. Процедура сравнения, не выходя в формально-логическом смысле за пределы метода сходства и различия Милля, в содержательном смысле предполагает разработку максимально полной системы социальных свойств (показателей), при помощи которых описываются регионы и кото-

² См.: М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 521.

ые позволяют сопоставлять их друг с другом, выявляя сами различия и их причины. Поскольку знание территориальных особенностей углубляет и расширяет наши знания об общественном явлении как таковом, региональный анализ становится составной частью социального исследования.

Географические особенности не проявляются в чистом виде. Они выступают перед исследователем общественных явлений не сами по себе, а в интегрированной совокупности всех социальных факторов. Тем не менее они полностью не поглощаются общественным, продолжая свою жизнь в территориальной специфике социального, будучи одной из причин ее возникновения и формирования. Географическое — носитель социального. По этой причине одними только особенностями географического положения нельзя объяснить различия образов жизни и типов личности³ жителей Вологодской области и, скажем, Ставропольского края, эстонца из Таллина и, например, из Вильянди, но нельзя этого сделать и полностью их игнорируя. Специфика общественной формы отчасти объясняется и особенностями той территории, на которой эта форма возникла и развивалась. Это достаточно ярко проявляется, например, в земельной ренте.

Постепенное накопление эмпирических данных о влиянии социальных факторов на преступность (в том числе и в рамках региональных исследований) поставило вопрос об их систематизации. Однако решение вопроса о систематизации социально-экономических характеристик территориальной общности предопределяется исходными теоретическими положениями не только криминологического, но и общесоциологического характера. Поэтому высшей формой систематизации социально-экономических характеристик является общесоциологическая теория исторического материализма, который составляет научный методологический фундамент всех общественных наук и эмпирических социальных, в том числе и криминологических исследований⁴.

С точки зрения исторического материализма, в роли

³ Подробнее см. статью Спиридонова Л.И. и Озерова М.С. в настоящем сборнике.

⁴ См.: н д о в В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. — М.: Наука, 1972, с. 7.

факторов, обуславливающих соблюдение или нарушение населением уголовно-правовых запретов, прежде всего выступают социальные свойства людей, т.е. не их природные характеристики и особенности, а те характеристики, которые они получают от общества⁵. К числу такого рода социальных свойств в первую очередь относятся социально-классовая принадлежность, место в профессионально-квалифицированной структуре общественного труда, должностное положение, роль в организации общественного труда, степень участия в творческом труде, уровень заработной платы и т.д.

Эти свойства характеризуют положение индивида в сфере производства. Но поскольку общественная жизнь людей протекает не только в сфере производства, но и в сферах политики, культуры, быта и потребления, то наряду с перечисленными выше социально-экономическими свойствами, люди обладают и соответствующим набором свойств, отражающим их позиции во всех этих областях общественной жизни. Наконец, демографические признаки теснейшим образом связаны с социальными (иногда эта связь даже обретает юридическую форму, — например, в случае установления возрастных цензов), и поэтому имеются все основания для дополнения экономических, политических и культурно-бытовых факторов демографическими свойствами (полом, возрастом, коэффициентом семейности, миграцией и т.д.)⁶. Собственно, поэтому мы можем говорить о том, что сфера производства, сфера политики, сфера культуры, быта и потребления исчерпывают все области общественной жизни.

Обобщение опубликованных эмпирических исследований позволяет утверждать, что в сфере производства существенными для изучения территориальных различий преступности являются по крайней мере следующие факторы: А) общественное (классовое) положение, которое отражает социальный состав населения: I) рабочий класс, подразделяющийся, в свою очередь, на четыре группы в зависимости от квалификации (рабо-

⁵ См. подробнее: С п и р и д о н о в Л.И. Социальный механизм действия уголовно-правовых запретов. — М.: Академия МВД СССР, 1976, с. 19.

⁶ См.: С п и р и д о н о в Л.И. Проблема причинного комплекса преступности. — В сб.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. — М.: Академия МВД СССР, 1981, с. 45.

чие высококвалифицированного, квалифицированного, малоквалифицированного и неквалифицированного труда); 2) колхозное крестьянство, подразделяющееся, в свою очередь, на три квалифицированных группы (колхозники квалифицированного, малоквалифицированного и неквалифицированного труда); 3) служащих, подразделяющихся на а) интеллигенцию, в состав которой входят люди, занимающиеся преимущественно умственным трудом и имеющие высшее образование, с выделением относительно самостоятельной подгруппы инженерно-технических работников, б) служащих со средним специальным образованием и в) служащих без специального образования; Б) трудовая активность, выражающая выполнение сдельщиками норм выработки, участие в различных формах соревнования, в рационализаторской и изобретательской деятельности и т.д., участие трудящихся в управлении предприятием (производственная демократия); В) ряд иных факторов, связанных с различием социально-экономических условий труда на предприятиях разных отраслей народного хозяйства (промышленность, транспорт, строительство, сфера обслуживания и т.д.), на предприятиях неодинаковой величины, на предприятиях разного "возраста" и технической оснащенности и т.п.

Аналогичное обобщение эмпирических исследований позволяет утверждать, что существенными в сфере политики для криминолога являются по крайней мере следующие факторы: 1) членство в общественных организациях (Коммунистической партии Советского Союза, комсомоле, профсоюзе и др.); 2) участие в управлении государством (в работе Советов народных депутатов всех уровней в качестве депутатов или членов комиссий исполкомов; в отправлении правосудия, в частности, в качестве народных заседателей, членов товарищеских судов, членов добровольных народных дружин и т.д.); 3) охват политическим обучением в различных формах; 4) иные формы политической активности, в основе которых лежит присущее советскому человеку чувство ответственности за все происходящее в своем районе, городе, республике, стране.

В свою очередь, обобщение эмпирических исследований дает возможность криминологу выделить в сфере культуры, быта и потребления следующие существенные факторы: 1) образование; 2) доход на душу населения; 3) жилищное положение; 4) структура досуга; 5) структура потребления; 6) охват общеобразовательным обучением; 7) степень потребления различных форм культуры; 8) наличие в семье предметов культурного

обихода и т.д.

Наконец, криминологически существенными являются такие демографические факторы, как пол, возраст, число детей в семье, продолжительность жизни в браке, срок проживания в данном административном районе, а также некоторые обстоятельства, играющие важную роль лишь в данном регионе.

Как показали соответствующие социологические и криминологические исследования, все они, хотя и в разной степени, оказывают влияние на уровень преступности⁷.

Исторический материализм не только дает основу систематизации социальных факторов, влиянию всех этих факторов на характеристики массовых видов поведения (в том числе и социально негативных), но и позволяет установить их иерархию. С точки зрения общей социологической теории марксизма-ленинизма, экономические свойства в конечном счете являются главными, определяющими все остальные социальные характеристики человека. Поэтому развитие производства и его техническое перевооружение, изменяя социально-экономическую структуру общественного труда, образует базис всех остальных социальных преобразований, в том числе и тех, которые способствуют сокращению и ликвидации преступности. Второе место по своему влиянию на преступность после производственных факторов занимают культурно-бытовые факторы, главным образом за счет факторов образования и дохода. К числу базисных факторов относятся и демографические характеристики населения, а также их социальное происхождение, социальное положение, место и роль в производстве.

В свете марксистско-ленинской философии источником, движущей силой развития любого процесса служат противоречия. В.И. Ленин охарактеризовал закон борьбы противоположностей как суть материалистической диалектики⁸. Движущей силой общественного прогресса выступает противоречие между развитием производительных сил и характером производственных отношений. Источником развития производительных сил является противоречие между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными средствами их удовлетворения, т.е. нужда, как неудовле-

⁷ См., например: Человек как объект социологического исследования. - Л.: Изд. ЛГУ, 1977.

⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

творенная потребность⁹. Равным образом источник преступности как социального явления, как одной из характеристик состояния общества заключается в общественных противоречиях.

Противоречия в процессе общественного развития лишь "в конечном счете" объясняют, почему в нашем обществе существует преступность. Процесс ее социальной детерминации исключительно сложен. Преступность как всякое социальное явление, будучи одной из характеристик состояния общественного организма, определяется всей совокупностью социально-экономических, политических и т.д. факторов, причем совокупностью, воздействующей на преступность не отдельными своими элементами (например, образованием, уровнем дохода, жилищным положением и т.д.), а интегрировано, всей системой факторов, взаимодействующих между собой. При таких условиях преступность сама выступает в этой интеграции как один из взаимодействующих факторов. Следовательно, ни одно из существующих в развитом социалистическом обществе противоречий (на социальном уровне) непосредственно не детерминирует существование преступности, а лишь создает, наряду с другими факторами и противоречиями, объективную возможность ее существования.

Однако до сего времени советская криминология остается при объяснении причин преступности главным образом на описательном уровне, на котором рассматривается связь того или иного конкретного явления (фактора) с преступностью. Например, "пол - преступность", "возраст - преступность", "социальное положение - преступность", "алкоголизм - преступность" и т.д. Но, как мы знаем, это является чистой абстракцией. В реальной действительности каждая такая "пара" органически связана со всеми другими парами. Равным образом, каждый отдельный фактор, входящий в так называемый причинный комплекс преступности, влияет на нее не сам по себе, а во взаимодействии со всем множеством остальных факторов.

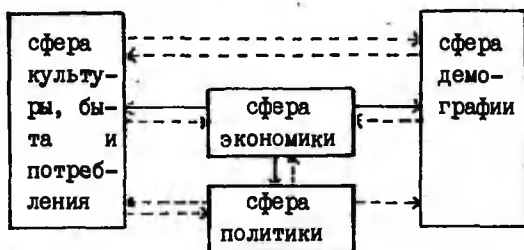
"Общество - организм", как пишут К. Маркс и В.И. Ленин, и мы должны отдавать себе отчет в том, что в любом организме каждый его момент связан со всеми остальными. Каждое явление влияет на другие явления точно так же, как все ос-

⁹ См.: Г и л и н с к и й Я. И. О системном подходе к преступности. - "Правоведение", 1981, № 5, с. 52-53.

тальные, в свою очередь, влияют на него. В результате криминолог, если только он разделяет тезис марксизма-ленинизма о социальной природе преступности и намеревается вскрыть ее причины, оказывается перед труднейшей задачей — познать преступность как интегрированный эффект взаимодействия всего комплекса материальных и идеологических, экономических и политических, этнографических и социально-культурных, демографических и социально-психологических и т.д. явлений, процессов, событий.

С точки зрения исторического материализма, связь между классами различных социально-экономических факторов может быть представлена следующим образом:

С х е м а

Указанная схема, на которой сплошными линиями обозначены определяющие связи, а пунктирными — вторичные, со всей наглядностью демонстрирует два важнейших обстоятельства: во-первых, то, что общество представляет собой органическое единство экономических, политических, социально-культурных отношений, развивающихся в определенных демографических условиях, и, во-вторых, определяющую роль экономических факторов в социальном развитии, в том числе и развитии преступности как одного из общественных явлений. Последнее особенно важно для выбора средств решения криминологических проблем, адекватных тому объекту, на который намеревается воздействовать орган управления. Слишком часто мы пытаемся достигнуть целей, следуя путями, которые к избранным целям привести не могут.

Приведенная схема и является самой общей предпосылкой построения модели социальной обусловленности преступности.

Как известно, главной социальной целью развитого социалистического общества является формирование комплекса

условий, обеспечивающих всестороннее гармоническое развитие человеческой личности. В свою очередь, это предполагает, во-первых, развитие, упрочение и качественное совершенствование социалистического образа жизни и, во-вторых, распространение его важнейших черт на все общественные классы и социальные группы. Однако возникновение и становление образа жизни развитого социалистического общества захватывает разные классы и социальные группы неравномерно¹⁰. Наиболее глубокие различия в образе жизни наблюдаются, с одной стороны, между работниками физического и умственного труда¹¹, с другой — между населением города и деревни¹². Это дает основание рассматривать соответствующие программные задачи нашего общества под углом зрения преодоления существенных различий между образом жизни названных категорий населения¹³.

При таких условиях очевидно, что в перспективе советскому обществу придется решать два типа проблем, связанных с совершенствованием социалистического образа жизни. Во-первых, добиваться дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни и, во-вторых, создавать условия для того, чтобы к уже достигнутому социалистическому уровню и образу жизни получали в равной мере доступ все классы и социальные группы нашего общества.

Коммунистическая партия и Правительство Советской Эстонии уделяют большое внимание вопросам социально-экономического переустройства республики. За годы советской власти в этом отношении сделано очень многое.

Конкретные перспективы социального развития республики теснейшим образом связаны с ее производственным развитием. Иными словами, дальнейшее расширение социальных возможностей населения зависит от того, как будет развиваться аграрно-промышленный комплекс республики. Социаль-

¹⁰ См.: Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. — М.: Наука, 1976, с. 7-27; П у л л а т Р. Социальная структура Советской Эстонии. Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития. — Таллин: Изд. Ээсти Раамат, 1976, с. 72-117.

¹¹ См.: там же, с. 118-138.

¹² См.: там же, с. 52-117.

¹³ См.: Марксистско-ленинская теория социального развития. — М.: Наука, 1976, с. 73: Человек как объект социологического исследования, с. 134 и след.

ное и экономическое развитие представляют собой взаимосвязанные аспекты одного и того же процесса. Развитие народного хозяйства, изменение структуры общественного труда (соотношение труда индустриального и сельскохозяйственного, умственного и физического, квалифицированного и неквалифицированного) оказывает решающее влияние на структуру рабочих мест и тем самым в конечном счете предопределяет социальную структуру населения. Поскольку же для формирования классов нашего общества решающее значение имеет тип собственности, то и формирование межклассовых и внутриклассовых социальных групп происходит посредством относительно устойчивого закрепления работников за неоднородными в социально-экономическом отношении видами общественного труда. В силу этого изменение структуры рабочих мест также имеет огромное значение для изменений социального состава населения. Подход же к объяснению общественных явлений с точки зрения социальной структуры общества, то есть классовый подход и классовая точка зрения, равнозначен в свете положений марксистско-ленинской теории общества сущностному подходу, ведущему от уже познанного уровня глубинных законов социального развития, как к объяснению и познанию сущности отдельных общественных явлений, так и к углублению познания на основе новых фактов самой сущности общества в целом. В самом деле, установив социально-классовое положение так называемого "среднестатистического" индивида, то есть его принадлежность к тем или иным общественным классам или внутриклассовым социальным группам, мы тем самым узнаем почти все его социальные характеристики — примерные образование, квалификацию, размер заработной платы, уровень культуры, круг общения и т. д. Вот почему изменения в производственной сфере образуют, изменяя социальную структуру общества, материальную основу всех прочих социальных изменений. "Каждая форма общества, — писал по аналогичному поводу К. Маркс, — имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношений которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений"¹⁴.

Не менее важно и то обстоятельство, что создаваемая в материальном производстве республики часть национального

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 43.

дохода служит главным источником как личных доходов населения, так и средств, направляемых государством на развитие социальной инфраструктуры. В целом, чем успешнее развивается материальное производство республики, тем больше средств может быть направлено на развитие сферы обслуживания ее населения.

В свою очередь, социальные и демографические факторы оказывают обратное влияние на развитие производственной сферы республики. Так, интенсивность рождаемости, смертности и особенно миграции населения определяют воспроизводство трудовых ресурсов, а следовательно, — и степень обеспеченности республики кадрами.

Состояние школы, степень охвата молодежи всеобщим обязательным средним образованием, постановка производственного обучения школьников, качество усваиваемых знаний, развитие разных форм профессионального обучения — все это оказывает существенное влияние на подготовленность нового пополнения рабочей силы к труду, на умение эффективно использовать технику, а в конечном счете — на производительность труда.

Сравнительный уровень доходов, получаемых населением за труд в общественном производстве, в значительной степени определяет материальную заинтересованность работников в распределении своего труда между этими сферами производства.

Огромная роль в повышении общей эффективности производства принадлежит социальным факторам производительности труда, в частности, отношению работников к труду, обусловленному системой общественных отношений, характером и содержанием труда, степенью участия в управлении, системой материального и морального стимулирования труда и т. д.¹⁵ Помимо названных факторов, отношение к труду зависит от принятых соответствующими группами населения социальных норм и ценностей. Ценностные ориентации, в свою очередь, формируются под влиянием различных каналов общественного воздействия: воспитания в семье, в школе, на производстве, печати и массовых коммуникаций, общения с окружающей социальной средой, потребления духовных и культурных цен-

¹⁵ См. подробнее: Человек и его работа. Социологическое исследование. — М.: Мысль, 1967.

ностей¹⁶.

Наконец, все сферы общественной жизни, в том числе и сфера производства, определяются политикой, основными направлениями деятельности государства, которое придает классовый, социально-политический смысл и экономическим, и социально-культурным, и даже демографическим процессам, протекающим в стране и регионе. Нелишне заметить, что сфера политической жизни особенно важна для исследований преступности, так как уголовный закон, борьба с преступностью, профессиональная деятельность органов внутренних дел и других правоохранительных органов имеет сугубо политический характер.

После сказанного понятно, почему исследователь, если он в процессе регионального анализа с о д е р ж а - т е л ь н о сравнивает две или более территориальные общности с присущими им уровнями и структурами преступности, должен произвести эту процедуру, сопоставляя соответствующие с и с т е м ы социальных, экономических, политических, демографических и т. д. факторов. Равным образом, проектировать социальное развитие региона можно лишь опираясь на знание объективных перспектив и закономерностей развития всех социально-экономических, социально-политических, социально-культурных и социально-демографических процессов как моментов, характеризующих эволюцию е д и н о г о общественного организма. Следовательно, планирование этих процессов должно производиться на основе системного подхода с учетом и согласованием между собой всех взаимодействующих элементов социально-экономической формации¹⁷.

Для исследования проблем, связанных с преступностью, попытаемся на основе использования идей системного

¹⁶ См.: Марксистско-ленинская теория социального развития. - М.: Наука, 1978, с. 206-236.

¹⁷ См.: Вестужев-Лада И. В., Барыгин В. Н., Малахов В. А. Моделирование в социологических исследованиях. - М.: Наука, 1978; Свтров М. И. Основы функциональной теории организации. - Л.: Наука, 1972, с. 14-18.

анализа¹⁸ определить основы и принципы моделирования социально-экономической обусловленности региональной преступности. Сравнение двух или более таких моделей, адекватно воспроизводящих процесс социально-экономической обусловленности преступности, должно дать возможность выявить территориальные различия преступности, обусловленные различиями социально-экономического развития сравниваемых районов, городов и т.д., и тем самым по существу явиться региональным криминологическим анализом.

Регион является сложной системой, в которой зависимости между элементами не могут быть описаны линейными функциями. Это обстоятельство не позволяет применить для исследования региона как сложной системы хорошо развитый аналитический аппарат современной математики, который более приспособлен для исследования именно линейных зависимостей, присущих простым системам, например, для изучения природных, технических и организационных систем¹⁹. С другой стороны, процессы, протекающие в сложных системах, детерминированы стохастически, имеют вероятностную природу и не допускают однозначного описания. Сложные системы характеризуются наличием огромного количества цепей обратной связи — положительных и отрицательных — между взаимообусловленно влияющими друг на друга элементами систем. Каждое данное состояние какого-либо элемента определяется практически всей историей существования системы, всем множеством взаимных связей других элементов, влияющих на состояние этого элемента. Изменение состояний происходит непосредственно под влиянием одного или нескольких процессов, не тотчас же, а с

¹⁸ Под системой мы понимаем целостный комплекс взаимосвязанных элементов (См.: В и ц и н С. Е. Моделирование в криминологии. — М.: Высшая школа МВД СССР, 1973, с. 29; А в а н е с о в Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. — Горький: Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1975, с. 53), а под системностью — способность формировать комплексы органично взаимосвязанных элементов, способность, являющаяся одним из важнейших свойств материи (см.: А ф а н а с ь е в В. Г. Динамика социальных систем. — "Коммунист", 1960, № 5, с. 56).

¹⁹ См.: Социология и проблемы социального развития. — М.: Наука, 1978, с. 77.

некоторой отсрочкой и только в том случае, когда целый ряд воздействий на протяжении значительного периода времени как бы копится в системе, аккумулируется, и когда таким образом "созревают" необходимые и достаточные условия для изменения состояния элемента системы. Если элемент только начинает "накапливать" воздействия на него, то изменить его состояние очень трудно даже значительными усилиями; в этот период элемент обладает большой устойчивостью, а система в целом или отдельные ее части (также рассматриваемые как сложные системы, но, возможно, меньшего порядка сложности) находятся, как говорят, в состоянии устойчивого равновесия. Когда же сумма накапливаемых воздействий достигает определенного уровня "критической массы", тогда даже небольшое дополнительное воздействие может изменить прежде очень устойчивое состояние элемента или, соответственно, вывести систему из состояния устойчивого равновесия.

Таким образом, сложные системы логично рассматривать только в динамике, понимая, что изменения, происходящие в них на наших глазах, вызваны отнюдь не только что оказанным на них существенным воздействием, а опосредованы целой цепочкой воздействий и ответных реакций системы на протяжении прошлого периода времени.

Сложность связей между многочисленными элементами таких систем вытекает прежде всего из того факта, что во многих случаях эти связи носят характер обратных. Петли положительных обратных связей без каких-либо ограничений вызвали бы бесконечный рост определенных элементов системы. Поскольку ни один элемент системы не может расти до бесконечности, в каждой системе должны существовать ограничения, которые должны сдерживать или останавливать этот рост. Такие ограничения представлены отрицательными обратными связями, влияние которых должно быть тем сильнее, чем, как правило, больше состояние данного элемента приближается к максимально допустимому значению. Трудности понимания динамического поведения сложных систем далее усугубляются тем, что значительное множество связей в петлях обратных связей имеет (и должно иметь) нелинейный характер. Понятно, что в таких условиях очень трудно прогнозировать сколько-нибудь детально поведение данной системы.

данной системы²⁰.

Знание поведения определенной системы является важнейшей предпосылкой более успешного управления. Если мы хотим более эффективно управлять системой, то мы должны знать, как она будет вести себя в определенных условиях. Для этого необходимо прежде всего объяснить, чем определяется поведение сложных систем. Следовательно, необходимо знать, какие факторы определяют динамическое поведение сложных систем.

Современное состояние общей теории систем (в частности, теории социальных систем) позволяет ответить на поставленный вопрос лишь в самом общем виде. Поскольку объективной предпосылкой существования, функционирования и развития любой общественно-экономической формации является производство и форма собственности, а ее субъективной предпосылкой в классовом обществе - государство, постольку эти важнейшие компоненты влияют решающим образом на все прочие общественные явления и процессы. Соответственно этому, как правильно отмечает В.Г. Афанасьев, при социализме общественная собственность и государство рабочего класса "суть системообразующая ось, вокруг которой переинтегрируются компоненты, унаследованные новым обществом от старого, создаются новые компоненты и их взаимосвязи. С созданием необходимого "набора" компонентов и их интеграцией утверждается новая система, новая, социалистическая целостность"²¹. Однако такой ответ, хотя он совершенно правилен, явно недостаточен для конкретных предсказаний поведения сложных динамических систем, а стало быть, и для целенаправленного управляющего воздействия на них. Для этого нужны знания обо всех остальных факторах социальной системы, которые также выступают в качестве составляющих сил, чье взаимодействие образует интегриро-

²⁰ См.: Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические проблемы управления). - М.: Мысль, 1967, с. 144, 257; Гуманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. - М.: Юрид. лит., 1972, с. 18 и след.; Прогнозирование в социологических исследованиях. - М.: Наука, 1976, гл. I.

²¹ Афанасьев В. Г. Динамика социальных систем. - "Коммунист", 1980, № 5, с. 64.

ванную силу - общественную закономерность. Выявить указанные факторы - задача не из простых. Сильное влияние оказывает здесь и человеческий фактор, как и субъективный момент вообще. И поскольку все сказанное относится и к проблеме социальной обусловленности преступности, ликвидация которой - следствие перерастания социализма как системы в коммунизм как систему, постольку одна из важнейших задач криминологической науки сегодня - разработать методы, позволяющие количественно анализировать динамическое поведение сложных систем, взаимодействие которых и образует причинный социально-экономический комплекс преступности.

Сложность этой задачи очевидна. Современное состояние криминологической теории далеко не во всех случаях позволяет надежно даже интерпретировать эмпирические явления (факты), а отсутствие системы методик отнюдь не всегда дает возможность перейти от данных непосредственного наблюдения к выводам теоретического уровня. При таких условиях очевидно и то, что подобного рода задача может быть решена лишь в ходе комплексного социального исследования, возглавляемого криминологами, с участием социологов, экономистов, психологов и т.д. Иными словами, это - дело всей советской науки. Территориальный подход к исследованию преступности - один из путей к решению этой сложной проблемы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Я. Г и л и н с к и й

Решения XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС придают большое значение борьбе с преступностью и иными антиобщественными проявлениями как важному направлению социально-экономических преобразований в развитом социалистическом обществе. Так, "воспитание нового человека неотделимо от самой энергичной борьбы с пьянством, хулиганством и тунеядством, спекуляцией и хищениями социалистической собственности, взяточничеством и стяжательством"¹.

Повышение эффективности борьбы с преступностью и мер по предупреждению последней требует дальнейшего углубленного изучения ее сущности, причинной обусловленности, механизма и форм проявлений, связей с иными антиобщественными явлениями и т. п. При этом, как подчеркивалось в речи Д.В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, в области общественных наук "необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач"².

Изучение территориальных различий преступности относится к исследованиям, удачно сочетающим теоретический и прикладной аспекты криминологических проблем. Теоретическое значение таких исследований состоит, в частности, в углубленном сравнительном анализе социальных условий преступности, факторов, влияющих на общее состояние (уровень, динамику, структуру) преступности, в проверке криминологических гипотез о структуре и степени значимости каждого из

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года. - М., 1983, с. 38.

² Там же, с. 6.

факторов (или их групп) в механизме "формирования" преступности и отдельных ее видов. Практическое значение изучения территориальных особенностей преступности заключается в получении необходимой и достаточной, достоверной информации о криминогенной ситуации, оперативной обстановке в регионе (районе, городе, области, республике) для принятия соответствующих управленческих решений: разработки комплексной программы борьбы с преступностью и иными антиобщественными проявлениями, создания системы социальной профилактики, ведомственного и межведомственного планирования борьбы с преступностью и мер по ее предупреждению, рационального распределения во времени и в пространстве сил и средств правоохранительных органов и общественных формирований на обслуживаемой территории и т.п.

Понимание объективной значимости исследований территориальных различий преступности нашло отражение в литературе последних лет³.

Изучение территориальных различий преступности включает широкий спектр проблем. Понятно, что в рамках статьи можно остановиться лишь на некоторых из них.

Прежде всего зафиксируем ряд известных положений.

Сам факт территориальных различий в структуре, уровне, динамике (тенденциях) преступности не вызывает сомнений. Правда, частично эти различия могут объясняться "случайными" для характеристики состояния преступности обстоятельствами: неодинаковая латентность отдельных видов преступлений, большая или меньшая степень полноты учета (регистрируемости) преступлений и т.п. Однако в целом, если даже основываться только на данных о преступлениях с минимальной латентностью и в условиях, исключающих значимые колебания в степени их регистрируемости, территориальные различия эмпирически подтверждаются.

³ См., например: Актуальные вопросы предупреждения правонарушений. - Тбилиси, 1981, вып. I: Влияние социальных условий на преступность. - М., 1983; Г а б и а н и А. А., Г а ч е ч и л а д з е Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности. - Тбилиси, 1982; Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. - М., 1979; Методологические и методические вопросы изучения и профилактики преступности в крупных городах. - М., 1979 и др.

Объяснение некоторых различий как бы "лежит на поверхности". Так, хорошо известна неодинаковая пораженность отдельных социально-демографических групп населения различными видами преступных проявлений. Если, например, в населении конкретного региона высок удельный вес молодых несемейных рабочих, мигрантов, занятых малоквалифицированным ручным, физически тяжелым (или монотонным - конвейерным) трудом, то следует ожидать относительно повышенного уровня преступности по линии уголовного розыска. Хорошо известны и некоторые различия структуры и уровня преступности в малых и крупных городах, в сельской местности и городах. Так, в крупных городах уровень угона автотранспортных средств без цели хищения выше, чем в малых городах или в сельских поселениях, уровень квартирных краж в городах выше, чем на селе, а хищение скота, сельскохозяйственной продукции - преимущественно "сельские" преступления.

Различия в основных характеристиках преступности наблюдаются не только в зависимости от типа поселения (малое и большое село, рабочий и дачный поселок, малый, средний, крупный город, город-порт и город-курорт и т.п.), но и "географические", при сравнении однотипных, урваненных по основным социально-экономическим показателям поселений, находящихся в различных регионах страны. Так, криминологические исследования, начатые Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и продолженные другими коллективами (в частности, под руководством В.З. Веселого), установили нарастание неблагоприятных количественных и качественных показателей преступности вдоль оси: юго-запад - северо-восток. Поэтому чрезвычайно плодотворно обоснованное Д.Д. Блувштейном разграничение "вертикальной" (по типу поселения) и "горизонтальной" (географической) дифференциация объектов криминологического исследования.

Наконец, известно, что территориальным различиям преступности сопутствуют различия иных антиобщественных проявлений. Так, существует территориальная ("вертикальная" и "горизонтальная") дифференциация степени алкоголи-

зации населения⁴, наркотизма (труды А.А. Габияни), суицидального поведения⁵ и др. При этом соотношение уровней различных антиобщественных проявлений в одном и том же регионе носит достаточно сложный, неоднозначный характер.

Напрашивается предположение, что за известными (и еще не известными!) территориальными различиями преступности (и иных форм социальной патологии) скрываются некоторые общие закономерности, следствием, проявлениями которых и выступают эти различия. И тогда с необходимостью приходится обращаться к проблемам детерминации преступности.

Как всякое социальное явление (процесс), преступность не может быть объяснена "из себя самой", а лишь как элемент социального целого — общества, субстанцию которого образует совокупность общественных отношений. Будучи порождением общественной субстанции, преступность взаимосвязана с иными социальными процессами (социально-экономическими, демографическими, социокультурными), как позитивными, так и негативными. Сложность сущностного "конструирования" преступности как самостождественного явления, как относительно самостоятельного феномена обусловлена ее исторической изменчивостью, качественной неоднородностью деяний, признаваемых преступными в то или иное время в том или ином обществе. Это делает принципиально невозможным вычленение и обособление преступности на основании имманентно присущих ей свойств, обусловленных самой "природой" исследуемого объекта. Всякое определение преступности неизбежно включает такой оценочный, "формальный" момент как противоправность, нарушение уголовного закона. Правда, этот формальный признак служит критерием выделения преступного поведения — в онтологически нерасчлененной человеческой жизнедеятельности, а преступности —

⁴ См.: Заиграев Г. Г. Проблемы профилактики пьянства. — М., 1980; Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я. Алкоголизм. Изд. 2-е. — М., 1983; Профилактика пьянства и алкоголизма. — М., 1983.

⁵ См.: Гернет М. Н. Избранные произведения. — И., 1974, с. 460-468; 499-507. В настоящее время — исследование сотрудников Всесоюзного суицидологического центра под руководством А. Г. Амбрумовой.

реди иных социальных процессов. Однако преступность, будучи практически хорошо различаемым, фиксированным (с точки зрения государства) феноменом, логически относится к числу собирательных, "назывных" понятий. При всей объективности преступности как реально существующего общественно опасного явления, ее границы, сущностная и логическая определенность носят конвенциональный характер. Уже одно это делает невозможным нахождение ее специфических причин⁶. Не будет излишним заметить, что вообще в сфере общественных процессов "выделение специфической причины из всей совокупности обстоятельств во многих случаях бывает весьма трудным"⁷. Тем более, когда предмет исследования не обладает естественными границами.

Сказанное отнюдь не означает, что преступность — "беспричинное" явление. Суть проблемы в другом. Преступность, наряду с иными формами отклоняющегося поведения как социального явления, имеет общие социальные причины, тающиеся в сложной иерархии противоречий общественно-го развития⁸. Общность причин различных форм отклоняющегося поведения обуславливает и относительную устойчивость их взаимосвязей, и подчас нетривиальный характер этих связей, и теоретическую возможность управленческих воздействий по "канализированию" социальной активности в общественно одобряемом (или допустимом, или хотя бы менее опасном) направлении, и — различную их структуру, интенсивность, динамику в разных регионах страны. Последнее зависит, в частности, от того, что противоречия общественного развития, диспропорции экономического и социального развития, степень социальной неоднородности населения, служа-

⁶ Аналогичная точка зрения представлена в работе: Блувштейн Д., Яковлев А. О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью. Уч. зап. высших учебных заведений Лит. ССР. Право, 1981, т. XVI, вып. I, с. 3-11.

⁷ Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. — М., 1981, с. 221.

⁸ Подробнее см.: Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению. — Известия АН Эст. ССР. Т. 30. Общественные науки, 1981, № 2, с. 134-142; Человек как объект социологического исследования. — Л.: Изд. ЛГУ, 1977, с. 81-104.

щие источником отклоняющегося поведения, социальной патологии, включая преступность, неодинаково проявляются в различных регионах, территориальных общностях, в городах и сельской местности, в крупных и малых городах, в относительно стабильных и быстро развивающихся районах и т.п.

Иерархия противоречий общественного развития, образующая иерархию причин (причинный комплекс) отклоняющегося поведения, включая и преступность, — носит объективно сложный, а потому и дискуссионный характер⁹.

Не останавливаясь сколько-либо подробно на анализе существующих точек зрения и аргументации собственной, отметим лишь то, что имеет непосредственное отношение к нашей теме.

Марксизм-ленинизм вскрыл основную причину преступности в классово-антагонистическом обществе: социальное неравенство, являющееся следствием общественного разделения труда, классовой дифференциации и порождающее как классовую борьбу, так и ее "побочные продукты" в виде преступности, пьянства, проституции и т.п. Определяющую роль социального неравенства в генезисе преступности были вынуждены признать и некоторые буржуазные ученые¹⁰.

Социализм покончил с нищетой и эксплуатацией масс, с частной собственностью и сословными привилегиями. На этой основе за годы советской власти сократился уровень преступности, произошли прогрессивные изменения в ее структуре. Однако при социализме еще сохраняется социально-экономическая неоднородность труда (умственного и

⁹ См., например: К о г а н В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983, с. II — 32; К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. — М., 1976; С п и р и д о н о в Л. И. Проблема причинного комплекса преступности. — В кн.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. — М., 1981, с. 35—50; Человек как объект социологического исследования, с. 87—90 и др.

¹⁰ В XIX веке это — Кетле, Турати, Принс (см.: Гернет М. Н. Указ. соч., с. III, 119, 375). Из современных авторов см.: К л а р к Р. Преступность в США. — М., 1975; Ш у р Э. Наше преступное общество. — М., 1977; статьи Д. Белла и Р. Мертона в кн.: Социология преступности. — М., 1966, с. 265—281, 299—313.

физического, индустриального и аграрного, вквалифицированного и неквалифицированного, управленческого и исполнительского), порождающая социальную неоднородность, наличие классов и социальных групп. Основоположники марксизма связывали полное преодоление социального неравенства с уничтожением классовых различий¹¹. Пока же они сохраняются, "справедливости и равенства ... первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые"¹². Социализм "не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления "по работе" (а не по потребностям)"¹³. И сегодня "характер распределения является по сути дела одним из важнейших показателей степени социального равенства, возможной при социализме ... Полное социальное равенство не возникает вдруг и в законченном виде"¹⁴. Да, "у нас все имеет равные права и равные обязанности перед обществом. Полное же равенство в смысле одинакового пользования материальными благами будет возможно лишь при коммунизме. Но до этого еще предстоит пройти долгий путь"¹⁵.

Заметим, что в вышеприведенных положениях В.И. Ленина важно не только обоснование сохранения неравенства на первой фазе коммунистической формации, но и подчеркиваемая несправедливость социального неравенства. Действительно, неравенство людей как индивидов, представителей человеческого рода всегда было и останется. Это - индивидуальные различия по полу, возрасту, физической силе, интеллектуальной одаренности и т.п. Но такое - естественное - неравенство объективно не

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 525.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.

¹³ Там же.

¹⁴ Андропов Д. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. - "Коммунист", 1983, № 3, с. 15.

¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года, с. 12.

является несправедливым (хотя и может так восприниматься отдельными индивидами). Проблемы социальной справедливости не случайно привлекают все больше внимания¹⁶. Осознание социального неравенства как несправедливости может приводить к различного рода действиям, в том числе и к общественно опасным.

Объективно различное положение классов и социальных групп в системе социалистического общественного производства определяет различное их положение в сфере политики, культуры, быта и потребления, а, в конечном счете, и различные формы социально значимого, в том числе и антиобщественного поведения.

Социальное неравенство - основной источник антиобщественных проявлений, в частности, потому, что реальные возможности ("шансы") удовлетворения потребностей все еще определяются местом индивида в системе общественных (прежде всего - производственных) отношений, занимаемой социальной позицией. Важно подчеркнуть, что речь идет не только (и не столько!) об удовлетворении "первичных", физических потребностей, но и потребностей духовных, собственно социальных, включая потребность в самовыражении, самоутверждении, самореализации посредством творчества. А "реализовать потребности, определяемые стремлением к творчеству и самовыражению личности, куда труднее, чем просто накормить, одеть людей, построить для них жилища"¹⁷.

Вообще в обусловленности социальной патологии, включая преступность, решающим является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий, величина "разрыва" в возможности их удовлетворения для разных социальных групп, то есть, в конечном счете, степень социального неравенства. Социальная неудовлетворенность (а, следовательно, и попытка ее преодолеть, в том числе - антиобщественным путем) порождается не столько "абсолютными" возможностями удовлетворить потребности, сколько относи-

¹⁶ См.: Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. - М., 1977; Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе. - М., 1980; Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. - М., 1982, кн. 1 и 2.

¹⁷ Мальцев Г. В. Указ. соч., с. 143.

тельными - по сравнению с другими представителями своего класса, социальной группы, а также другого класса, других социальных групп. Ибо, как отметил еще К. Маркс, "материальная бедность при известных условиях ощущается человеком тем сильнее, чем больше разница в материальной обеспеченности между данным человеком и другими людьми, объектами сравнения и подражания"¹⁸. Вот почему и "при исследовании территориальных различий преступности ... было установлено, что неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где средний материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальный доход и т. д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерно распределены. Иными словами, состояние преступности коррелировало не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности, с размером и остротой этого различия"¹⁹. Исследование преступности в динамике за ряд лет также подтвердило прямую зависимость уровня преступности от увеличения (уменьшения) разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения²⁰.

Очевидно, основным противоречием, непосредственно определяющим тенденции в динамике антиобщественных проявлений, служит противоречие между относительно равномерно растущими потребностями (и изменениями их структуры) и относительно неравномерно меняющимися возможностями их

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 6, с. 446.

¹⁹ Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности. - В кн.: Влияние социальных условий на преступность. - М., 1983, с. 28. См. также: Серебрякова В. А. Криминологическое значение материальных условий жизни населения. - Там же, с. 42-56.

²⁰ См.: Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности. - Советское государство и право, 1982, № 1.

удовлетворения (в зависимости от социально-классовой принадлежности, сферы занятости, территориальных различий, а также нарушений социалистического принципа оплаты труда).

Изложенное позволяет перейти к рассмотрению некоторых практических аспектов исследования территориальных особенностей преступности.

При всем многообразии собираемой и анализируемой в процессе исследования информации она должна отражать:

- общее состояние преступности и иных форм отклоняющегося поведения на изучаемой территории (в регионе);
- распределение различных форм отклоняющегося поведения среди социально-демографических групп населения;
- пространственное распределение преступности и иных антиобщественных проявлений на территории региона;
- распределение преступности и иных антиобщественных проявлений во времени (суточное, недельное, месячное, годовое);
- социально-экономические, социально-демографические и социокультурные особенности региона, влияющие на основные характеристики преступности и иных антиобщественных проявлений.

Общее состояние преступности, равно как и иных форм социальной патологии, оценивается по хорошо известным критериям - состояние, структура, уровень, динамика. Проблемами остаются: разработка оптимальной, единой системы конкретных показателей, адекватно отражающих исследуемые (и регулируемые!) процессы в сфере правопорядка и позволяющих учитывать и сопоставлять данные в различных регионах; определение степени латентности различных видов преступлений; получение информации о тех антиобщественных проявлениях, которые не учитываются государственной статистикой или правоохранительными органами.

Важнейшим показателем распространенности различных видов преступлений и иных антиобщественных проявлений среди социально-демографических групп населения служит, как правильно отмечалось в литературе (С.Е. Вицин, В.М. Коган, А.А. Лепс и др.), коэффициент преступной (и иной антиобщественной) активности, определяемой как соотношение доли конкретной социально-демографической группы в контингенте преступников, правонарушителей и доли той же группы в населении региона. Этот

коэффициент позволяет выявить степень порочности различных групп населения разными формами социальной патологии, сравнительную величину "вклада" социально-демографических групп в преступность, ее отдельные виды, в иные антиобщественные явления. Возникающие на практике трудности расчета столь значимого показателя объясняются тем, что правоохранительные органы не всегда располагают оперативной и достоверной информацией о социально-демографическом составе населения обслуживаемой территории. Поэтому нередко ограничиваются исчислением доли социально-демографических групп в контингенте правонарушителей, что приводит к искаженной картине. Так, например, среди лиц, совершивших разбойные нападения в одном из изучаемых регионов Северо-Запада, доля 14-17-летних составила в 1979 году 21,5 %, а доля 30-49-летних - 16,6 %, то есть разница, казалось бы, не очень велика (4,9 %). Между тем коэффициенты преступной активности тех же возрастных групп различаются более, чем в 7,5 раза (750 % !). Представляется перспективным переход к разработке эмпирически устанавливаемой типологии социально-демографических групп по совокупности ряда показателей (этот вопрос излагается в статье Н.Н. Проскуриной, помещенной в настоящем сборнике).

При изучении пространственно-временного распределения антиобщественных проявлений в регионе определяется интенсивность их распространенности по административно-территориальным единицам региона. Знание уровня преступности в районах позволяет путем расчета среднего регионального показателя и порайонных от него отклонений ("плюс", "минус") определить относительную "криминогенность" районов. Поскольку административно-территориальное деление не всегда учитывает все значимые социально-экономические, этнические, социокультурные факторы, влияющие на правонарушаемость, постольку требуется дальнейшая детализация криминогенной ситуации по микрорайонам или исторически сложившимся территориальным общностям. Далее определяются основные "экспортно-импортные" миграционные потоки преступности между районами региона, а также между изучаемым и иными (в первую очередь - соседними) регионами. Выявленные в динамике за ряд лет относительно устойчивые закономерности пространственного распределения преступности (по основным видам) и иных антиоб-

ественных проявлений служат основой для составления соответствующих карт. Закономерности распределения различных форм социальной патологии во времени фиксируются в таблицах и в виде графиков (суточная, недельная, месячная, сезонная "волны")²¹.

Важнейшая часть исследования - выявление закономерностей основных характеристик преступности и иных антиобщественных проявлений, их пространственно-временных распределений от социально-экономических, демографических, социокультурных процессов в регионе. Объективные трудности, подстерегающие исследователей:

- чрезвычайная сложность взаимосвязей экономических, социальных, демографических процессов и различных форм отклоняющегося поведения (как проявлений социальной дезорганизации)²²;

- комплексный, междисциплинарный характер исследования, требующий совместных усилий социологов, криминологов, экономистов, демографов, географов и иных специалистов;

- трудоемкость сбора и анализа необходимой информации;

- преимущественно поисковый характер ранее проведенных исследований, а, следовательно, отсутствие надежно отработанных методик.

Многообразие и сложность взаимосвязей социально-экономических процессов с различными формами отклоняющегося поведения, включая преступность, предполагает прежде всего структуризацию социальных условий, реальных противоречий социально-экономического развития (теневой стороной

²¹ См.: Биков И. А. Методика анализа сезонных колебаний преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1962, вып. 36, с. 39-48.

²² См.: Горинюв К. К., Кондратюк Л. В. Проблемы прогнозирования преступности в региональном разрезе. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1983, вып. 39, с. 26-35. См. также Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. - В кн.: Социология сегодня. - М., 1965; Мартиндейл Дон. Социальная дезорганизация: конфликт между мотививным и эмпирическим подходом. - В кн.: Беккер Г., Восков А. Современная социологическая теория. - М., 1961; Щепаньский Я. Альтернативные понятия социологии. - М., 1969, с. 196-203 и др.

которого и является социальная дезорганизация). При этом, очевидно, "в основу систематизации детерминант социальной дезорганизации может быть положена структура социальных процессов и соответствующих им противоречий"²³.

Необходимость комплексного исследования социальной обусловленности преступности и иных антиобщественных проявлений конкретными процессами в конкретном регионе лишний раз подтверждается тем, что проводившееся изучение влияния отдельных социально-экономических, демографических, социально-психологических и иных процессов (факторов) на структуру, уровень и динамику преступности, при всей значимости таких работ в накоплении эмпирических данных, нередко приводили к недостаточно обоснованным выводам, упрощавшим действительность. Лишь в качестве примера отметим, что уровень преступности, алкоголизации, суицидального поведения и т.п. находится отнюдь не в прямой, а в гораздо более сложной, подчас обратной корреляционной зависимости. Такие процессы как урбанизация и миграция населения также не столь прямо и непосредственно связаны с уровнем и динамикой антиобщественных проявлений.

О том, что не сама по себе урбанизация "криминогена", а те диспропорции, которые наблюдаются в период наиболее резкой ломки традиционного сельского образа жизни в процессе урбанизации, свидетельствует, например, тот факт, что в конце 20-х годов коэффициент преступности (в расчете на 10 тысяч жителей) в городах в 3,7 раза превышал соответствующий показатель в сельской местности, а к концу 60-х годов этот разрыв сократился до 1,5 раза²⁴. По переписи 1979 года городское население составляло в СССР - 62 %, в Эстонской ССР - 70 % (высокий уровень урбанизации), в Грузинской ССР - 52 % (относительно низкий уровень урбанизации)²⁵. При этом в 70-е годы уровень преступности в го-

²³ Горяинов К. К., Кондратюк Л. В. Указ. соч., с. 29.

²⁴ Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. - М., 1980, с. 20.

²⁵ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. - М., 1984, с. 8.

родах Грузии был в 2 - 2,5 раза выше, чем в сельских районах²⁶, тогда как в Эстонии различия оказались минимальными, статистически незначимыми (данные А.А. Лепса).

Вопреки бытующему иногда представлению отсутствует прямая зависимость между величиной города и уровнем антиобщественных проявлений. Так, в крупнейших городах - Москве, Ленинграде, Киеве - уровень преступности на протяжении длительного времени существенно ниже, чем в других крупных городах. В Эстонии уровень преступности в Таллине и Тарту ниже, чем в Нарве и Кохтла-Ярве (данные А.А. Лепса). В Грузии наиболее высокие коэффициенты преступности и алкоголизации - в средних и малых городах (А.А. Габияни, Р.Г. Гачечиладзе). В Свердловской области наиболее высокий уровень преступности в малых городах, а самые низкие показатели - в крупных, а также крупнейших городах области - Свердловске и Нижнем Тагиле (А.Ф. Соколов). Аналогичная тенденция в Кемеровской области (Н.Г. Мковлева).

Не является сама по себе "криминогенной" и миграция. Исследования в городе-новостройке показали, что имеются критические периоды адаптации новоселов, своего рода "болевые точки", приходящиеся в основном на период от 6 месяцев до I года (Г.М. Резник). Очевидно, именно в это время наступает "разочарование" от перемены места жительства, крушение надежд на быстрое достижение тех благ, ради которых человек переселился. Этому периоду соответствует и наиболее высокая частота совершения преступлений новоселами. Трудно переоценить такого рода сведения для организации работы по адаптации мигрантов и тем самым - по профилактике преступности.

Большого внимания заслуживает изучение зависимости территориальных особенностей преступности и иных антиобщественных проявлений от степени социальной неоднородности, социального неравенства. Это потребует, помимо апробированного инструментария, разработки более "тонких" методов, способных выявить и количественно отразить ситуацию в регионе.

Наконец, представляется плодотворным сопоставление социально-экологических карт территории региона (картиро-

²⁶ См.: Г а б и а н и А. А., Г а ч е ч и л а д - з е Р. Г. Указ. соч.

вание размещения учреждений образования, культуры, здравоохранения, торговли, общественного питания, транспортной сети, природной среды, плотности населения, типа застройки, зон промышленности, жилья и отдыха и т. п.) с картами распространенности основных форм антиобщественных проявлений и составление социо-криминологических карт и атласов²⁷.

Сочетание теоретико-прикладных исследований в регионе позволит разработать модели изучаемых процессов, их "проигрывание" с помощью компьютеров. В свою очередь, это будет способствовать более обоснованному прогнозированию преступности и иных форм отклоняющегося поведения в целях создания эффективной системы борьбы с негативными явлениями и их профилактики.

²⁷ См.: Габбани А. А., Гачечиладзе Р. Г. Указ. соч.; Григорян В. А. Метод картографического отображения некоторых социальных характеристик преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1982, вып. 36, с. 49-54; а также работы А. Лепса, М. Павельсон, Э. Раска, Э. Мунапуу по материалам Эстонской ССР.

ПРОЦЕДУРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ

Э. Р а с к а

Тщательно разработанная, прочная методологическая основа служит одним из важнейших гарантов результативности исследования сложного процесса социального обусловливания преступности. Между тем очевидно, что даже безупречные методологические принципы и идеи не осуществляются сами по себе. Их осуществление становится реальным лишь в рамках определенной системы действий исследователя, системы, которая предусматривает как способ организации, так и последовательность применения различных исследовательских приемов. Таким образом, полнота и адекватность реализации лежащих в основе исследования методологических принципов и идей непосредственно зависит от набора соответствующих процедур исследования.

Процедуры исследования нацелены на реализацию лежащих в основе исследования методологических принципов и идей, которые, в свою очередь, связаны со спецификой предметной области исследования. Поэтому можно сказать, что выбор процедур исследования — операция не произвольная, а предопределяемая объективно присущими предметной области свойствами. В отношении исследования процессов социального обусловливания преступности это означает, что применяемые процедуры должны быть в состоянии охватить важные стороны этого процесса на всех его ступенях, начиная с наиболее общих природных и социально-экономических условий жизнедеятельности и социального поведения людей и оканчивая специфическими условиями микросреды, формирующими преступно активные типы личности.

Предопределенность исследовательских процедур нельзя рассматривать как оперирование какими-то застывшими, раз и навсегда данными алгоритмами. По мере углубления наших знаний о предметной области и совершенствовании мето-

дологических разработок развиваются и совершенствуются и процедуры исследования.

Кроме того, в тех случаях, когда мы имеем дело со столь сложными процессами, каким является процесс социального обусловливания преступности, целесообразно на первых стадиях исследования пользоваться наиболее простыми, несложными процедурами, которым доступны, прежде всего, поверхностные, эмпирически непосредственно наблюдаемые пласты исследуемого процесса. По мере накопления опыта исследования и первичных, хотя и поверхностных знаний о предметной области, можно прибегнуть к более сложным процедурам, позволяющим исследовать ее скрытые от непосредственного наблюдения стороны.

Ниже излагается один из возможных вариантов реализации принципа "от простого к сложному" при разработке процедур исследования процесса социального обусловливания преступности. Соответствующие процедуры - изучение территориальной локализации (географии) преступности; изучение характеристик социального пространства и образа жизни людей в экстремальных зонах локализации преступности - имеют познавательную ценность как каждая в отдельности, так и в комплексе. Если эти процедуры, взятые в отдельности, позволяют характеризовать различные стороны интересующего нас процесса, то в совокупности они дают более или менее целостное представление об исследуемом процессе в конкретных условиях социального пространства.

I. Изучение территориальной локализации (географии) преступности

В последние годы, в связи с настоятельной необходимостью повысить уровень комплексности научных исследований общественных систем, процессов и явлений, все большее значение приобретает социальная география, изучение географических закономерностей функционирования общественных систем. Это, по-видимому, объясняется тем, что в отличие от большинства частных наук, рассматривающих лишь отдельные стороны действительности, география изучает природу и общество более комплексно и генерализованно, с упором на выявление пространственных структур, связей и отно-

лений¹. Нельзя не заметить также, что обоснованность географического подхода к явлениям общественной жизни вытекает из самой сущности этих явлений. С.Я. Ныммик отмечает, что географической наукой установлена системная и временно-пространственная сущность жизни общества. Формирование социально-экономических пространственных систем считается одной из основных закономерностей развития общества².

Подобно другим социальным процессам, свойством "географичности" обладает и преступность. Как разновидность социального поведения, преступность не может не связываться с природными, экономическими, культурными и т.п. условиями жизни людей, т.е. с условиями, которые, по данным специальных исследований, в различных социально-экономических пространственных системах явно неодинаковы. Поэтому вполне естественно предположить, что соответственно изменениям условий жизни изменяется и преступность, ее количественные и качественные характеристики. Или, иными словами, можно предположить, что географические закономерности общественной жизни проявляются, помимо прочего, через особенности территориальной (географической) локализации преступности.

Проблемы географии преступности, в частности, проблема ее территориальных различий, уже давно привлекают внимание советских криминологов. Так, еще в конце шестидесятых годов были проведены крупномасштабные исследования, направленные на выявление различий городской и сельской преступности. В последующие годы внимание к изучению преступности в территориальном разрезе постоянно возрастало, все в большей мере дифференцировался объект исследования, причем этот процесс происходил не только по вертикали (т.е. по типам городских и сельских поселений), но и по горизонтали. В результате — сейчас можно говорить о существовании нового направления в советской криминологии — географии преступности.

Географическое направление в криминологической науке

¹ См.: Дзенис З. Е. Методология и методика социально-экономико-географических исследований. — Рига: Зинатне, 1980, с. 15.

² См.: Ныммик С. Я. Социально-экономическое районирование (на примере Эстонской ССР). Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 578: Труды по географии. — Тарту, 1981, с. 28.

следует, на наш взгляд, рассматривать как логический результат развития криминологической теории и практики исследований. Очевидно также, что соответствующие теоретические и прикладные разработки представляют собой необходимое условие совершенствования борьбы с преступностью. Плодотворность изучения географии преступности вряд ли может вызывать сомнения сейчас, когда коллективом Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, а также криминологами Грузинской ССР, Прибалтийских республик и другими проведены весьма интересные и результативные исследования.

Не задаваясь целью проведения подробного анализа результатов уже проведенных исследований в области географии преступности, мы тем не менее считаем уместным вкратце остановиться на вопросе о том, что могут дать такие исследования, в чем состоит их познавательная ценность. Знание познавательных возможностей определенного метода, в частности, географического метода в криминологии, гарантирует трезвость и объективность оценки его перспектив.

Нет сомнения в том, что изучение закономерностей территориальной локализации (географии) преступности представляет собой сутобо описательную исследовательскую процедуру, которая не в состоянии непосредственно затрагивать глубинные структуры феномена преступности. В связи с этим может возникнуть вопрос — стоит ли в таком случае вообще серьезно относиться к данной процедуре? Стоит ли тратить и без того ограниченные ресурсы на исследование географии преступности? Ссылаясь на результаты исследований, проведенных в области географии преступности, на этот вопрос следует ответить положительно.

Как известно, изучение территориальных различий преступности по различным регионам страны довольно-таки однозначно выявило, что эмпирически измеряемые параметры наличной преступности связываются не столько с отдельно взятыми криминогенными обстоятельствами экономической и социальной жизни региона, сколько с совокупным, интегрированным влиянием сложного взаимодействия всех основных процессов и явлений жизнедеятельности рассматриваемой территориальной общности. Между тем именно это обстоятельство не учитывается в процедурах традиционных криминологических исследований, которые сосредоточиваются на отдельных, относительно обособленных фрагментах действитель-

ности, рассматривая эти фрагменты в качестве предполагаемых факторов преступности.

Неоспоримое преимущество географического метода изучения преступности как раз в том и состоит, что он позволяет получить хотя и поверхностное, но вместе с тем целостное представление о взаимоотношениях между преступностью и социально-экономическими пространственными системами. Легко заметить, что такое представление является удобной и необходимой основой для дальнейших, углубленных исследований преступности.

Целостное представление о локализации преступности по различным социально-экономическим пространственным системам служит, далее, основой для зонирования преступности, для первичной классификации районов и регионов страны на основе эмпирически наблюдаемых количественных и качественных характеристик преступности. В рамках подобной классификации обнаруживаются так называемые экстремальные и "нормальные" зоны локализации преступности, т. е. зоны, где эмпирически наблюдаемые характеристики преступности либо явно отличаются от средних для рассматриваемой территории показателей (экстремальность), либо устойчиво приближаются к ним (нормальность). Очевидно, что территориальная экстремальность распространения преступности может иметь двусторонний характер и проявлять себя через показатели как выше, так и ниже выявленного среднего.

Поскольку в экстремальных условиях процессы и явления обнаруживают себя, как правило, в наиболее "явном" виде, контрастно, можно предположить, что к ожидаемым результатам скорее всего приведут углубленные исследования преступности и ее социальных условий именно в экстремальных зонах локализации. При этом особенно перспективными, по нашему мнению, являются сравнительные исследования преступности и ее социальных условий по различным зонам. Подобные исследования - это по сути естественный эксперимент, в процессе которого открывается возможность довольно точно определить, какими изменениями в преступности социально-экономическая пространственная система реагирует на изменение ее отдельных параметров, т. е. определить, какие криминологически значимые социальные последствия повлекут за собой изменения определенных условий жизнедеятельности людей.

Оказывается, таким образом, что исследование территориальной локализации (географии) преступности существенно расширяет познавательные возможности криминологических исследований, открывая новые перспективы. Претому несмотря на то, что в рамках подобного исследования, как правило, остаются незатронутыми многие важные аспекты преступности и ее причинного комплекса, выявлением географических закономерностей существования преступности заниматься необходимо. Тем самым закладывается прочный фундамент для последующих, более содержательных исследований глубинных структур преступности, уточняются наиболее перспективные направления научного поиска.

Одним из наиболее естественных способов изучения географии преступности является картографирование, т.е. составление карт ее территориального размещения. Корректно составленные, достоверные в территориальном и статистическом смысле карты размещения преступности, хотя и являются "одномерными" (ибо каждая отдельная карта строится исходя из какого-нибудь конкретного параметра преступности), тем не менее в состоянии дать целостное представление о преступности на рассматриваемой территории, в особенности при наличии комплекта таких одномерных карт, позволяющего характеризовать территориальное размещение преступности в совокупности по всем основным количественным и качественным параметрам.

Очевидно также, что обеспечение достоверности составляемых карт территориального размещения преступности необходимо предполагает соблюдение определенных правил их составления. Это в одинаковой мере относится как к структурированию изучаемой территории, так и к выделению подлежащих картографированию количественных и качественных характеристик самой преступности.

Представляется, что при структурировании территории размещения преступности особых трудностей не возникает. Территория, как известно, расчленяется на административно-территориальные единицы различного уровня (сельсовет, район, область, республика, городской микрорайон, городской административный район и т.п.), которые можно закладывать в основу картографирования размещения преступности. Важно лишь решить, какая степень территориальной дифференциации в каждом конкретном случае целесообразна и разумна.

Некоторые авторы предполагают, что изучение географии

преступности, в частности территориальных ее различий, имеет смысл и оправдывает себя лишь при оперировании достаточно крупными территориальными единицами порядка области. Согласно их мнению, в масштабах более мелких, низовых административно-территориальных единиц выявление каких-то закономерностей размещения преступности невозможно, поскольку здесь существенную роль начинает играть случай³.

Мы не разделяем этой точки зрения. Конечно, следует согласиться с А.А. Габiani и Р.Г. Гаччиладзе, которые пишут, что изучение преступности в пределах одного только низового административного района не позволяет глубоко осмыслить весь комплекс причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это действительно так, но, во-первых, география преступности и не претендует на осмысление всего комплекса причин и условий преступности. Она следует, как было отмечено, цель создания необходимых для этого предпосылок⁴. Во-вторых, нельзя не заметить, что познавательная ценность изучения территориального размещения преступности тем больше, чем более адекватно (в территориальном смысле) составленные карты отражают реальную ситуацию. Очевидно, что изучение размещения преступности именно по низовым административно-территориальным единицам представляет собой если не единственный, то во всяком случае, один из немногих путей повышения адекватности карт территориального размещения преступности.

Поэтому мы считаем, что география преступности не только может, но и должна интересоваться низовыми административно-территориальными единицами, считаться с ними при составлении карт территориального размещения преступности. В целях повышения информативности, а, следовательно, и территориальной адекватности этих карт представляется необ-

³ См., например: Г а б и а н и А. А., Г а ч е ч и л а д з е Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности. (По материалам Грузинской ССР). - Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-та, 1982, с. 20-22; см. также: Г о р я н о в К. К., К о н д р а т ю к Л. В. Проблемы прогнозирования преступности в региональном разрезе. - Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1983, вып. 39, с. 32-35.

⁴ Подробнее о познавательных возможностях картографических методов см.: З а в а д с к и й С. Основы регионального планирования. (Сокр. пер. с польского). - М.: Прогресс, 1973, с. 169-173.

ходимым взять за основу структурирования исследуемой территории существующую систему административно-территориального деления начиная с сельсовета (в сельской местности) и административного городского района (в городах, где они имеются). Неважно, на наш взгляд, чтобы принимаемая за основу картографирования преступности низовая административно-территориальная единица обладала всеми качественными и количественными параметрами социально-экономического целого. Важно лишь иметь дело с такими четко и однозначно разграниченными единицами, которые вошли бы в состав вышестоящих административно-территориальных единиц без нарушения их территориальной целостности. Соблюдение этого требования позволит при необходимости укрупнить исследуемые территориальные единицы без сколько-либо заметных информационных потерь.

По сравнению со структурированием территории несколько сложнее определить, по каким параметрам самой преступности наиболее целесообразно и результативно изучать ее территориальное размещение. Здесь, по-видимому, и не существует универсальных критериев, которые позволили бы оценить важность каждого отдельного параметра преступности с точки зрения изучения ее географии. Скорее наоборот, учитывая, что в нашем обществе нет так называемых криминогенных факторов, которые однозначно, везде и всегда одинаково порождали бы преступность, можно предположить, что связь преступности со средой ее локализации варьирует в весьма широких пределах. Это значит, что параметры преступности, существенные с точки зрения изучения ее географии в одних регионах, могут оказаться несущественными в других. В связи с этим мы считаем целесообразным, в особенности в начальных стадиях исследования, пользоваться хорошо известными в криминологии статистическими параметрами состояния и структуры преступности.

Ввиду того, что изучение географии преступности по отдельным ее параметрам предполагает составление отдельной карты для изображения каждого выделяемого параметра, целесообразно картографирование территориального размещения преступности начать с более общих ее характеристик (например, с общего коэффициента преступности, исчисляемого в расчете на 1000 или 10 000 человек преступно

активного, с точки зрения уголовного права, населения, т. е. с населения в возрасте от 14 до 60 лет). Полученная на этой основе карта характеризует интенсивность преступности в территориальном разрезе и служит необходимой предпосылкой для последующих детализированных исследований территориального распространения более специфических параметров преступности. Очевидно также, что картографирование интенсивности преступности позволяет, пусть в первом приближении, выявить ее экстремальные зоны.

Детализировать карты территориального размещения преступности возможно в двух основных направлениях: во-первых, исходя из характеристик структуры преступности и, во-вторых, исходя из характеристик структуры населения картографируемой территории. В принципе возможно и третье направление, которое как бы соединяет, интегрирует вышеназванные направления. Так, например, можно представить себе территориальное изображение различного рода преступной активности (корыстной, насильственной и т. п.) различных социальных и профессиональных групп населения. Однако это возможно лишь при условии, что на рассматриваемой территории совершается достаточно большое количество преступлений. Если в территориальном изучении преступности ориентироваться на низовые административно-территориальные единицы, то третье направление отпадает.

В интересах достижения целостности составляемых карт, детализирование территориального размещения преступности, осуществляемое на основе характеристик как структуры преступности, так и структуры населения, целесообразно начинать с более общих характеристик, причем каждая последующая карта будет постепенно, все в большей мере детализировать, фокусировать интересующий нас параметр. Так, например, начиная территориальное изображение структурных компонентов преступности с трех обобщенных компонентов — корыстные, насильственные и насильственно-корыстные преступления, — полученную картину можно при необходимости фокусировать на конкретные виды преступлений внутри каждого отмеченного компонента. Таким образом можно постепенно детализировать и территориальное изображение распространения преступной активности различных групп населения, начиная с характеристик половозрастной структуры, составить, далее, карты территориального распространения преступной активности по различным социальным и про-

фессиональным группам населения. Конечно, подобная детализация возможна лишь в разумных пределах, которые определяются, прежде всего, количеством совершаемых на рассматриваемой территории преступлений.

При составлении карт территориального размещения преступности особое внимание следует уделить выявлению локализации тяжких насильственных преступлений. Эта группа преступлений представляет собой своего рода индикатор уровня (интенсивности) преступности в целом. Результаты специальных исследований свидетельствуют о том, что уровень тяжких насильственных преступлений сильно коррелирует с уровнем всей преступности (коэффициент линейной корреляции - около 0,8). Учитывая низкую латентность тяжких насильственных преступлений, можно утверждать, что изучение их территориального размещения служит существенной основой для уточнения наших представлений о состоянии преступности, для выявления приблизительного объема латентной преступности.

Получение адекватной картины территориального размещения преступности заставляет при составлении соответствующих карт учитывать и миграцию преступности. Как известно, далеко не все преступления, совершаемые на территории определенной административно-территориальной единицы, совершаются лицами, проживающими на этой территории. Так, значительная часть преступлений, совершаемых в сельских пригородных районах, совершается не местными жителями, а приезжими горожанами. Удельный вес "мигрирующей преступности" высок в курортных городах, в зонах массового отдыха и т. п. Все это, несомненно, должно отразиться на картах территориального размещения преступности. Более того, желательно, чтобы при изучении географии преступности учитывался не только объем "мигрирующей преступности", но, по возможности, были бы выявлены и нанесены на карту преобладающие направления миграции преступности.

В связи с изучением географии преступности и составлением карт ее территориального размещения возникает еще одна проблема - вопрос об отношении к границам с преступностью административным проступкам. Ведь такие проступки как мелкое хулиганство, мелкое хищение и т. д. лишь формально не являются преступлениями. Их повторное совер-

шение влечет за собой, как правило, уголовную ответственность. Кроме того, многие виды административных проступков имеют непосредственное отношение к преступности в том смысле, что представляют собой как бы начало последующей преступной карьеры. Все это, на наш взгляд, говорит в пользу того, чтобы параллельно с изучением территориального размещения преступности изучать географию некоторых видов административных проступков. Такое расширение объема изучаемого социального поведения тем более обосновано, что в результате открывается возможность оценить степень криминогенной зараженности и в тех административно-территориальных единицах, где абсолютные показатели объема преступности незначительны.

2. Изучение характеристик социального пространства в экстремальных зонах локализации преступности

Картографирование территориального размещения преступности, изучение географических закономерностей ее локализации служит своего рода исходной процедурой исследования социальных условий преступности. Свойственная этой процедуре "одномерность" измерений упрощает, с одной стороны, работу исследователя, позволяя ему относительно легко и быстро получить определенную картину о наиболее общих, а потому иногда и формальных связях между преступностью и территориально-пространственными подсистемами общественного организма. С другой стороны, та же одномерность рассматриваемой процедуры предопределяет и ее познавательные границы. Картографирование территориального размещения преступности, будучи по сути проекцией интересующих нас явлений и взаимодействий на определенной территории на двумерную систему географических координат, в определенной степени искажает пространственные характеристики как самой преступности, так и порождающих ее социальных условий.

Поэтому для достижения наиболее адекватного и одновременно содержательного раскрытия характера и структуры социальных условий преступности, необходимо идти дальше от простого описания территориального сосуществования преступности и некоторых параметров рассматриваемого обще-

ственного организма. Так, одномерный анализ территориального размещения преступности необходимо дополнить анализом количественных и качественных характеристик многомерно-го социального пространства, характеристик, сочетание которых, в конечном счете, и определяет формы и содержание социального поведения населения и, в частности, преступного поведения.

По определению Г. Е. Зборовского, социальное пространство - это "форма общественного бытия, в которой локализуется деятельность человека по определенным сферам с точки зрения места их проявления"⁵. Следует отметить, что понятие социального пространства вошло в нашу философию и социологическую литературу относительно недавно и пока еще не нашло всеобщего признания. Известный советский социолог М. Н. Руткевич считает, что понятие "социальное пространство" в прямом его значении вообще не имеет смысла и может употребляться только в переносном значении с оговорками такого рода: "Мы будем понимать под социальным пространством то-то и то-то". В результате, - заключает М.Н. Руткевич, - данному понятию придается произвольный смысл"⁶.

Конечно, нельзя не согласиться с М.Н. Руткевичем в том, что при введении новых понятий, в частности понятия социального пространства, необходимо согласовать его с вышестоящим, философским уровнем познания, с системой категорий диалектического материализма. Однако сказать, что социальное пространство как понятие вообще не имеет смысла, тоже, по-видимому, нельзя. И прежде всего потому, что само пространство как универсальная форма существования материи не является индифферентным по отношению к различным формам движения материи. В связи с этим Д. К. Плетников пишет: "Носителем социальной формы движения становится не просто человек, а общественный человек, материальную организацию которого нельзя свести к организации его живого органического тела"⁷. Представляется, что фор-

⁵ З б о р о в с к и й Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. - Свердловск, 1974, с. 14.

⁶ Р у т к е в и ч М. Н. Диалектика и социология. - М.: Мысль, 1980, с. 134-135.

⁷ П л е т н и к о в Д. К. О природе социальной формы движения. - М.: Изд. Моск. ун-та, 1971, с. 26.

мой и условием существования общественного человека, т. е. человеческого общества, и является социальное пространство.

Понимается, появление понятия социального пространства в современной социологической терминологии объясняется вовсе не стремлением некоторых социологов к оригинальности. Реально возникновение новых понятий диктуется развитием социологической науки, необходимостью более адекватно отражать явления изучаемой ее действительности. Привлекает внимание, что понятие социального пространства вошло в терминологию социологов как раз в то время, когда в результате крупномасштабных региональных исследований были обнаружены новые качества территориальных общностей людей. Выяснилось, как пишет об этом М. Н. Межевич, что "территориальная общность ... имеет определенные социальные функции, обладает специфической формой относительно обособления в общественной системе и характеризуется определенной системой социальных связей, формирующих саму территориальную общность".

Не что иное как необходимость уловить и адекватно отразить территориально-пространственную специфичность таких общностей побуждает социологов к поискам и разработке нового понятия. "Представляется целесообразным, — продолжает по этому поводу М. Н. Межевич, — сделать вполне назревший шаг: рассматривать территориальную общность как проявление "социальной организации пространства"⁸.

Мы не ставим перед собой задачи всесторонне анализировать содержание понятия социального пространства. Это дело исторического материализма как общей социологической теории. К тому же для решения стоящих перед нами задач вполне достаточно рабочего определения этого понятия, т. е. определения, которое не претендует на завершенность, а исходит из установленных эмпирических фактов и дает им первичную, скорее интуитивную, нежели строго теоретическую интерпретацию.

Между тем очевидно, что и рабочее толкование понятия социального пространства не может быть произвольным. При его конструировании следует прежде всего учитывать, что социальное пространство нельзя рассматривать как "вмести-

⁸ Межевич М. Н. Территориальная общность как объект социального планирования. — В кн.: Планирование социального развития городов. М., 1976, вып. 2, с. 54, 55.

лище" конкретных социальных образований. "Оно неотрывно от общества, — подчеркивает Г.Е. Зборовский, — от тех социальных объектов, с которыми мы имеем дело, и характеризует единство взаимосвязанных социальных систем"⁹. Это уточнение Г.Е. Зборовского представляется нам весьма существенным с точки зрения понимания природы социального пространства. Действительно, социальное пространство, характеризующее сосуществование, единство социальных систем, не сводится к их простой, механической совокупности, а является прежде всего и главным образом **качественной характеристикой, качественным эффектом интеграции социальных систем**. Поэтому при анализе структуры социального пространства, вернее, структуры его материального субстрата, наряду с выделением здесь отдельных, взаимодействующих социальных систем, особого внимания заслуживает результирующий эффект этого взаимодействия.

Что касается материального субстрата социального пространства, тех социальных систем, взаимодействие которых, в конечном счете, проявляется в характеристиках социального пространства, то здесь представлены все б^ое исключенные системы и подсистемы живого общественного организма. Практически это означает, что "носителем" социального пространства являются, прежде всего, общество в целом, а в рамках этого общества — относительно целостные территориально-пространственные подсистемы со свойственными им специфическими характеристиками (чертами). Однако поскольку это так, волей-неволей возникает важный с точки зрения эмпирического измерения характеристик социального пространства вопрос: как систематизировать, сгруппировать бесконечное множество реально существующих социальных систем, чтобы они стали доступны эмпирическому наблюдению, измерению и описанию? Ответить на этот вопрос тем более трудно, что, по-видимому, не все системы и подсистемы общественного организма в одинаковой мере влияют на характеристики социального пространства, в том числе и на характеристики, значимые с точки зрения криминологии.

Мы не думаем, что на этот вопрос можно ответить однозначно. Социальное пространство обладает множеством харак-

⁹ З б о р о в с к и й Г. Е. Указ. соч., с. 71.

теристик, множеством срезов. Не все из них, по-видимому, в одинаковой мере значимы с точки зрения задач, которые стоят перед криминологом. Поэтому естественно предположить, что характер и содержание решаемых криминологических задач в значительной степени дифференцируют и сужают круг представляющих криминологический интерес характеристик социального пространства и, стало быть, лежащей в основе этих характеристик совокупности взаимодействующих социальных систем.

Кроме того, было бы упрощением представить себе связь между характеристиками социального пространства, с одной стороны, и их материальным субстратом (определенной совокупностью взаимно интегрированных социальных систем), — с другой, как некую линейную зависимость. В действительности все гораздо сложнее. Так, не исключено, что одни и те же характеристики социального пространства исходят из различных совокупностей социальных систем подобно тому, как эти же социальные системы в различных сочетаниях могут дать результирующий эффект их взаимодействия, интеграции в весьма различных характеристиках социального пространства. Вполне возможно, например, что социальная неоднородность и все ее социальные последствия в одних территориально-пространственных системах исходят главным образом из социально-профессиональной структуры населения, в других же — из неблагоприятной демографической ситуации. Возможно также, что одинаковые как по структуре, так и по объему предлагаемых услуг комплексы удовлетворения духовных и культурных потребностей населения в различных территориально-пространственных системах дают различный эффект в диапазоне от полного удовлетворения соответствующих потребностей до полного отсутствия их удовлетворения, и все это в зависимости от фактической структуры данных потребностей населения той или иной территориально-пространственной системы.

Несмотря на сложность и многогранность проблемы, нам представляется, что поскольку криминолога в первую очередь интересуют порождающие преступность социальные условия, обстоятельства, обуславливающие преступную активность определенных контингентов населения, то в контексте понятия социального пространства это означает важность тех из бесчисленного множества социальных систем, взаимодействие которых наиболее непосредственно определя-

ет материальные и духовные условия существования и воспроизводства ведущего компонента всех социальных систем — самого населения. Это прежде всего природно-географическая среда, сфера приложения труда, социальная инфраструктура, в частности системы удовлетворения бытовых и досуговых потребностей, и, разумеется, само население, рассматриваемое как в аспекте расселенческой структуры, так и с учетом сложившейся демографической ситуации, профессионально-квалификационной структуры и т.п.

Для правильного понимания природы социального пространства, в частности, криминологически значимых его характеристик, не лишне еще раз подчеркнуть, что вышеотнесенные, равно как и другие социальные системы, не размещаются в социальном пространстве, а своим взаимодействием формируют его и отдельные его характеристики. Поэтому и криминологическое исследование характеристик социального пространства и его материального субстрата должно быть направлено на выявление связей между отдельными социальными системами, на выяснение того, насколько синхронизировано функционирование взаимодействующих социальных систем, на изучение социально значимого качества этого взаимодействия, его результирующего эффекта.

Здесь уместно заметить, что в последние годы советские криминологи все чаще подчеркивают целесообразность и необходимость криминологического исследования таких сфер жизнедеятельности людей как труд, быт и досуг. Так, уже почти десять лет тому назад виднейший советский криминолог В. Н. Кудрявцев, отметив, что конкретное изучение влияния социальных условий на поведение людей "предполагает более подробный анализ отдельных областей, сфер общественной жизни", выделил "отношения в сфере экономики, в области государственного управления, а также в сфере быта"¹⁰. В конце семидесятых годов сотрудниками Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А. Б. Сахарова было разработано и начато осуществление обширной программы ком-

¹⁰ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. — М.: Наука, 1976, с. 137.

плексного исследования социальных условий преступности, причем особое внимание в этой программе уделялось как раз криминологическому исследованию сфер труда, быта и досуга¹¹.

Обращение криминологов к исследованию важнейших сфер жизнедеятельности людей, — несомненно, новый шаг в развитии криминологической теории и практики. Однако и здесь следует сосредоточиться не столько на отдельных сферах жизнедеятельности в надежде найти там "источники возможного социально негативного, криминогенного влияния"¹², сколько на выявлении криминогенного, социально неблагоприятного аффекта взаимовлияния этих сфер. Иначе мы волеи-неволеи утратим преимущества системного подхода и, хотим мы этого или нет, будем топтаться на старых, давно изживших себя концепциях теории факторов.

Вполне вероятно, что в той мере, в какой внутри каждой отдельно взятой сферы жизнедеятельности людей выделяются определенные подсистемы с различным, в том числе и противоречивым, конфликтным характером функционирования, каждая рассматриваемая система в отдельности может представлять криминологический интерес. Но и тогда нельзя не считаться с тем, что выявленная криминогенность не обязательно присуща данной конкретной сфере жизнедеятельности, а может представлять собой и специфическое отражение криминогенного эффекта социально неблагоприятного взаимодействия этой сферы с другими. Это объясняется тем, что криминогенность — это прежде всего характеристика состояния определенной системы, целого. Очевидное преимущество криминологического исследования социального пространства как качественной стороны взаимодействия интегрированных в систему сфер и процессов жизнедеятельности людей в том и состоит, что в нем не теряется целостность, системность исследовательского подхода.

¹¹ Подробнее о теоретических и методических основах программы см.: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. — М.: Всесоюзный ин-т по изуч. причин и раб. мер предупреждения преступности, 1979.

¹² Методологические вопросы изучения социальных условий преступности, с. 8.

Практически неизбежно, что отдельные компоненты материального субстрата социального пространства — природно-географической среды, сферы приложения труда, социальной инфраструктуры, различных характеристик населения — подвергаются эмпирическому измерению, будучи "вырванными" из целостной системы взаимодействия. Чтобы объективно и всесторонне измерять и описывать параметры каждого отдельного компонента рассматриваемой системы, необходимо абстрагироваться от других. Между тем это абстрагирование не абсолютно. Оно лишь служит целям измерения параметров самого выделяемого компонента (сферы) — вне его предполагаемых связей как с параметрами других компонентов, так и с характеристиками преступности.

Здесь не место для подробного изложения эмпирических показателей, по которым осуществляется измерение того или иного компонента материального субстрата социального пространства. Разработка и обоснование этих показателей — дело конкретного исследования, во многом определяемое его конкретными задачами и целями. Очевидно также, что набор эмпирических показателей отдельных компонентов материального субстрата социального пространства является развивавшейся системой, которая по мере постоянного углубления наших знаний об измеряемых объектах совершенствуется, становится способной более адекватно и вместе с тем более экономно отражать измеряемые фрагменты действительности.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что при составлении списка эмпирических показателей следует исходить из интересов экономности исследования, из стремления избежать его перегруженности случайными показателями. Поэтому важно тщательно проверить обоснованность каждого отдельного показателя как в аспекте измерительных качеств, так и с точки зрения его необходимости. Большое значение имеет обеспечение такого положения, когда из списка эмпирических показателей исключены все показатели, включенные туда на всякий случай или же ради любопытства. Именно такие, случайные по существу показатели в дальнейшем, в стадии обработки и анализа первичного эмпирического материала, будут засорять собранную информацию, создавая информационный шум.

Эмпирическое измерение различных параметров отдельных компонентов материального субстрата социального пространства представляет собой лишь первую стадию исследо-

вания характеристик социального пространства. Можно даже сказать, что эта стадия, по существу, имеет подготовительное значение. Здесь еще остаются незатронутыми характеристики самого социального пространства и только собирается необходимый для их анализа первичный эмпирический материал. Эта стадия завершается математико-статистической обработкой собранного эмпирического материала, в результате которой получают информационные модели каждого из измеряемых компонентов материального субстрата социального пространства.

Следующая стадия исследования социального пространства основывается на полученных информационных моделях и сводится к количественному и качественному анализу их взаимодействия. На этой стадии, исходя из предположения, что полученные в результате эмпирического измерения различных сфер жизнедеятельности людей информационные модели адекватно отражают рассматриваемые фрагменты действительности, предпринимается попытка синтезировать эти фрагментарные отражения в целостную картину. Практически эта задача решается на ЭВМ с применением методов автоматизированной классификации и типологизации сложных объектов. Полученные типы сложного взаимодействия различных сфер жизнедеятельности людей подвергаются, с одной стороны, качественному анализу, а с другой, — сопоставляются с характеристиками преступности. Естественно, что по тем характеристикам преступности, которые подвергаются количественному измерению, сопоставление осуществляется в процессе машинной обработки данных.

Нет сомнения в том, что сравнение характеристик, выделенных в процессе анализа типов материального субстрата социального пространства, с характеристиками преступности уже дает весьма ценную информацию о криминогенности социального пространства в различных территориально-пространственных системах. Очевидно также, что в результате такого сопоставления выясняются так называемые "горячие точки" в системе взаимодействующих сфер жизнедеятельности людей, т.е. обстоятельства, которые наиболее непосредственно влияют на уровень криминогенности социального пространства. Между тем было бы полезно и целесообразно дополнительно к исследованию объективных характеристик социального пространства и его материального субстрата, исследовать и субъективное восприятия на-

селением сложившейся объективной ситуации. В этом отношении криминологический интерес представляют также состояния, срез общественной психологии, как удовлетворенность - неудовлетворенность, социальный оптимизм - социальный пессимизм, спокойствие - состояние тревоги, напряжения, чувство стабильности собственного положения - чувство нестабильности, шаткости и т.п. Представляется, что анализ таких и подобных им срезов общественной психологии позволит в значительной степени углубить наше понимание качества социального пространства (а заодно - и качества жизни), послужит основой для более точных оценок степени его криминогенности.

Итак, резюмируя, можно сказать, что криминологическое исследование социального пространства как качественной характеристики системных территориально-пространственных общественных образований представляет собой один из необходимых этапов на пути к познанию природы и механизмов сложного процесса социального обусловливания преступности. Очевидное преимущество такого исследования по сравнению с уже известными в криминологии исследовательскими приемами, в частности с исследованием криминогенности отдельно взятых социальных процессов и сфер жизнедеятельности людей, заключается в большей приверженности принципу системности исследования криминогенности социального пространства. При этом можно получить лишь общие контуры процесса социального обусловливания преступности. Более детальное, содержательное раскрытие этого процесса предполагает проведение криминологических исследований обреза жизни и личности.

3. Изучение образа жизни

в зонах экстремальной локализации преступности

Структурные и функциональные качества социально-пространственных систем проявляют себя в реальных действиях, в практической жизнедеятельности людей. Это закономерно, так как именно люди, население, действующий в данных конкретных условиях человек является не только ведущим, определяющим компонентом всех общественных систем, но и целью их существования и развития. Поэтому характе-

решении социального пространства как формы существования общественного человека не могут не отражаться в жизнедеятельности населения. Скорее наоборот, следует предположить, что именно здесь, в повседневной практической деятельности людей обнаруживаются, материализуются, проявляют себя в специфически человеческом аспекте различные характеристики социального пространства.

В наиболее общем виде формы, способы и содержание жизнедеятельности людей выражает понятие образа жизни. Методологическая основа этого понятия раскрывается в работах основоположников марксизма-ленинизма. Марксистская трактовка образа жизни непосредственно связана со способом производства и типическими формами жизнедеятельности людей. В "Немецкой идеологии" К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что способ производства не только является способом физического воспроизводства индивидов, но "в еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни"¹³.

Образ жизни как категория исторического материализма охватывает все важнейшие стороны жизнедеятельности людей. Сюда входят также явления как труд, благосостояние, потребление, быт, образование и культура, здоровье, общественно-политическая деятельность. По определению М. Н. Руткевича, образ жизни — это "совокупность существенных черт, характеризующих деятельность народов, классов, социальных групп, личностей в условиях определенной общественно-экономической формации"¹⁴. Важной отличительной чертой образа жизни является, как правильно, по нашему мнению, отвечает В. П. Каанмирчук, то обстоятельство, что "это личностный", человеческий результат социально-экономического развития общества, способ жизнедеятельности, реализующий всю совокупность наличных социально-экономических условий в непосредственном бытии людей"¹⁵.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

¹⁴ Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 298.

¹⁵ Социалистический образ жизни: Государственно-правовые проблемы. — М.: Брэд. лит., 1980, с. 14.

Таким образом, реальная жизнедеятельность людей, их образ жизни выступает как особый срез социального пространства, как своего рода проекция характеристик социального пространства на непосредственное бытие людей. Это значит, что в зависимости от качественной неоднородности социального пространства характеристики образа жизни также должны различаться. Ввиду того, что социальная неоднородность нашего общества проявляется прежде всего в социально-классовой и профессиональной структуре, именно здесь, в соотношении образа жизни различных социальных и профессиональных групп, можно, по-видимому, ожидать наиболее осязаемых расхождений.

Кроме того, в силу существенных территориально-пространственных различий в условиях жизнедеятельности людей, правомерно предположить, что в соответствии с изменениями характеристик социального пространства в различных территориально-пространственных системах, изменяются и характеристики образа жизни людей, в частности людей, занимающих одинаковое положение в социально-классовой и профессиональной структуре.

Деятельность людей неотделима от духовных моментов, от идеальных, поставленных сознанием целей. Поэтому в структуре образа жизни наряду с материальными компонентами, типичными способами повседневной жизни и деятельности следует выделить и идеальные, духовные компоненты, в частности, системы нравственных норм, ценностные ориентации, идеалы и цели социальной деятельности. Разумеется, эти компоненты включаются в образ жизни определенных социальных групп и индивидов лишь постольку, поскольку они стали привычкой, вошли в повседневное практическое поведение людей.¹⁶

Итак, образ жизни как научная категория фокусирует в себе множество проблем, множество аспектов общественного бытия человека. При этом исследование образа жизни возможно, как отмечает В. П. Казимирчук, на двух уровнях: во-первых, как целостной философско-социологической кате-

16

См.: Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 302-304; подробнее о диалектике практической и духовной деятельности см.: Буева Л. И. Человек: деятельность и общение. - М.: Мысль, 1978, с. 82 и сл.

гории к, во-вторых, на уровне специальных наук в соответствии с предметом той или иной конкретной науки¹⁷. Исследование образа жизни на уровне специальных наук должно исходить из философско-социологического анализа сущности, структуры, социальных функций образа жизни, ибо, как справедливо замечает В. И. Толстых, именно такой подход "обеспечивает комплексный характер исследования особенностей того или иного образа жизни, дает возможность интегрального использования и обобщения данных, получаемых на базе конкретных социальных методов анализа многообразных проявлений господствующего в данном обществе способа жизнедеятельности людей"¹⁸.

Комплексность, системный подход характерны и криминологическому исследованию образа жизни, хотя комплексность здесь не поднимается до уровня философско-социологического анализа, а остается в рамках частной науки. Тем не менее криминологическое исследование образа жизни явно не может ограничиваться исследованием какого-либо одного его элемента. Нельзя образ жизни как целостный феномен разломить на отдельные элементы, сферы, стороны и т.д. и затем приступить к выявлению того, какой из этих элементов, из этих сфер и т.д. является криминогенным, а какой нет.

По нашему мнению, задача заключается не в поисках в структуре образа жизни, в отдельных его сферах специфически криминогенных элементов и свойств. Криминогенность образа жизни таким же образом, как и социального пространства, не локализуется в специфических, диспонирующих однозначно на преступность компонентах, не связывается с отдельно взятыми его элементами и сторонами. Поэтому представляется некорректным и даже ошибочным говорить о криминогенности отдельных сфер образа жизни, например, трудовой деятельности, быта, досуга и т.п. В действительности ни одна из этих сфер сама по себе не является криминогенной, а криминогенность образа жизни есть интегральный результат внутренне противоречивого, конфликтного взаимодействия всех его сфер и элементов. Это объясняет-

¹⁷ См.: Социалистический образ жизни, с. 15-16.

¹⁸ Толстых В. И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. - М.: Политиздат, 1975, с. 28.

ся прежде всего тем, что в структуре социалистического общества, в процессах его функционирования и развития нет процессов и явлений однозначно криминогенного характера. Криминогенность в нашем обществе всегда имеет характер результирующего аффекта социально неблагополучного, диспропорционального взаимодействия различных социальных процессов и явлений. Это в полной мере относится и к криминогенности образа жизни. Будучи собственно человеческим отторжением всей совокупности наличных социально-экономических условий, образ жизни не может отрешать больше, чем реально имеется в отражаемой действительности.

Стремление связывать криминогенность образа жизни, равно как и других социальных образований, именно с обществом в целом и личной личностью, не с целостным, системно организованными образованиями (каковыми является общество, образ жизни, личность, другие социальные феномены), а с их отдельно взятыми элементами или свойствами, — конечно, не случайность. В основе подобного исследовательского подхода лежит определенная теоретическая концепция, предполагающая существование линейных причинно-следственных связей в сфере социального. Согласно этой концепции каждый отдельный социальный процесс и явление рассматривается в "самобытном" и поэтому, будучи вырванными из всеобщего взаимодействия, они якобы должны иметь "свою собственную" причину. Такое, упрощенное по существу до механического взаимовлияния понимание причинности в сфере социального уходит корнями в теорию факторов, которой, как известно, не присуще диалектическое понимание и объяснение функционирования сложных социальных систем. Разумеется, познавательный процесс всегда в определенной мере упрощает, схематизирует познаваемую действительность, однако при этом можно и нужно избегать таких упрощений, которые явно искажают ее.

С точки зрения криминологического исследования функционирования социальных систем это означает, что в поисках истоков криминогенности, причин преступного поведения, недостаточно лишь декларировать системность исследуемых явлений и процессов. Необходимо последовательно учитывать это обстоятельство при выработке стратегии и конкретных процедур исследования. Социальные системы во

всех своих проявлениях, в том числе и криминогенных, выступают именно как целостные, живые организмы, которые нельзя разложить на части. Поэтому и причинность в сфере социального имеет весьма сложную структуру, пронизывая все уровни и сферы жизнедеятельности целостного общественного организма. Следовательно, изучение причин преступности, выявление криминогенности определенных социальных систем не только должно учитывать целостность данной конкретной системы, но и иметь в виду, что сама рассматриваемая система включается в вышестоящую систему как элемент, подсистема последней, равно как и в структуре каждой отдельной системы выделяются относительно обособленные ее подсистемы. В связи с этим порождающие преступность причины сами выступают как пронизывающая весь общественный организм сложная система, целостность, которая, проявляясь на разных уровнях, в разных сферах жизнедеятельности рассматриваемого общественного организма, лишь приобретает специфические формы, адекватные данным конкретным уровням и сферам.

Так, обстоятельства, обуславливающие криминогенность социального пространства, в специфической форме проявляются (не имеют возможности не проявляться) и в образе жизни людей. Вместе с тем криминогенность образа жизни неминуемо проявляется в характеристиках личности, индивидуализируется на уровне личности. Следовательно, суть проблемы вовсе не в том, чтобы каждый раз, т. е. в отношении и социального пространства, и образа жизни, и личности, как бы заново, с "пустого места" начинать исследование причин преступного поведения. Необходимо только обнаружить причинный комплекс преступности как социального феномена и проследить, как этот комплекс модифицируется, проявляет себя на уровне социального пространства, образа жизни, личности.

С точки зрения практической реализации этой задачи наиболее перспективным, по-видимому, является типологический анализ. Подобно типологизации социального пространства, на основе конкретного эмпирического материала, с применением ЭВМ можно разработать и типологию образа жизни. Типология образа жизни может быть осуществлена исходя из различных критериев. Поскольку нас интересует главным образом результирующий эффект образа жизни — преступное по-

ведение некоторых групп населения, — целесообразно исходить из тех возможностей биологического и социального воспроизводства человека, условий материального и культурного потребления, физического и духовного развития личности, которые непосредственно характеризуют тот или иной тип образа жизни.

Осуществляемая на ЭМ автоматизированная типологизация образа жизни предполагает его количественное выражение в системе соответствующих показателей. Однако переводу феномена образа жизни в систему количественных показателей должно предшествовать решение теоретического вопроса о его структурном расчленении. Следует сразу сказать, что структурирование образа жизни (моделирование его структуры) — задача не из легких. С точки зрения нужд конкретного криминологического исследования проблема усложняется еще и тем, что работа в данной области в нашей стране, по словам М. Н. Руткевича, по существу только начинается¹⁹. Поэтому приступающий к исследованию образа жизни криминолог практически не может надеяться на перенятие "готовых", теоретически и эмпирически обоснованных моделей образа жизни, а должен сконструировать их сам, опираясь при этом на опыт предыдущих исследований.

Несмотря на конкретные задачи и цели, преследуемые криминологическим исследованием образа жизни, ясно одно — в любом случае необходимо обеспечить, чтобы каждая из качественно-определенных сторон образа жизни (труд, благосостояние, потребление, быт, образование и культура, здоровье, общественно-политическая деятельность) была представлена в системе количественных показателей. Вместе с тем очевидно, что составляемые по отдельным качественно-определенным сторонам образа жизни подсистемы количественных показателей могут существенно варьировать как по объему, так и по содержанию в зависимости от конкретного исследовательского подхода. Так, если рассматривать образ жизни как определенную систему, системно организованную совокупность стереотипов социального поведения, т. е. в аспекте, представляющем несомненный криминологический интерес, на первый план выдвигаются и, соответственно, под-

¹⁹ См.: Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 339.

лежат количественной интерпретации эмпирически наблюдаемые действия людей, социально значимая деятельность, которая может быть непосредственно воспринята другими людьми²⁰. В таком случае в структуре образа жизни выделяются относительно целостные блоки, подсистемы (труд, благосостояние и т. д.), каждая из которых представляется количественными показателями, с разных сторон характеризующими стереотипы социального поведения. Результатом является по существу объективная характеристика образа жизни, характеристика, которая хотя и предполагает (как минимум — не исключает) существование его субъективных, духовных компонентов, но тем не менее практически не касается их.

Очевидно, что без эмпирического измерения и описания духовной, субъективной стороны образа жизни криминологическое исследование обойтись не может, поскольку именно здесь, в сфере духовного, зафиксированы в виде определенных поведенческих стандартов и норм мотивационные основы образа жизни. Не раскрывая содержания мотивационной основы, весьма трудно понять и объяснить образ жизни и в его объективных проявлениях. Кроме того, по сравнению с объективными проявлениями образа жизни, которые выступают перед нами как внешне не зависящие друг от друга стереотипы социального поведения в различных сферах человеческого бытия, духовная сторона образа жизни, его мотивационная основа носит более сплоченный, более интегрированный характер. Ведь поведение человека во многих сферах социальной жизни мотивируют одни и те же ценностные и нормативные представления, идеалы и цели социальной деятельности. В силу этого в духовных компонентах образа жизни наиболее непосредственно проявляется его целостность, внутренняя интегрированность, а потому можно ожидать, что в сфере духовного в наиболее чистом виде и компактно проявляются и противоречивость образа жизни, его конфликтность, т.е. именно то, что представляет наибольший интерес для криминолога.

²⁰ Подробнее о понятии социального поведения см.: Алексеев А. Н., Боженов О. Б., Глухов В. Д. и др. Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность. — В кн.: Планирование социального развития городов. М., 1975, вып. 2, с. 134 и сл.; см. также: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. — Новосибирск: Наука, 1981.

В наиболее общем плане субъективные, духовные компоненты образа жизни проявляют себя в характеристиках культуры. Культура - это не просто совокупность материальных и духовных ценностей общества. В действительности она, как справедливо подчеркивает В. И. Толстых, выражает "специфически человеческое отношение индивида к природе, обществу и к самому себе"²¹. Такое понимание культуры позволяет рассматривать человека как истинного субъекта культурного творчества, исключает индивидуальное и потребительское отношение к культурным ценностям. В данном контексте уровень культуры проявляется вовсе не в том, какими предметами культуры, ее материальными или духовными ценностями владеет конкретный индивид либо группа. Набитые битком книжные полки домашней библиотеки не обязательно свидетельствуют о высоком уровне культуры их владельцев, а могут выступать лишь как декоративный элемент или символ статуса. Даже реальное владение уже достигнутым уровнем культуры не является в этом смысле критерием уровня культуры субъекта, а выступает, по словам В. И. Толстых, лишь "как необходимое условие побуждения собственной культурной активности, культурного творчества личности, проявляющегося во всех областях ее хозяйственной, социальной и духовно-практической жизни"²².

Таким образом, с точки зрения эмпирического измерения уровня культуры необходимо различать ее мнимый и действительный варианты. Если первый ограничивается владением внешними атрибутами культуры, то второй - проявляет себя прежде всего в реальных действиях субъекта, в его практическом отношении к окружающему и самому себе. В соответствии с этим различием следует конструировать и систему количественных показателей уровня культуры образа жизни.

Важными элементами культуры, а, следовательно, и духовной сферы образа жизни, являются ценностно-нормативные системы. "Ценностные отношения, оценки, социальные нормы и возникшие на их основе формы поведения, - пишет В.П. Казимирчук, - затрагивают не только деятельность людей по

²¹ Толстых В. И. Указ. соч., с. 169.

²² Там же.

познанию реальных жизненных явлений; они ориентируют людей на изменение их поведения в том или ином направлении²³. Можно даже сказать, что сам образ жизни и его зафиксированные в сознании людей черты приобретают значение ценностно-нормативной системы, которая, как по этому поводу пишут М. Дауристин, Д. Круссвалл и Т. Райтвийр, "распространяется среди членов общества с помощью различных средств коммуникации. Социально-психологические механизмы регуляции поведения личности в соответствии с требованиями и ожиданиями социальной среды (группы, общности) превращают фиксированные черты образа жизни в нормативный компонент социальной действительности, оказывающий обратное влияние на индивидуальное поведение"²⁴.

Нет сомнения в том, что изучение образа жизни в аспекте его ценностно-нормативного содержания представляет интерес для криминологии. Посредством такого исследования обнаруживаются, как было показано, возможные противоречия, конфликты внутри образа жизни, между различными его компонентами и сферами. Наряду с этим, подобное исследование позволяет выявить степень солидарности субъектов различных образов жизни с наиболее существенными и общепризнанными ценностями общества. Поскольку именно эти ценности охраняются и утверждаются различными социальными нормами, в частности нормами права, солидарность с ними (ценностями), их усвоение в качестве внутренних регуляторов поведения обеспечивает в субъективном плане правомерность поведения. И наоборот, нигилизм или, что еще хуже, — негативизм в отношении этих ценностей служит одной из субъективных основ противоправного и преступного поведения.

Криминологическое исследование образа жизни завершается сопоставлением различных выявленных его типов, с одной стороны, — с типами социального пространства и, с другой, — с характеристиками наличной преступности. Такое сопоставление преследует цель установить, каким обра-

²³ Социалистический образ жизни, с. 39.

²⁴ Дауристин М., Круссвалл Д., Райтвийр Т. Региональное социологическое исследование образа жизни (Опыт социологов Тартуского ун-та). — В кн.: Планирование социального развития городов.—М., 1975, вып. 2, с. 164.

зом определенные характеристики социального пространства, преломляясь в образе жизни людей, воспроизводя этот образ жизни, обуславливают "на выходе" наличную преступность. Полученная картина процесса обуславливания преступности схематична, однако она представляет собой определенную целостность, исходя из которой можно приступить к более детализированным и более содержательным исследованиям причинного комплекса преступности без риска "затеряться" в океане явлений, в той или иной мере связанных с различными проявлениями преступности.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Т. И. Кулапина

При планировании развития регионов, определении темпов роста одних и сокращения других отраслей промышленности или сельского хозяйства необходимо учитывать не только их экономическую целесообразность, но и социальные последствия принимаемых экономических решений. Их прогнозирование предполагает знание того, как взаимосвязаны и взаимообусловлены характеристики среды, производства и культуры с соответствующими показателями поведения населения. Исследования показывают, что какая-либо отдельно взятая характеристика среды, даже наиболее важная, не влияет на поведение населения непосредственно, а трансформируется действием других составляющих регионального комплекса. Их результирующий эффект в конечном счете зависит от типа региона в целом или той региональной подсистемы, к которой относится данная характеристика. Так, часто пишут, что миграция усиливает отклонения как в социальном поведении индивидов, так и в показателях их здоровья. Но характер и интенсивность отклонений у мигрантов зависят (наряду с их личностными особенностями) и от характеристик регионов въезда мигрантов: от уровня обжитости, от преобладающих отраслей народного хозяйства, от степени загрязненности среды, от площади региона, меры стабильности его населения, однородности его национального состава и т. п., от уровня развития производства, характера (моно- или полифункциональный) экономики, от уровня развития непроемких отраслей, от оплачиваемости рабочих мест, от половозрастного состава населения и т. и.

Интенсивность отклонений в социальном поведении населения зависит и от степени контрастности социальных ха-

характеристики регионов всегда по сравнению с регионами низведи мигрантов. Известно, что жителю малой и изолированной деревни труднее (психологически и социально) адаптироваться в многомиллионном городе, чем жителю малого, а тем более большого города¹.

Воздействие какой-либо характеристики среды на индивида зависит не только от ее интенсивности, но и от состояния других аккающих характеристик, от состояния всего регионального комплекса, но реакция индивида на это воздействие также не случайна или хаотична, а представляет собой преобладающие реакции определенного био- или социокультурного типа. Адаптивные типы индивидов, сложившиеся в различных природно-климатических и географических районах (арктический, предгорный, субтропический) обнаруживают сходные реакции на экстремальные воздействия среды².

В связи с результирующим эффектом, отмечавшимся нами выше, в работе ставилась цель изучить связи не между отдельными экономическими и социальными характеристиками региона, а между определенными природно- и социально-экологическими типами регионов, их структурами и уровнем или структурой отклонений в демографическом и социальном поведении населения. Для этого на эмпирическом материале следовало убедиться в том, что регионы со сходной природной, экономической и т. д. подсистемами имеют и сходный уровень или структуру отклонений. Следовательно, приступая к прогнозированию "социальной цены" различных вариантов экономического развития региона, необходимо:

- 1) выделить важнейшие характеристики основных региональных подсистем и произвести типологию последних;
- 2) выделить наиболее значимые (по распространенности либо степени тяжести) формы демографических и социальных дезадаптаций;

¹ См.: Максимова Л. В. Адаптация и акклиматизация. - В кн.: Окружающая среда и здоровье человека. М.: Наука, 1979, с. 63.

² См.: Алексеева Т. И. Биологическая адаптация населения Арктики к экстремальным условиям Крайнего Севера. - В кн.: Географическая среда и биология человека. М.: Наука, 1977, с. 180-201.

3) установить характер и направленность взаимосвязей между двумя первыми подпунктами.

После этого можно прийти к общим выводам о том, каким социальным, профессиональным, демографическим и т. д. группам населения или регионам какого типа присущ данный набор отклонений либо определенная их интенсивность.

І. Показатели региональной среды и поведения населения

Структурные и функциональные различия в подсистемах регионов могут влиять как на уровень, так и на структуру биологических и социальных отклонений. Поиск причин территориальных различий в этих отклонениях должен предваряться построением типологии всех региональных подсистем и регионов в целом. Примерный набор показателей для их описания и способы их типологизации были изложены нами ранее³. В дальнейшем они сопоставлялись с данными новосибирских исследований⁴.

Напомним группировку регионов только по двум основаниям — по системе расселения и структуре занятости населения — и введем для них условные обозначения. Труднодоступные и малонаселенные территории с суровыми климатическими условиями условно назовем осваиваемой, необжитой зоной (Е зона), а освоенные регионы — обжитой зоной (Е зона).

Далее, исходя из основных социально-экономических характеристик, регионы делятся на две категории:

І) регионы с преобладанием мужчин среди занятого населения (категория А); преобладание мужчин может быть вызвано тяжелыми климатическими и производственными условиями (Е зона), либо недостатком рабочих мест, либо национальными традициями в вопросах разделения труда между

³ См.: Кулапина Т. И., Самсонов Ю. Б. Типологический анализ регионов и социальное поведение населения. — В кн.: Модели и методы исследования социально-экономических процессов. — М.: ЦАМИ АН СССР, Препринт, 1975.

⁴ См.: Беденькая И. И. и др. Социальная типология сельских регионов СССР. Методы построения типологии. Препринт. — Новосибирск, АН СССР ИВ и ОПН СО, 1978, с. 8-15.

полами;

2) регионы с преобладанием отраслей, использующих женский труд, а также отраслей, условия воспроизводства рабочей силы в которых менее благоприятны (категория В).

Внутри каждой из этих категорий условно выделим по пять типов регионов: А1 - области с крупной угольной и металлургической промышленностью; А2 - регионы, где наряду с большой занятостью в металлургии велика занятость в крупном машиностроении; А3 - регионы с крупнейшими сельскими поселениями, крупным зерновым хозяйством, а зачастую и с выраженными рекреационными функциями; А4 - регионы необжитой зоны со сравнительно развитой экономикой, близкие географически и по ряду характеристик обслуживания и коммуникаций к обжитой зоне; А5 - регионы менее обжитой зоны, наиболее удаленные от Е зоны, с хозяйством "пионерного" (по критериям Н.Н. Колосовского) или близкого к нему типа.

Регионы категории В делятся на следующие типы: В1 - регионы обжитой зоны с высоким уровнем развития культуры и других отраслей непроизводственной сферы, часто с высокой, как и в регионах типа В2, долей женщин в занятом населении; В2 - регионы с крупной текстильной и швейной промышленностью; В3 и В4 - регионы с преобладанием отраслей местной промышленности и других отраслей с ограниченными возможностями воспроизводства рабочей силы (или с неинтенсивным сельским хозяйством); В5 - регионы, сочетающие черты как регионов категории А, так и "феминизированных" регионов Европейской части РСФСР.

Способы учета негативных социальных последствий экономических решений нуждаются в особом обосновании. Например, можно учитывать массовость отклонений, их тяжесть, или и то, и другое одновременно. Исследование наиболее дорогостоящих в этом смысле социальных последствий экономических решений является важной задачей науки.

В настоящее время еще нет систематизированной статистики по всем важнейшим социальным показателям. Поэтому здесь будет рассмотрен ограниченный круг социальных показателей на фоне различных региональных условий, и прежде всего различные формы отклоняющегося социаль-

него поведения.

Обоснование выбора единиц и моментов наблюдения, а также способов расчета показателей было изложено нами ранее⁵. Здесь же мы только еще раз подчеркиваем, что при анализе форм поведения необходимо отбирать показатели:

1) характеризующие единый процесс, т.е. величины, предельно четко выделяющие психологически или социально единую группу населения;

2) характеризующие явление или процесс в целом, а не его отдельно взятый или случайно выбранный аспект. Слишком широкое или зауженное представление процесса препятствует нахождению факторов, определяющих его развитие.

2. Распределение во времени отдельных форм отклоняющегося поведения

В целях краткости введем следующие обозначения для исследуемых форм поведения: отклоняющиеся от нормы действия, направленные на себя и ранжированные по степени тяжести в убывающем порядке (поведение типа $\mathcal{X}_1 - \mathcal{X}_5$); отклоняющиеся от нормы действия, направленные на других и ранжированные по степени тяжести в убывающем порядке (поведение типа $\mathcal{Y}_1 - \mathcal{Y}_4$); отклоняющиеся от нормы действия, связанные с материальными ценностями и ранжированные по степени тяжести в убывающем порядке (поведение типа $\mathcal{Z}_1 - \mathcal{Z}_4$). Ниже будут рассмотрены особенности распространения отклоняющегося поведения во времени.

В настоящее время в разных странах собирается статистика и ведутся обширные исследования не только по адаптивному (нормотипическому) социальному поведению, но и по компенсирующему, отклоняющемуся и др. Здесь будет уделено внимание лишь разновидности последнего — поведению, которое выше было обозначено как типы \mathcal{Y} и \mathcal{Z} и, в частности,

⁵ См.: Кулапина Т. И. Поведение населения в различных региональных условиях. — В кн.: Модели и методы исследования социально-экономических процессов: М., ЦЭМИ АН СССР, 1976, а также: Социально-экономические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения. Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М.: Наука, 1979.

четырем формам насильственного ($y_1 - y_4$) и четырем формам материально ориентированного ($x_1 - x_4$) поведения.

Многими исследователями замечены различия в распространении этих двух групп поведения во времени. Например, циклы их подъема и спада в различные годы не только не совпадают, но часто противоположны. Эти тенденции отмечались во многих странах как в XIX, так и в XX вв., причем в различных временных интервалах — по годам, а затем в пределах года — по месяцам и, наконец, по дням недели и т.д. М.Н. Гернет отмечал подобные тенденции в нескольких капиталистических странах, хотя ему казалось, что рост одних и одновременно снижение других отклонений является в значительной мере следствием неполноты информации. Анализируя статистику этих двух групп отклонений в начале XX в. во Франции, М. Н. Гернет констатировал увеличение сумм всех действий против личности и уменьшение — против собственности⁶. Относительно бельгийских данных этого же периода он отмечал усиление интенсивности одной из значимых форм материально ориентированного отклонения и уменьшение распространенной тогда формы насильственного поведения.

Разные авторы за единицу наблюдения принимают регионы, резко различающиеся как численностью населения, так и размерами территории. Естественно, что развитие одних регионов страны может происходить при стагнации других и т.д. В результате совокупная картина по стране в целом может оказаться смутной. Например, отдельные периоды в развитии послевоенной Японии были многоплановыми, при экономическом подъеме в развитии ряда городов многие сельские местности испытывали стагнацию в силу оттока в города наиболее активного населения и по другим причинам. Отклоняющиеся процессы в них также отличались от таковых в городах. В результате для страны в целом в отдельные периоды отсутствовала однозначная картина исследуемых форм поведения.

Проследить динамику этих форм поведения с достаточной точностью в России XIX и начала XX вв. трудно —

⁶ См.: Гернет М. Н. Моральная статистика. — М.: ЦСУ, 1922, с. 50.

⁷ См.: там же, с. 66.

статистическая отчетность вводилась в отдельных губерниях одновременно, наблюдалась неоднократная ломка судебных уставов и т.д. Но тем не менее за период с 1874 по 1894 годы Е.Н. Тарновский установил отмеченную выше тенденцию — рост действий против личности и снижение их против собственности⁸. Даже за пятилетие (1909 — 1913 годы), когда было "безостановочное увеличение обоих процессов вверх", все же наблюдался спад в 1910 и 1911 годы материально ориентированных отклонений и лишь в 1909 и 1913 годы — рост⁹.

Еще более любопытно, что циклы подъема и спада насильственного и материально ориентированного поведения часто не совпадают не только по годам, но и в пределах одного года, по месяцам. Сравнивая помесличные данные семи государств, М.Н. Гернет отметил, что максимум действий против личности распределяется в порядке, обратном распределению материально ориентированных действий. Во всех семи европейских странах и в России наибольшее число насильственных действий совершалось в летние месяцы, а наименьшее — в зимние. Далее М.Н. Гернет напоминает антропологическую точку зрения, усматривающую здесь влияние летнего солнца и избытка сил и энергии, и социологическую — большее нахождение населения летом вне дома, большее общение, увеличивающее возможность личных столкновений¹⁰.

В одном из интересных исследований нашего времени приводятся, однако, противоположные данные (по г. Орлу): максимум насильственных действий совершается осенью, минимум — летом, а максимум материально ориентированных действий совершается летом, минимум — осенью. Циклы подъема и спада материально ориентированного поведения часто соответствуют циклам поведения типа Σ ,^{II}.

Интерпретация этих фактов разными авторами не всегда

⁸ См.: Гернет М. Н. Указ. соч., с. 91.

⁹ Там же, с. 92-93.

¹⁰ Там же, с. 157.

^{II} см.: Человек как объект социологического исследования. — Л.: ЛГУ, 1977, с. 103

представляется полной или исчерпывающей. Так, М. Н. Гернет писал, что большее число действий против собственности в холодные месяцы вызывается обострением нужды необеспеченных слоев населения¹².

Наконец, интерпретируя факт увеличения в остальные дни недели, в частности, в воскресенье и понедельник, насильственных действий, а также политических и религиозных конфликтов, Гернет считает, что в 1920-х годах развлечения рабочих в воскресенье были связаны с потреблением алкоголя, увеличивавшим число равного рода насильственных действий, поскольку более широкое общение в выходной день приводит к увеличению числа всевозможных конфликтов, в том числе политических и религиозных¹³.

Несмотря на то, что в интересах надежности интерпретации требуются дальнейшие исследования на большем массиве регионов с более тщательным изучением циклов деятельности социальных общностей разных стран и регионов, уже сейчас очевидна необходимость учета для этих целей показателей частоты социальных связей, сужения и расширения сферы человеческой деятельности и общения, т.е. влияния интенсивности общения не только на демографическое, но и социальное поведение.

Различия в распределении во времени насильственного и материально ориентированного поведения (подъем уровня поведения типа ψ и спад — типа χ), наблюдающиеся в различных странах, независимо от особенностей их социально-экономического строя и культурно-политического контекста, допускает правомерность скорее социально-психологической, нежели иной ее интерпретации. Периоды "расширения" и "свертывания" человеческой деятельности, общения людей и частоты их социальных контактов существенно влияют на динамику тех или иных форм поведения. Показательно, что действия типа χ по своим циклам чаще совпадают с поведением типа ψ , а не ψ . Скрытые действия типа χ , как и действия типа ψ , часто присущи индивидам и группам, избегающим острых конфликтов с окружающими. Для обществ, пре-

¹² См.: Гернет М. Н. Указ. соч., с. 154.

¹³ Там же, с. 162.

терпевшим бурные изменения, более характерны открытые действия и конфликты. В обществах со старой урбанизацией и с перспективой экономического застоя часто распространены действия скрытого или "направленные на себя". Но те и другие действия резко возрастают в периоды чрезвычайных событий — войн, революций, резного рода политических потрясений, а также в связи с миграционными и т. п. событиями, если в силу стечения обстоятельств они приняли крайние формы.

В целом можно предположить, что в периоды экономического подъема или существенных социальных изменений частота социальных контактов, объем передаваемой информации, интенсивность человеческой деятельности и т. д. в обществах возрастают.

Как упомянутое выше, так и другие данные по ряду стран вынуждают исследователя предпочесть индуктивный анализ дедуктивному. Некоторые исследователи являются приверженцами дедуктивного анализа, либо не располагая данными о различиях в вертикальной и горизонтальной стратификации лиц с отклоняющимся поведением, либо по другим причинам.

Однако целый ряд обстоятельств не позволяет адекватно определить, где и когда выше или ниже уровень этого процесса ($y + x$) в целом, особенно при сравнении разных стран, а тем более — разных эпох. Даже в пределах одной страны (если ее регионы достаточно неоднородны) к общим заключениям о динамике этих процессов в целом, в особенности за длительные периоды, следует относиться осторожно, с учетом 1) разной степени латентности и выявляемости отдельных видов отклонений (тяжелые формы, естественно, менее латентны) и 2) разной доли отклонения того же типа в разных регионах, что обуславливает различную структуру явления ($y + x$) в целом и ее региональную неоднородность.

Итак, более достоверный способ анализа — индуктивный, т. е. сначала формируется представление о каждой форме поведения отдельно ($y_1, y_2, \dots, x_1, x_2$), а затем среди них выделяются группы, сходные между собой и с другими социальными и демографическими процессами.

3. Пространственное распределение отдельных форм отклоняющегося поведения.

Поведение типа y

Переходя к особенностям распределения различных форм поведения в пространстве, следует отметить большую надежность такого коэффициента, как соотношение числа лиц с какой-нибудь формой поведения к населению в возрасте 14 лет и старше, чем отнесенное к общему числу соответствующих лиц (по указанным уже причинам - разной степени латентности, разной структуры отклонений и т.д.).

Точнее можно судить о региональных различиях в уровне распространенности отдельных форм поведения, чем в уровне распространения явления ($y + x$) в целом. Приведем некоторые примеры. Если в регионах необжитой зоны, особенно в более удаленной ее части, значительно преобладает отклонение типа y , особенно в его менее тяжелой форме, то в регионах E зоны с преобладанием сельского населения (да к тому же женщин) в общей численности занятого населения подавляющую часть составляют отклонения типа x .

Общепризнано, что из всех исследуемых здесь форм социального поведения наименее латентной является выраженная форма насильственного поведения (поведение типа y_1). Проследим особенности распределения в пространстве данной формы поведения и некоторые коррелирующие с ней показатели среды.

Несмотря на лучшую выявляемость данного поведения по сравнению с другими формами поведения этого типа, удовлетворительной интерпретации региональных различий в ее уровне пока не существует, что особенно четко выявляется при сравнительном исследовании различных стран. Буржуазные исследователи не способны ответить на ряд конкретных и весьма актуальных вопросов: каковы должны быть масштабы и темпы социально-экономических изменений, начиная с которых можно предполагать активизацию психологии предпринимчивости, насилия, утверждения культа физической силы; и, напротив, каковы те масштабы снижения темпов развития и стагнации, начиная с которых активизируются скрытые способы поведения, а также все отклонения, направленные на себя; и каков оптимальный вариант ста-

бильности в условиях каждой страны?

В нашей стране проведены обширные исследования по вертикальной и горизонтальной стратификации лиц с поведением типа *y* и связанным с ним факторам. Наиболее тщательно исследованы особенности структуры личности, ее мотивации, микроокружение лиц, проявивших выраженную форму насильственного поведения — типа *y*. Из переменных, действующих на макроуровне или на уровне регионов, существенное внимание уделено таким факторам, как индустриализация, освоение новых районов и миграция населения. Как отмечалось нами ранее¹⁴, социальное поведение является результатом взаимодействия трех компонент среды — культуры и условий для ее интеграции; источников напряженности и других вредных воздействий на индивида; средств социализации и социального контроля. В советской литературе уже хорошо известны регионы¹⁵, все три компоненты среды которых находятся в специфическом состоянии, усиливающем отклонения в поведении. Именно поэтому здесь наблюдается повышенный уровень отклонений как в показателях здоровья, так и в различных формах социального поведения¹⁶.

В литературе уже отмечалось влияние пространственных факторов вообще, и территориальной изоляции в частности, на формы общения между людьми, на поведение индивидов, на особенности их субкультуры. У населения, отдельных индивидов или их групп, проживающих в условиях пространственной изоляции, формируется особая субкультура. Например, особенностью субкультуры моряков, рыбаков, лесорубов, работающих

¹⁴ См.: Кулапина Т. И. Социально-экологические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения. Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979.

¹⁵ Имеются в виду прежде всего регионы нового освоения, для которых характерны повышенная напряженность жизни из-за миграции и неустойчивости труда и быта; исторически сложившееся скопление в них неадекватно социализированных лиц; минимальные возможности социального контроля вследствие предельной удаленности и обилия "глухих" мест. Об особых источниках напряженности здесь см.: Вопросы советской криминологии. Материалы конференции, 1976, ч. I, с. 96-105.

¹⁶ Советское государство и право. 1979, № 2, с. 60-67; Советское государство и право. 1968, № 3, с. 88.

длительное время в условиях пространственной изоляции, является чрезмерное потребление алкоголя¹⁷.

СССР характеризуется невысокой, по сравнению с другими развитыми странами, подвижностью населения, сравнительно невысоким уровнем развития транспортной сети, огромными расстояниями между регионами и между поселениями внутри региона. В этих условиях образ жизни, культурные установки и предпочтения, стереотипы поведения и мышления, особенности одежды и речи, характер обсуждаемых в городе проблем, предрассудков, отклонений - все это в значительной мере определяется размерами той пространственной ячейки ("ниши"), в которой человек вырос и сформировался, в которой прожил большую часть своей жизни. Обжитая или необжитая зона, старая или новая урбанизация, регион с фиксированными темпами экономических и социальных изменений или стагнацией в развитии, - во всех них живут различные типы личностей, различна их субкультура, так же, как субкультура большого города отличается от субкультуры малого и от субкультуры хуторов.

Различна и субкультура села и города: анонимность и безликость городской жизни накладывает свой отпечаток на социальные отношения между людьми, не известный селу. В селе, в свою очередь, встречи людей и их общение несут серьезную нормативную и регулятивную нагрузку, не присущую городу¹⁸.

Известно, что передача информации, как и социализация населения, осуществляется через контакты между людьми, поэтому объем и характер социальной информации зависят не только от содержания региональной культуры и иерархии ее ценностей, но и от частоты социальных контактов и, конечно, от их характера. Частота социальных кон-

¹⁷ R o o m R. Measurement and distribution of drinking patterns and problems in general populations.-In Alcohol-related disabilities.(Ed.by G.Edwards e.a.Geneva, 1977, p. 61-88.

¹⁸ О влиянии пространственного и социального факторов на формирование и содержание общения в городе и на селе, об особенностях психологического состояния в условиях пространственной изоляции, сенсорного голода в условиях дефицита общения или, напротив, его избытка см.: К о р о л ё н к о Ц. П., Ф р о л о в Г. В. Вселенная внутри тебя.-Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979; Чело- век. Среда. Общение.-Таллин, 1980.

тактов в современном обществе, в свою очередь, зависит от многих факторов: характера, концентрации и размеров поселений; концентрации и размеров производственных единиц; состояния транспорта, связи, культурно-бытового и прочего обслуживания; состояний агломераций и типа связей между ними, истории народа или его отдельных территориальных общностей, их социально-политического положения внутри страны и на международной арене.

Наиболее важной из этих характеристик является низкая плотность населения и удаленность региона от обжитой зоны. Эти показатели имеют одинаковую функциональную нагрузку: они выступают в роли барьеров среди расселения для общения между людьми; снижают частоту и содержательность социальных контактов, уменьшая тем самым объем передаваемой социальной информации и социального опыта; препятствуют адекватной социализации населения, а также появлению развитой социальной организации и стабильного контроля, интеграции разных видов деятельности и социального опыта людей. Как дефицит общения (в регионах Е зоны с минимальной плотностью населения и разбросанностью поселений на огромные расстояния), так и его избыток в супергородах могут усиливать отклоняющееся поведение типа ∞ . Это объясняет направления воздействия фактора необжитости зоны на подсистему культуры и поведения населения. В пределах зоны Е находятся все или большая часть регионов с максимальными показателями поведения типов y и ∞ .

Рассмотрим конкретные примеры связи низкой плотности населения и удаленности от Е зоны с упомянутыми формами поведения.

Так, 14 из 20 регионов РСФСР с максимальной интенсивностью поведения типа y_1 имеют низкую плотность населения и все они удалены на большие расстояния от обжитой зоны. Указанные регионы расположены в части страны, наиболее удаленной от обжитой зоны, а регионы с максимальной интенсивностью поведения типа y_4 — в менее удаленной, но также малонаселенной части страны. Можно, следовательно, сделать вывод, что эти формы поведения нормализуются по мере приближения к обжитой зоне.

Акцентирование внимания на низкой плотности сельского населения в необжитой зоне и ее связях с поведением типа y_1 , y_4 и т. п. отнюдь не означает, что "опорой" ус-

тойчивой морали является крупное село или высокая плотность сельского населения. В данном случае имеется в виду недостаточная частота контактов между людьми (чрезмерно низкие значения которой, безусловно, легче измерить плотностью сельского населения). В обжитой зоне иные криминогенные механизмы, способствующие поведению типа y_1 ; они более разнообразны и связаны скорее не с пространственной изоляцией, а с социальной, но все они вместе взятые не приводят к такому уровню поведения типа y_1 , который наблюдается в регионах необжитой зоны.

Предполагаемый механизм взаимодействия различных подсистем региона, детерминированный расселенческо-демографической подсистемой, выглядит примерно следующим образом: уникальная характеристика этой подсистемы (низкая плотность сельского населения) влечет за собой в социальной подсистеме неэффективность функционирования каналов социализации отдельных групп населения, неразвитость социальной организации и неадекватность социального контроля. Эти социальные факторы в культурном плане способствуют повышенной интенсивности конфликтного поведения, прежде всего поведения типов y_1 , y_3 и y_4 .

В соответствии с изложенными выше теоретическими посылами, поведение населения определяется не только факторами культуры, но и внешними источниками напряженности. Это позволяет уточнить гипотезу о характере связей между характеристиками региона и показателями поведения населения. Следует отметить, что эмпирические данные свидетельствуют о более низком уровне образования лиц с поведением типа y_1 ¹⁹. Но для населения регионов с максимальной интенсивностью такого поведения отнюдь не характерен подобный уровень образования. Напротив, две трети регионов необжитой зоны имеют максимальные показатели уровня образования, что связано с миграцией сюда наиболее молодых и обычно более квалифицированных групп населения. Можно допустить, что поведение типа y в регионах необжитой зоны определяется не только слабостью каналов социализации, но и повышенными статусными разрывами, в частности по образованию, престижу, авто-

¹⁹ См.: Остроумов С. С. Уголовная статистика и борьба с преступностью.-М.: Общество "Знание", 1976, с. 43; Криминология.-М.: Юрид. литература, 1976, с. 361, 377, 368.

ритету и т.д. между различными слоями населения.

Причиной дефицита каналов социализации и социального контроля вообще может быть не только пониженная плотность населения, но и другие факторы среды. Например, в регионах обжитой зоны занятость родителей в общественном производстве, превышающая определенные нормы, как будет показано ниже, может приводить к усилению поведения типа ($y + z$) у несовершеннолетних, особенно при невысоком уровне воспитательной работы в школах и различных общественных групп и неразвитости форм досуга для детей и молодежи. Подобные тенденции действительно наблюдаются в регионах с максимальной вовлеченностью взрослого населения в общественное производство, хотя эти регионы и расположены в зоне максимальной плотности населения. Превышающая рациональный уровень вовлеченность населения в общественное производство не оставляет общественно необходимого времени для адекватного воспитания детей.

В литературе часто уровень культуры населения связывают с процентом городского населения, уровнем его образования и т. д. Но если культуру рассматривать под углом зрения детерминации социального поведения, в частности отклоняющегося, то его связи с такой упрощенно трактуемой урбанизацией либо не подтверждаются конкретными исследованиями, либо не играют основной роли. Так, в одной третьей части необжитой зоны доля городского населения максимальна, а в другой — повышена (по сравнению с другими регионами страны). Однако не только повышенный процент городского населения, но и повышенные показатели образования в этих регионах не гарантируют от интенсивного проявления здесь поведения типа y_1 .

4. Региональные особенности отклоняющегося поведения у несовершеннолетних и женщин

Взаимосвязи природной и социальной среды с поведением населения легче обнаруживаются на примере либо крайних его форм (например, поведения типа y_1 , y_4), либо половозрастного состава участников отклоняющегося поведения, в частности, степени участия несовершеннолетних в отклонениях. Эмпирически для проверки последних связей можно

было бы использовать данные двоякого рода: уровень отклонений среди несовершеннолетних и доля несовершеннолетних в общем числе лиц с отклоняющимся поведением (типа $y + z$).

Необходимо сделать несколько замечаний относительно смысла этих показателей. Первый из них, характеризующий уровень отклонений среди несовершеннолетних, не является самостоятельной величиной. Он в значительной мере находится в прямой зависимости от общего уровня отклонений в данном регионе. Сравнительный уровень интенсивности отклоняющегося поведения и особенно структура "ведущих" отклонений в регионах — результат всей предшествующей истории, уровня их культурного и экономического развития и т. д., а не только результат текущих изменений в основных характеристиках региона. Более чувствительным к текущим изменениям в регионе представляется другой показатель — доля несовершеннолетних среди лиц с отклоняющимся поведением. Для его уточнения следует учитывать одновременно и общую долю несовершеннолетних в проживающем населении.

Таким образом, о сложности условий социализации и адаптации подростков следует судить не только по показателю уровня отклоняющегося поведения несовершеннолетних, но и по доле несовершеннолетних среди лиц с поведением типа ($y + z$). Ввиду некоторой колеблемости данных показателей в отдельные годы, интенсивность участия региона в таких отклонениях оценивалась на основе данных не за один год, а за ряд последних лет. Как и при изучении других форм поведения, регионы ранжировались в порядке уменьшения величины данного показателя за каждый год, а затем подсчитывалось количество баллов, "полученное" регионом за все годы, т. е. если регион занимал первое место по максимальной доле несовершеннолетних, у него был 1 балл, второе место — 2 балла и т. д. Для каждого года было выписано по 20 регионов с повышенной долей несовершеннолетних среди лиц с данным поведением. В результате было выделено 15 регионов с наименьшим количеством баллов, имеющих максимальную долю несовершеннолетних среди лиц с изучаемым поведением. Здесь отчетливо выделяются 3 типа регионов. Среди семи регионов с максимальной величиной данного показателя было пять регионов типа А1 и при-

мыкающая к ним географическая область, не входящая в тип *A1*, но испытывающая влияние диффузии субкультуры, исходящей от двух окружающих ее регионов с максимальной величиной данного показателя. За ними следовали пять регионов типа *B1*, затем три региона типа *A5*.

Возникает вопрос: почему регионы, являющиеся антиподами по некоторым основным экономическим и демографическим характеристикам, ведут себя по отношению к данному показателю одинаково? В самом деле, перечисленные типы регионов противоположны по структуре производства: в регионах типа *A1* и *A5* преобладают добывающие отрасли промышленности, тяжелый мужской труд, а в регионах типа *B1* — сложнейшие отрасли промышленности, а также максимальная доля занятых в науке, культуре и т.д.; в занятом, а иногда и в проживающем населении в первом случае (типы *A1* и *A5*) доминируют мужчины, во втором (тип *B1*) — женщины и т.д. Но детям, видимо, безразлично, какая половина семьи — мужская или женская, — испытывает максимальную напряженность, важен сам феномен повышенной напряженности. В регионах типа *A1* и *B1* есть общая социальная характеристика — напряженность ритма жизни в городах, являющаяся прежде всего следствием предельной вовлеченности населения в общественное производство. Каким образом измерять эту вовлеченность, уровень занятости, ее длительность, а тем более интенсивность?

В результате сравнительной оценки различных показателей предпочтение было отдано такой, несколько косвенной на первый взгляд, характеристике, как доля пенсионеров среди лиц пенсионного возраста в целом, и отдельно среди мужчин и женщин. Главное преимущество этого показателя в том, что он характеризует занятость в достаточно длительном интервале — ведь предельная мобилизация сил населения и является условием высокого уровня или темпов развития регионов. Оказалось, что 15 из 20 регионов с минимальной долей пенсионеров (среди лиц пенсионного возраста) имели максимальную долю несовершеннолетних в общем числе лиц с отклоняющимся поведением ($y + x$), к тому же часто при минимальной доле несовершеннолетних в населении. Аналогично, из двадцати регионов с максимальной долей несовершеннолетних среди лиц с исследуемым типом поведения только 5 регионов не имеют близкой к минимальной

доли пенсионеров среди лиц пенсионного возраста (т.е. они характеризуются максимальной вовлеченностью в общественное производство).

Чрезмерная вовлеченность родителей в общественное производство (при мало развитой к тому же в регионах типа *A1* сети детских учреждений, предприятий бытового обслуживания и инфраструктуры в целом) приводит к ситуации частичной безнадзорности, ухудшает процессы социализации подростков. В регионах типа *B1* действуют и другие факторы городской среды: неуправляемость неформальными отношениями подростков, анонимность жизни, множество противоречивых образцов поведения и конфликтующие субкультуры, сложность и напряженность социальных коллизий и обилие информации. Подростки, живущие в условиях конфликта ценностей и норм воспитывавших их родителей или опекунов, безусловно, легче психологически адаптируются в условиях малых и средних городов, чем в крупнейших. В последних нередко неблагоприятное для социализации подростков микроокружение отягощается поселенческим эффектом — скученностью, перенаселенностью и связанной с ними отчужденностью человеческих отношений. В малых поселениях отношение к детям, в том числе и чужим, как и вообще отношения между людьми, носят более доброжелательный характер. В больших городах повышены и требования к социализации подростков.

В последнее время в социологической литературе появляются данные о влиянии новых переменных среды или новых аспектов уже исследованных переменных. Проведенное в Эстонии²⁰ многомерное исследование отклоняющегося поведения несовершеннолетних выявило четкую зависимость потребления алкоголя, курения, участия в неформальных группах несовершеннолетних от наличия или отсутствия у них родителей. Социальный статус ребенка выше при наличии родителей: с ними ребенок защищенное, чем без них. Это влияет на все приводимые в исследовании зависимости, в том числе и на частоту принятия по отношению к детям без родителей крайних санкций. Общий социальный статус ребенка (как и отдельные его составляющие: доход родителей, престижность и оплата их профессий, уровень образования родителей и т. п.) и его связь с применяемыми к нему юридическими санкциями достаточно широко исследуются. Обращает на себя

²⁰ Советское государство и право, 1975, № 7, с. 89-94.

внимание существенная связь отклоняющегося поведения несовершеннолетних с их занятостью (или с занятостью их родителей) в промышленности либо с проживанием в крупных индустриальных центрах.

Не менее интересными представляются работы, изучающие психологический климат в семье и ближайшем окружении, напряженность повседневной жизни родителей, часто сопровождающаяся нестабильностью отношений в семье и повышенной нервозностью, а также исследования, в которых изучается влияние конфликта норм и ценностей в ближайшем окружении ребенка и воспитывающих его лиц. Несомненное влияние культурного конфликта родителей на неадекватную самореализацию несовершеннолетних отмечалась неоднократно²¹.

Лучше изучены процессы неадекватной социализации детей в случае аморального поведения одного из родителей или обоих. Но к не менее печальным результатам могут приводить конфликты между родителями или опекунами ребенка, которые вполне соблюдают правила и даже преуспевают в обществе, нарушая только одно правило — строго соблюдать единство норм и ценностей в своем поведении и особенно в деле воспитания ребенка. Криминогенный эффект такого поведения внешне благополучных родителей на социализацию подростков может быть не меньшим, чем эффект от их явно аморального поведения.

Неадекватная социализация подростков может быть не только результатом действия совершенно противоположных факторов: у одних — от нужды, у других — от пресыщенности и скуки, чрезмерной свободы в выборе поведения, но и от дефектных условий социализации детей, воспитания их в условиях постоянного конфликта ценностей воспитывающих их родителей, родственников, опекунов или результатом неписанности подростка в группы сверстников с адаптивным поведением и т. д. Если говорить о длительной перспективе, то первые факторы в принципе легче устранимы, нежели вторые. Подростки не могут находиться длительное время без

²¹ Вопросы советской криминологии (Материалы научной конференции), ч. 2. — М., 1976, с. 40–50 и др.

общения со своими сверстниками в неформальных группах. Постоянный контроль за превалирующими нормами и ценностями в этих группах и в случае необходимости оперативная смена этих групп — вплоть до смены места учебы, работы или жительства — действенная мера в борьбе с неадекватной социализацией подростков.

Тесно связано с динамикой отклоняющегося поведения несовершеннолетних экономическое и социальное положение женщин. В отличие от капиталистических стран, женщины в СССР пользуются широкими социальными правами. Встречающиеся же случаи отклоняющегося поведения среди женщин носят скорее экономический, нежели социальный характер. Многими исследованиями выявлено, что из всех действий типа (y + x) у женщин преобладают невыраженные или некрайние формы поведения типа x (материально ориентированного поведения).

О связи с факторами экономического порядка говорит и пространственное распределение доли женщин среди лиц с отклоняющимся поведением. Проранжировав все регионы РСФСР по доле женщин в общем числе лиц с отклоняющимся поведением, мы выписали по 20 регионов с максимальными значениями этой доли в течение нескольких лет. Каждому региону были присвоены 1, 2, 3 ... и т. д. балла, в зависимости от места, которое он занимал каждый год по максимальной величине этого показателя. Затем описанным выше способом подсчитывалось общее за все годы количество баллов каждого региона. В итоге были выделены 15 регионов с наименьшим количеством баллов, т.е. устойчиво имеющие максимальную долю женщин среди лиц с данным отклонением. Сюда вошли почти все регионы типа В3 и В4, т.е. регионы с минимальной долей городского населения, с низкими показателями доходов, повышенной долей женщин во взрослом и особенно в престарелом населении и т.д.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Н. Н. П р о с к у р н и н а

Конкретные социологические исследования — важный источник информационного обеспечения теории и практики борьбы с преступностью, а также предупреждения последней.

Известно, что одним из факторов, существенно влияющих на региональные показатели преступности (состояние, структура, уровень, динамика), является социально-демографический состав населения, поскольку социально-демографические группы неодинаково "поражены" различными видами преступности¹. Поэтому не вызывает сомнений необходимость сопоставления социально-демографических характеристик преступников и "породившего" их населения региона.

Однако исследование социально-демографических факторов требует предварительного уяснения некоторых теоретических предпосылок и решения ряда прикладных (методических) задач.

Необходимо различать сложный комплекс социальных причин преступности (и иных антиобщественных проявлений) и систему факторов, отражающих, преломляющих действие этих причин, а потому выступающих эмпирически наблюдаемыми (и измеряемыми) референтами каузальной обусловленности социальной патологии. Это означает, в частности, что ни один из социально-демографических факторов — ни сам по себе, ни в совокупности с другими — не может служить "причиной" преступности, а

¹ См., например: К о г а н В. М. Социальные свойства преступности. — М., 1977; Криминология. 4-е изд. — М., 1979; Личность преступника. — М., 1975, и др.

лишь опосредованно отражает эти причины, являясь их индикатором. Так, возраст и образовательный уровень могут служить косвенными показателями включенности индивида в систему общественных отношений, степени его социализации, а социальное и семейное положение — показателями его реального места в общественном производстве, в сфере бита и потребления. Социально-демографическая структура населения региона может свидетельствовать о степени социальной неоднородности, а, следовательно, и о величине "разрыва" между сформировавшимися потребностями и возможностями их удовлетворения для различных социально-демографических групп, то есть об обстоятельствах, входящих в причинный комплекс антиобщественных проявлений.

Дискуссионен вопрос о том, какие именно характеристики относятся к числу социально-демографических. Практика социологических исследований помимо "чисто" демографических (пол, возраст, семейное положение, количество детей) включает в блок социально-демографических показателей также социальное положение, социальное происхождение, образование и некоторые другие².

В криминологических исследованиях анализ социально-демографических факторов, как правило, проводился по каждому фактору в отдельности: определялись доли мужчин и женщин среди лиц, совершивших преступления, доля различных возрастных групп в контингенте преступников и т. д. При этом оказывалось, что одни и те же лица "просчитывались" многократно, каждый раз попадая — в зависимости от критерия (основания деления) в различные группы. Между тем, как для криминологической теории, так и в целях конкретизации профилактической работы, представляется важным классифицировать и население, и преступников по совокупности нескольких социально-демографических признаков, криминологически наиболее значимых, а, следовательно, и определивших относительную степень криминальной активности. Такая классификация, методически "закрепленная" и соблюдаемая при проведении дальнейших исследований в различных регионах, позволит сравнивать в

² См.: Петренко Е. С., Ярошенко Г. М. Социально-демографические показатели в социологических исследованиях. — М., 1979, с. 13-17.

динамике и в территориальном разрезе пораженность выделенных групп различными формами социальной патологии.

Вообще показателем степени пораженности социально-демографических групп населения преступностью служит коэффициент преступной активности, представляющий соотношение доли определенной социально-демографической группы в контингенте преступников и доли этой же группы в составе взрослого (с 14 лет) населения региона, "породившего" данный контингент преступников³. Так, если среди преступников доля мужчин в возрасте 18 - 24 лет составляет 30 %, а в составе населения - 25 %, то коэффициент преступной активности равен $\frac{30}{25} = 1,2$. Иными словами, коэффициент преступной активности показывает, насколько доля определенной группы среди лиц, совершивших преступления, больше или меньше доли той же группы во взрослом населении. Если при этом коэффициент меньше единицы, то преступная активность социально-демографической группы ниже "нормальной", "стандартной", если же коэффициент выше единицы, то это свидетельствует об относительно повышенной (по сравнению с "нормальным" показателем) преступной активности группы. Коэффициент преступной активности позволяет выявить сравнительную величину "вклада" различных социально-демографических групп населения в преступность и в ее отдельные виды.

Соответственно может быть определен коэффициент любой иной антиобщественной активности ("коэффициент суицидальной активности", "коэффициент алкоголизации" или "алкогольной активности" - при всей условности этих терминов). Трудно переоценить значение таких показателей для принятия управленческих решений в сфере правопорядка.

Наконец, следует заметить, что эмпирически устанавливаемая классификация социально-демографических групп (по совокупности нескольких признаков) осуществляется по неспецифическим для преступников (пьяниц, суицидентов и т. п.) характеристикам⁴. Это - не уголов-

³ См.: В и ц и н С. Е. Системный подход к преступности. - М., 1980, с. 76-77; К о г а н В. М. Указ. соч., с. 39-30; Правовая статистика. - М., 1980, с. 84-87.

⁴ См.: В л у в и т е й н Д. Д., Я к о в л е в А. М. Введение в курс криминологии. - Минск, 1983, с. 63, 77.

но-правовая (например, по видам преступлений) и не криминологическая (например, преступники "злостные" и "случайные", насильственные и корыстные) типология. Это и не социологическая или же социально-психологическая типология личности⁵. Значение предлагаемой ниже классификации теоретическое, поскольку используя существенные для социально значимого поведения признаки, она позволяет конкретизировать механизм социальной обусловленности преступности и иных антиобщественных проявлений, инструментально-практическое, поскольку служит выявлению "криминогенного" контингента, равно как и групп повышенного алкогольного, суицидального и т. п. риска в населении конкретного региона.

В социологии различают эмпирическую и теоретическую типологизацию⁶. В наших исследованиях, при построении криминологически значимой классификации социально-демографических групп, были использованы как теоретические, априорно избранные критерии, так и эмпирически выявленные в результате ряда конкретных социологических исследований некоторых форм антиобщественных проявлений в одном из крупных городов Северо-Западного региона.

Прежде всего следовало определить основные критерии (социально-демографические признаки) классификации. Многочисленные социологические исследования свидетельствуют о том, что из всей совокупности социально-демографических факторов наиболее точно коррелируют с общественно значимым поведением пол, возраст, образование, социальное и семейное положение. Именно эти характеристики в первую очередь отражают (пусть неполно) реальное место, социальную позицию, занимаемую индивидом в системе общественных отношений.

Однако принятие за основу пяти названных показателей (с учетом их дальнейшей дифференциации, как будет показано ниже) привело бы к чрезвычайно большому количеству

⁵ См.: например: Каган М. С. Человеческая деятельность. - М., 1974, с. 288-296; Корнеев М. Я. Проблемы социальной типологии личности. - И., 1971; Небедев Б. К. Исторические формы социальных типов личности. - Казань, 1976; Смирнов Г. И. Советский человек. - М., 1973, гл. IV и др.

⁶ См.: Рабочая книга социолога. - М., 1976, с. 484 - 485.

групп. Поскольку образовательный уровень в значительной степени опосредуется ("снимается", поглощается) социальным положением, постольку решено было в основу классификации положить четыре относительно независимых признака: пол, возраст, социальное положение и семейное положение.

Следующая задача состояла в определении степени дифференциации по каждому из выбранных признаков. Естественно и однозначно население разделяется лишь по полу (мужчины и женщины). Относительно просто делятся индивиды по семейному положению: семейные (женатые и замужние, включая состоящих в фактических брачных отношениях) и несемейные (холостые, разведенные, вдовы). Хотя уже по этому признаку возможна и более дробная дифференциация (например, по юридическому критерию, по степени родственных отношений и т. п.). Значительно сложнее определение критериев дифференциации населения по возрасту и социальному положению. Известно, что в государственной статистике, ведомственном учете, социологических исследованиях по этим признакам применяются различные группировки. Исходя из задач и объекта (население города) исследования, а также учитывая нежелательность слишком дробного деления, резко увеличивающего конечное число групп, были приняты следующие группировки: по возрасту — молодежь (16-29 лет), лица среднего возраста (30-49 лет), пожилые (50 лет и старше); по социальному положению — рабочие, служащие (включая инженерно-технических работников), учащиеся, пенсионеры, лица без определенных занятий.

Таким образом, по совокупности принятых показателей всего может быть выделено в населении 60 социально-демографических групп (2 x 2 x 3 x 5). Например: мужчины молодые, несемейные, рабочие; женщины пожилые, семейные, служащие и т. п. Однако фактически число статистически значимых групп окажется значительно меньшим, поскольку, во-первых, такие сочетания как пожилые учащиеся, молодые пенсионеры и т. п. в населении практически отсутствуют (образуя "пустые классы" в числе 60 групп). Во-вторых, в зависимости от конкретной выборки, некоторые группы окажутся статистически незначимыми (непредставительными).

В качестве изучаемых форм антиобщественных проявлений были избраны тяжкие насильственные преступления (убийства и покушения на убийства, тяжкие телесные поврежде-

ния и покушения на них), суицидальные попытки, пьянство (по критериям — употребление алкогольных напитков четыре раза в неделю и чаще; хронический алкоголизм; задержания в медынтрезвителе; распятие алкогольных напитков до работы, во время работы, со случайными лицами на улице). При этом использовались результаты проведенных социологических исследований, включая опрос лиц, осужденных за тяжкие насильственные преступления; сумцидентов; лиц, доставляемых в медынтрезвители; контрольной группы населения (случайная выборка). Репрезентативность выборки проверялась сопоставлением со статистическими данными о социально-демографическом составе населения города. Наличие в анкетах общих для всех контингентов опрашиваемых вопросов позволило выявить степень алкоголизации среди всех названных контингентов (в том числе и контрольной группы).

Среди обследованных массивов статистически значимыми (по совокупности перечисленных ниже социально-демографических показателей) оказались 28 групп. Эти группы были проранжированы по степени распространенности каждой из исследованных форм антиобщественных проявлений. При этом были рассчитаны частные коэффициенты ("коэффициент преступной активности" — K_{Π} , "коэффициент суицидального риска" — K_{Σ} , "коэффициент алкогольной активности" — K_{Δ}) для каждой группы по каждой форме антиобщественного поведения (напомним, что коэффициент выражает отношение доли соответствующей социально-демографической группы в среде преступников, сумцидентов, пьяниц к доле той же группы в населении) и вычислен общий "коэффициент девиантности" (K_{Δ}). Лишь для примера назовем максимальный и минимальный коэффициенты девиантности: 9,51 — для группы мужчин одиноких, среднего возраста и 0,18 — для группы мужчин семейных, пожилых, пенсионеров.

При ранжировании групп по степени пораженности различными формами социальной патологии обнаружилось значительное сходство рангов. Так, мужчины несемейные, рабочие, среднего возраста заняли первое место (ранг по степени убывания признака) по коэффициентам преступности, суицидальной и алкогольной активности; мужчины несемейные, молодые, рабочие распределялись в интервале 3 — 7 рангов; женщины семейные, пожилые, рабочие — меж-

ду 15 - 17 рангами; женщины семейные, среднего возраста, служащие и ИТР - в интервале 21 - 26 рангов. С другой стороны, наблюдались и существенные различия: мужчины семейные, среднего возраста, служащие и ИТР оказались на последнем, 28-ом месте по суицидальной активности, но на 12-ом - по степени алкоголизации; женщины семейные, молодые, рабочие - 14-ый ранг по суицидальной активности и 24-ый - по алкоголизации. Можно предположить, что сравнение с некоторыми другими формами антиобщественных проявлений (например, с преступностью по линии БХСС) выявит и иные существенные различия в степени пораженности выделенных групп.

Характер обнаруженных связей между исследованными формами социальной патологии по выделенным социально-демографическим группам исследовался расчетом множественного коэффициента корреляции (φ) и коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s)⁷. Опять-таки для примера приведем лишь некоторые результаты. Так, теснота связи между распространенностью пьянства среди контрольной группы населения и суицидальными попытками ($r_s = 0.44$), между пьянством среди населения и среди суицидентов ($r_s = 0.65$), между группой лиц, задержанных в медвытрезвителе, и суицидентами ($r_s = 0.59$), между задержанными в медвытрезвителе и пьянством суицидентов ($r_s = 0.72$) свидетельствует как о положительной корреляции между этими антиобщественными проявлениями, так и о степени выраженности связей.

Сопоставление частных и общего коэффициентов антиобщественной активности всех 28 групп позволило выявить группы "повышенного риска" ($K_d > 1.5$) и группы "пониженного риска" ($K_d < 0.5$). Например, в числе десяти групп повышенного риска, составляющих в населении 21,4 %, несколько преобладают мужчины, в основном несемейные, рабочие (лишь одна группа служащих и ИТР - мужчины несемейные, среднего возраста). В числе восьми групп пониженного риска, составляющих в населении 34,4 %, преобладают женщины, в большинстве своем семейные, служащие и ИТР, а также пенсионеры (в том числе семейные мужчины) и

⁷ См.: Рабочая книга социолога, с. 208, 212, 507 и 508.

учащиеся.

Конкретные результаты проведенных исследований имеют локальное значение и не могут распространяться на другие регионы страны. Важно другое. Была апробирована возможность выделения в населении социально-демографических групп по совокупности нескольких признаков, причем таких, которые наиболее "чутко" отражают неравномерность пораженности различных групп разными формами социальной патологии. Избранная степень дифференциации этих признаков позволяет в первом приближении оценивать степень антиобщественной активности выделенных групп населения. Поэтому в целях сопоставимости результатов исследований в различных регионах и в динамике за ряд лет, представляется целесообразным прежде всего классифицировать население (и отдельные контингенты) по предлагаемым показателям. Это не исключает дальнейшей более дробной дифференциации (в пределах выделенных групп) в зависимости от задач исследования, особенностей социально-демографического состава населения, изучаемых форм антиобщественных проявлений и т. п. Для этого, в частности, при разработке анкет используется значительно более подробная дифференциация социально-демографических признаков.

Для повышения эффективности практики развития социальной активности населения и профилактики преступности и иных антиобщественных проявлений представляется весьма перспективным проведение региональных исследований как антиобщественной, так и позитивной, творческой активности различных социально-демографических групп, выделенных по предлагаемым признакам.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Я. О. Г и н т е р

В настоящее время в связи с ускорением процессов миграции и повышением мобильности населения происходит усиление межрегиональных связей преступности, что, однако, не нашло достаточного отражения в криминологических исследованиях. Необходимой предпосылкой проведения эмпирических исследований в этом направлении является разработка соответствующих показателей. Л.В. Кондратюк предложил два показателя межрегиональных связей:

а) отношение количества преступлений, совершенных на территории i региона жителями других регионов, к общему количеству преступлений, зарегистрированных на территории i региона;

б) отношение количества преступлений, совершенных жителями i региона в других регионах, к общему количеству преступлений, зарегистрированных в i регионе¹.

Первый показатель призван отражать удельный вес "чужой" преступности на территории i региона (так называемый "импорт преступности"), второй, наоборот, должен отражать удельный вес преступлений, совершенных на "чужой" территории, среди всех преступлений, совершенных жителями i региона (так называемый "экспорт преступности").

По мнению автора настоящей статьи, второй показатель не совсем точно отвечает поставленным перед ним задачам. Поскольку он выражается отношением количества преступлений, совершенных жителями i региона на территории других регионов, к общему количеству преступлений, зарегист-

¹ См.: Кондратюк Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычислений. — М., 1978, с. 70-71.

ированных в i регионе, то в счет идут преступления, совершенные на территории i региона не только жителями i региона, но и жителями других регионов. И таким образом данный показатель неадекватно отражает удельный вес преступлений, совершенных на "чужой" территории, среди преступлений, совершенных жителями i региона.

С нашей точки зрения, целесообразнее было бы и в вышеупомянутом показателе рассматривать отдельно преступления, совершенные на территории i региона жителями i региона (собственная преступность), и преступлений, совершенных на территории i региона жителями других республик ("импортная" преступность), и употреблять вместо одного два отдельных показателя:

а) отношение количества преступлений, совершенных жителями i региона на территории других регионов, к количеству преступлений, совершенных жителями i региона на территории i региона, или к общему количеству преступлений, совершенных жителями i региона (данный показатель отражал бы более адекватно удельный вес "экспорта преступности");

б) отношение количества преступлений, совершенных жителями i региона на территории других регионов, к количеству преступлений, совершенных жителями других регионов на территории i региона (указанный показатель отражал бы соотношение "экспорта" - "импорта" преступности i региона). Если данный показатель ниже единицы, то для i региона более характерным является "импорт" преступности, т. е. данный регион предоставляет условия, в некоторых случаях даже способствующие, благоприятствующие совершению преступлений жителями других регионов. И наоборот, если вышеупомянутый показатель превышает единицу, то для региона характерным является "экспорт" преступности, т. е. регион "производит" потенциальных преступников, не предоставляя им достаточных условий для совершения преступлений на собственной территории.

Все вышеупомянутые показатели применимы без уточнений лишь к достаточно большим регионам, которые включают и места работы (учебы) своих жителей. При небольших территориальных единицах (сельсовет, микрорайон города) увеличивается доля жителей, работающих или учащихся вне пределов региона, и в подобной ситуации становится уже сложнее отделить "собственную" преступность от "импорта"

и "экспорта" преступности.

Многие преступления, например, хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением (ст. 93 УК Эстонской ССР), некоторые хозяйственные (ст. 147, 151, 151¹ УК Эстонской ССР) и должностные (ст. 161 - 164, 166 и 166¹) преступления и т. п. теснее связаны с местом работы, нежели с местом жительства. Считать такие преступления "чужими" для региона, на территории которого они совершены, представляется необоснованным, несмотря на то, что место жительства виновных находится вне предела данного региона. Если же исходить из приведенных выше показателей, то и упомянутые преступления пришлось бы считать "импортными".

По нашему мнению, в тех случаях, когда преступление тесно связано с местом работы виновного (виновных), принадлежность данного преступления как "собственного" к конкретному региону целесообразнее решать не по месту жительства, а по месту работы виновного.

Уголовное делопроизводство в таких условиях, как правило, ведется компетентными органами региона, на территории которого виновный работает, т.е. там, где было совершено и обнаружено преступление. Но основанием того, чтобы считать данное преступление "собственным" для региона, служит не вышеупомянутый уголовно-процессуальный признак (уголовное делопроизводство ведется органами региона, на территории которого было совершено и обнаружено преступление, и в тех случаях, когда преступление совершено приезжим, не имеющим почти никакой связи с регионом, указанные преступления же приходится считать не "собственными" для данного региона, а "импортными"), а криминологическая характеристика преступления. Связь преступлений, совершенных по месту работы, с регионом места жительства (если место работы и место жительства расположены в разных регионах) может быть отражена в показателе, характеризующем межрегиональные связи, исходя из места формирования личности преступников (сложность построения подобного показателя будет рассмотрена в заключительной части настоящей статьи).

Некоторые затруднения возникают при классификации преступлений на "собственные", "импортные" и "экспортные" в отношении данного региона и в тех случаях, когда

преступление совершено "гастролером", не имеющим постоянного места жительства. В отношении региона, на территории которого было совершено преступление, оно является, несомненно, "импортным", но если в остальных случаях какое "импортное" преступление являлось в отношении какого-то конкретного другого региона "экспортным", то в подобном случае такого конкретного региона - "экспортера" - нет. Связь преступлений "гастролеров" с другими регионами также может быть отражена только в показателе, характеризующем межрегиональные связи с точки зрения места формирования виновных как личностей.

Межрегиональные связи преступности существенно различаются по видам преступлений, а также по социальным группам населения и в силу этого вышеприведенные общие показатели, суммирующие все виды преступлений и все социальные группы населения, не совсем точно и конкретно отражают сложившуюся ситуацию в межрегиональных отношениях преступности. Тем самым, несомненный интерес представляли бы и более детальные показатели, такие как:

а) отношение количества преступлений определенного вида (по каждому виду преступлений), совершенных на территории i региона лицами, проживающими на территории других регионов, к общему количеству преступлений данного вида, зарегистрированных на территории i региона;

б) отношение количества преступлений определенного вида, совершенных жителями i региона на территории других регионов, к общему количеству преступлений этого вида, совершенных жителями i региона;

в) отношение количества преступлений определенного вида, совершенных жителями i региона на территории других регионов, к количеству преступлений того же вида, совершенных жителями других регионов на территории i региона.

Использование вышеприведенных показателей позволяет избежать взаимного погашения различных (иногда довольно противоречивых) тенденций, характеризующих межрегиональные связи преступности отдельных видов.

Чтобы учитывать и различия в межрегиональных связях преступности, характеризующие отдельные социальные группы населения, целесообразно в некоторых случаях использовать показатели, конкретизирующие социальную группу, к которой принадлежат преступники. Например:

а) отношение количества преступлений, совершенных на территории i региона представителями j социальной группы, проживающими на территории других регионов, к общему количеству преступлений, совершенных в i регионе представителями той же социальной группы;

б) отношение количества преступлений, совершенных жителями i региона - представителями j социальной группы на территории других регионов, к общему количеству преступлений, совершенных жителями i региона - представителями этой же социальной группы;

в) отношение количества преступлений, совершенных жителями i региона - представителями j социальной группы на территории других регионов, к количеству преступлений, совершенных жителями других регионов - представителями той же социальной группы на территории i региона.

Межрегиональные связи преступности не ограничиваются теми чертами, которые отражены вышеприведенными показателями. Мы считаем, что межрегиональные связи преступности характеризуют и те случаи, когда преступник формировался как личность на территории одного региона, а затем переселился на территорию другого региона, где и совершил преступление. Но подобные ситуации являются уже более сложными в смысле построения показателей, поскольку нет четких и подходящих для каждого конкретного случая критериев, на основании которых возможно решение вопросов ...

а) является ли данный преступник коренным жителем данного региона;

б) в какой период данный преступник формировался как личность.

Кроме того, в официальных документах регистрации преступников и преступлений не указываются промежуточные места жительства виновных. Но несмотря на упомянутые достаточно серьезные трудности, мы считаем целесообразным при изучении межрегиональных связей преступности не игнорировать и вышеизложенные случаи.

Некоторым шагом в направлении построения показателей, в которых учитывались бы отдельно постоянные (коренные) жители региона и иммигранты, является рассмотрение в проводимом Лабораторией социологии отклоняющегося поведения Тартуского госуниверситета исследовании

(социальная профилактика преступности мерами комплексного социального и экономического планирования) жителей, живущих в регионе 1) менее шести месяцев, 2) от шести месяцев до двух лет, 3) от трех до восьми лет и 4) более восьми лет. Одной из побочных целей проводимого эмпирического исследования является и решение вопроса о том, кого считать коренными жителями региона. Разграничение контингентов коренных и некоренных жителей позволит сосредоточить внимание на некоренных жителях региона, представляющих наибольший интерес с точки зрения межрегиональных связей преступности.

Эмпирическими показателями могли бы служить:

а) удельный вес некоренных жителей среди преступников \bar{L} региона, в том числе и по отдельным видам преступлений;

б) удельный вес лиц, сформировавшихся как личности в данном регионе \bar{L} , среди преступников других регионов. Однако здесь нельзя не отметить того обстоятельства, которое было упомянуто выше, что употребляемые при построении указанных показателей понятия не имеют пока четких эмпирических определений, что затрудняет их применение в конкретных криминологических исследованиях. Устранение отмеченных сложностей выходит за рамки настоящей статьи.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ "ОБРАЗ ЖИЗНИ" И О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

И. И. К и н г е

На XXVI съезде КПСС отмечалось, что нам предстоит немалая работа по совершенствованию социалистического образа жизни, по искоренению всего, что мешает формированию нового поколения. "Это, - говорится в документах съезда, - одна из неотъемлемых составных частей социальной политики партии, цель которой - благо и счастье советских людей!"¹

Теория образа жизни сравнительно молода. В нашей стране всерьез приступили к ее изучению лишь в семидесятые годы. С тех пор появилось множество публикаций, был проведен ряд исследований, в которых на смену монодисциплинарному подходу пришел междисциплинарный, что способствовало известному продвижению в разработке ряда узловых проблем.

В семидесятые годы в советской обществоведческой литературе развернулось широкое обсуждение проблем образа жизни. При этом основным объектом дискуссии являлось само определение понятия "образ жизни". Высказывалось даже сомнение в возможности и необходимости на данном этапе стремиться к единству в понимании образа жизни, раздавался призыв "от бесплодных дискуссий перейти к конкретным исследованиям"².

Как определенный срез социальной реальности образ жизни является диалектической категорией, в которой переплетаются базисное и надстроечное, объективное и субъективное, материальное и духовное. В их взаимодействии осущест-

¹ XXVI съезд КПСС. 23/II - 3/III 1981. Стенографический отчет. Т. I, с. 82.

² Б о р и с о в С. Г. Социалистический образ жизни (проблемы социальной детерминации). - М.: Мысль, 1982, с. 14.

вляется внутренняя динамика развития образа жизни. Сложность объекта исследования объясняет аморфный, чрезвычайно обобщенный (а подчас и чрезмерно детализированный) подход к его исследованию. В результате - отсутствие единого мнения в решении основных, а также ряда частных проблем, как-то: вопрос о закономерностях и тенденциях развития образа жизни, в частности социалистического образа жизни, вопрос о сущности управления им, находящийся в прямой зависимости от уровня разработки перечня и классификации показателей, моделирующих образ жизни, и т. д. В целом есть основания утверждать, что потребность в разработке научной концепции образа жизни по сей день остается неудовлетворенной.

Из множества разноплановых позиций ученых вырисовываются следующие проблемы:

1) охватываются ли понятием образа жизни условия жизнедеятельности людей?

2) охватывается ли понятием образа жизни образ жизни людей?

3) охватываются ли понятием образа жизни личностные характеристики его носителей?

4) охватываются ли понятием образа жизни только постоянные формы деятельности или лишь специфические, или все вместе?

5) кто является носителем образа жизни, его субъектом - личность, социальная группа, коллектив, семья, общество в целом либо все они?

6) какова оптимальная методика изучения образа жизни и система адекватных измеряемому феномену показателей, в том числе и в особенности результирующих показателей?

7) каковы основополагающие, дифференцирующие характеристики образа жизни?

8) каково содержание, характер взаимоотношений и мера необходимости рассмотрения понятий "стиль жизни", "качество жизни", "уровень жизни", "стандарт жизни", "способ жизни" и пр.?

Для устранения противоречий анализируемого феномена предлагалось рассматривать образ жизни в широком и узком

смысле³.

С нашей точки зрения, образ жизни в узком смысле — это социологическая категория, охватывающая механизм удовлетворения разнообразных по своей структуре и качественно-количественным характеристикам потребностей, или социологическая категория, охватывающая совокупность видов деятельности, форм поведения и характера общения в различных человеческих группах. При этом мы понимаем деятельность как многообразные формы человеческой активности, содержание которых составляет целесообразное изменение окружающей действительности.

Под поведением мы подразумеваем процесс осознанного взаимодействия индивидов с окружающей средой, характер их взаимоотношения с другими группами индивидов, членами которых они являются. Поведение членов различных социальных групп с точки зрения соответствия стереотипу образа жизни (в частности, социалистического образа жизни) неоднородно. Существует немало отклонений от нормативного эталона различной степени интенсивности и общественной опасности — от незначительного, случайного, ситуативного проступка до существенных, стойких, общественно опасных деяний. Нас в первую очередь интересуют любые социально негативные поведенческие акты, в особенности те, которые приобретают статус поступка — акта, контролируемого системой принятых в обществе норм, измеряемого уровнем его адекватности требованиям ситуации, т. е. социально патологическое поведение.

Общение же мы в данном случае толкуем как специфический процесс взаимосвязи и взаимодействия, в ходе которого передается и усваивается социальный опыт, происходит изменение структуры и сущности взаимодействию-

³ См.; например: Борисов Г. М. Указ. соч.; Вихарев П. О понятии "образ жизни" и его эмпирическом исследовании. — В кн.: Образ жизни и среда обитания. — Таллин: "Ээсти Раамат", 1981, с. 5 — 17 (на эст. яз.); Вестужев-Иада И. В. Некоторые методологические проблемы формализации понятия "образ жизни" как социологической категории. — М., 1973; Социальное прогнозирование: особенности и проблемы. М., 1975. Также см.: Дридзе Т. М., Орлова Э. А., Райкова Д. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования общения и обособления в структуре образа жизни. — Философские науки, 1981, № 6, с. 11 — 20 и др.

ких субъектов, т.е. их социализация⁴. На наш взгляд, общение целесообразно рассматривать как сложное полисемантическое понятие, которое, с одной стороны, означает условие любой деятельности ("Любая человеческая деятельность невозможна без общения"⁵), а с другой — специфический вид деятельности, ее частный случай — взаимодействие (по Марксу — *Verkehr*), и именно второй своей стороной общение должно рассматриваться как компонент образа жизни. "Реальный образ жизни ... не исчерпывается предметно-практической деятельностью. Она составляет лишь одну сторону образа жизни ... Другой стороной является общение как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми"⁶.

Целесообразность включения категории общения в понятие образа жизни подчеркивают и В.В. Трушков⁷ и О.Н. Яницкий⁸, утверждая, что общение выступает элементом именно такой человеческой деятельности, которая в классовом обществе является классовой по своей природе. В советской социологической литературе по вопросам урбанизации и миграционных процессов отмечалось, что концентрация людей в условиях города была одновременно и концентрацией общения. Важность общения и его роль в качестве элемента образа жизни заключается и в его функции по сближению представителей различных классов, национальностей, культур, жителей города и деревни и т.д.

⁴ Л.С. Выготский считал, что основной формой деятельности человека с первых же дней его жизни является общение с окружающими людьми. Он рассматривал это общение как постоянный фон, обуславливающий развитие человека и окружающих его вещей, формирующим развитие его основных объективных функций.

⁵ Панферов В. Н. Психология общения. — Вопросы философии, 1971, № 7, с. 126.

⁶ Ломов Б. В. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. — Вопросы психологии, 1971, № 5, с. 18. См. также: Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии — М.: Наука, 1975, с. 106 — 123; Буева Л. П. Общественные отношения и общение. — Там же, с. 136 — 150, и др.

⁷ См.: Трушков В. В. Население города и пригорода. — М.: Анализ и статистика, 1983, с. 105.

⁸ См.: Яницкий О. Н. Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация. — В кн.: Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. — М., 1972, с. 38 — 75.

Как отмечалось выше, спор ведется и вокруг проблемы включения-исключения в рассматриваемое понятие условий жизнедеятельности человеческих общностей. Жизнедеятельность людей невозможна вне определенных условий, поэтому различие между ними относительно и диалектически подвижно. Условия разнообразны и выступают объективными предпосылками, средствами и результатами жизнедеятельности. Мы разделяем позицию Л.С. Тупиченко, который рассматривает условия как "органическую ткань собственно практической деятельности"⁹.

Исследуя образ жизни, ученые выявляют закономерную (хотя и далеко не однозначную) связь между изменениями в условиях жизни людей и изменениями в образе их жизни, в непосредственной жизнедеятельности, в способах жизненной самореализации, т. е. подходят к условиям образа жизни как к полю возможных факторов, влияющих на изменения в образе жизни людей, причем границами условий и самого образа жизни они считают индивидуальную активность людей, их способность к выбору¹⁰. По сути мы имеем здесь дело с процессами интериоризации-экстериоризации, т. е. с формированием внешней деятельностью внутренней, которая, в свою очередь, направляет внешнюю¹¹, что (мы это допускаем) может рассматриваться как образ жизни в широком смысле, который мы понимаем как диалектическое единство, взаимосвязанность и взаимозависимость общих и специфических условий жизни, сознания и реальных видов и способов деятельности, форм и видов поведения и характера общения в различных человеческих группах.

Подчеркивая характеристику "осознанности" взаимодействия индивидов, мы имеем в виду целеполагающий характер деятельности, поведения, направленного на преобразо-

⁹ Тупиченко Л. С. Социалистический образ жизни как объект управления. - М.: Мысль, 1983, с. 105.

¹⁰ См.: Социалистический образ жизни. Сб. ст. ученых социалистических стран. Общая ред. А. П. Бутенко. - М.: Прогресс, 1979, 212 с.

¹¹ См.: Ратников А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. - В кн.: Личность преступника как объект психологического исследования. - М., 1979, с. 3 - 33; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. - М., 1965, с. 379.

вание среды. Однако поскольку основания цели как одного из элементов поведения и сознательной деятельности человека лежат в сфере человеческих идеалов и ценностей, мы можем говорить об аксиологическом характере деятельности, поведения, общения — об аксиологическом характере образа жизни в целом. Изучая компоненты целеполагающей деятельности, не следует опасаться упреков в психологизации и аксиологизации образа жизни в широком смысле и сбрасывать со счетов рациональность рассмотрения общественно значимого поведения, поступков также с позиций социальной психологии (мотивация поступков и действий, принадлежность к определенной социальной группе, роль ближайшего окружения, механизмы группового контроля и т. д., т. е. все то, что формирует стержневую характеристику носителей образа жизни — их жизненную концепцию).

Кого же считать носителем образа жизни — личность? группу? коллектив? общество в целом?

Большинство ученых считает, что образ жизни характеризует как личность, так и группу и общество. Так, по мнению Г. М. Борисова, субъектами образа жизни могут выступать и отдельные личности, и социальные группы, т. е. классы, социальные слои, профессиональные и этнические группы, все население страны и человеческое общество в целом, причем каждому субъекту образа жизни присуща своя совокупность общих, существенных черт¹². Мы полагаем, что от того, кого мы имеем в виду, — личность (индивидуальный субъект) или группу (коллективный субъект), в значительной мере зависит и вкладываемое в понятие "образ жизни" содержание. Мы согласны с П. Викалем, который, апеллируя к принципиальной разноплановости механизмов социальной регуляции личности и социальной группы, приходит к выводу о различии в особенностях их образа жизни и предпочитает носителями его рассматривать большую или меньшую общность людей. При этом он отмечает, что образ жизни в определенной социальной группе представляет собой систему стереотипов поведения, связан-

¹² См.: Борисов С. Г. Указ. соч., с. 44.

них с определенными социальными статусами, личность же может полностью либо частично включиться в эту систему, может в большей или меньшей мере интерпретировать представления, притязания и стремления группы, может, со своей стороны, дополнять эту систему¹³.

Соглашаясь с П. Вихареммом, мы хотим указать и на то, что наиболее целостное представление об образе жизни можно получить именно изучая более или менее крупную выборку, ибо индивидуальные характеристики обладают большей неопределенностью, большей вероятностью отклонения от соответствующих нормативных предписаний, в группе же (в особенности многочисленной) можно выявить устойчивые закономерности установок, ценностных иерархий, характеристик поведения ее представителей.

Преступая к изучению образа жизни, необходимо уточнить масштаб исследования, а также критерии классификации образа жизни. Последние определяются в первую очередь целью классификации. В масштабе нашей страны в целом утвердился социалистический образ жизни. Однако в реальной жизни наблюдаются и несовместимые с образом жизни советских людей явления, присущие некоторым группам и слоям населения. Это актуализирует потребность в сопоставлении образа жизни как нормативного понятия с реальной практикой с целью выявления специфики образа жизни различных слоев населения, а также социальных условий, в особенности условий, имеющих тенденцию, преломляясь через умы и закрепляясь в сознании людей, находить выход в социально нежелательных поступках.

Общепринято, что образ жизни формируется под воздействием как объективных, так и субъективных факторов. В литературе до сих пор встречается точка зрения, согласно которой детерминация негативных элементов в образе жизни советских людей носит исключительно субъективный характер, они, якобы, порождаются не объективными условиями жизни, а исключительно спецификой индивидуального сознания, и, в частности, пережитками в сознании людей, пагубным влиянием Запада.

На XXVI съезде КПСС отмечалось: "Очень важно, чтобы

¹³ См.: В и х а р е м м П. Указ. соч., с. 9.

пропаганда не обходила острых тем, не боялась затрагивать так называемые трудные вопросы. Политика нашей партии ясна. И мы готовы ответить на любые вопросы, которые возникнут у советских людей. Надо смелее делать это, помня, что если мы не ответим на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм¹⁴. На июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС были осуждены попытки объяснить уродливые и негативные явления при социализме "пережитками капитализма". На Пленуме говорилось: "Было бы неправильно видеть во всех этих уродливых проявлениях, вызывающих беспокойство и справедливое возмущение трудящихся, одни лишь пережитки прошлого в сознании людей. Причины многих из этих "болячек" следует искать и в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитательной деятельности"¹⁵.

Не затрагивая существующих в обществе противоречий, нельзя продвинуться серьезно в деле профилактики преступности. "Практика борьбы с преступностью в нашей стране убедительно показала, что самотеком, сама по себе она не исчезает: ликвидируются одни виды преступлений и в то же время, к сожалению, появляются другие"¹⁶. Нельзя обойти молчаньем и такие явления как мошенничество, психология вещизма и накопительства, надобросовестное отношение к труду, карьеризм, бюрократизм, протекционизм, коррупция и т. д. Все эти явления различной степени социально негативной насыщенности, наблюдаемые в нашей действительности, требуют глубокого анализа существующих в условиях социализма противоречий.

А.П. Бутенко подразделяет все противоречия социализма на естественно присущие самому социализму неантаго-

¹⁴ Материалы XXVI съезда КПСС.—М., 1981, с. 75.

¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 г. —М., 1983, с. 38.

¹⁶ Статкус В. Ф. Социальное планирование и профилактика правонарушений. — Социологические исследования, 1982, № 2, с. 134.

нистические противоречия, противоречия, обусловленные наследием прошлого, и противоречия, возникающие и обостряющиеся в силу причин субъективного характера¹⁷. Одним из основных противоречий социализма является противоречие между растущими производительными силами общества и существующей реальной системой социалистических производственных отношений. По мнению В. С. Семенова, из данного противоречия вытекает противоречие между равным отношением трудящихся к средствам производства, к социалистической собственности и сохраняющимся в силу недостаточного уровня развития производительных сил "неравным" принципом распределения по труду, а не по потребностям¹⁸. Еще В.И. Ленин писал, что "справедливости и равенства ... первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые". Это неравенство выступает в качестве "регулятора" (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества¹⁹.

А.П. Бутенко фиксирует противоречие между необходимым для ускорения общественного прогресса совершенствованием производственных отношений и устаревшими элементами политической организации общества, закостеневшими управленческими формами²⁰. Д.В. Андропов указывал на отставание нашей работы, направленной на совершенствование и перестройку хозяйственного механизма, форм и методов управления, "от требований, предъявляемых достигнутым уровнем материально-технического, социального, духовного развития современного общества"²¹.

¹⁷ См.: Бутенко А. П. Еще раз о противоречиях социализма. - Вопросы философии, № 2, с. 128.

¹⁸ См.: Семенов В. С. К теоретическому углублению и конкретизации анализа проблемы противоречий в условиях развитого социализма. - Вопросы философии, 1984, № 2, с. 135..

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93, 94.

²⁰ См.: Бутенко А. П. Еще раз о противоречиях социализма. - Вопросы философии, 1984, № 2, с. 124.

²¹ Андропов Д. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. - М., 1983, с. 236.

Немалое влияние на формирование образа жизни оказывают противоречия между растущими потребностями людей и возможностями их удовлетворения, противоречия между личными и общественными потребностями, интересами. Нельзя сбрасывать со счета и наличие в нашем обществе социально-классовых различий, проявлявшихся в различиях в поддержке и характере труда, его оплате, различий между категориями трудящихся и т.д.

Указанные противоречия и определяют такие негативные явления, как бесхозяйственность, недостатки в материально-техническом снабжении, в организации труда и производства, нарушения принципа оплаты по труду, создавшие возможность иметь "даровой рубль", слабый контроль за работой сферы обслуживания, попустительство в отношении лиц, живущих на нетрудовые доходы, искусственное создание "дефицита" в результате ошибок планирования и, соответственно, — деятельность спекулянтов и т.д. В условиях недостаточной эффективности механизма преодоления имеющихся трудностей последние превращаются в причину производных процессов социальной дезорганизации: алкоголизма, низкой дисциплины труда, преступности, паразитического существования.

Научная разработка вопроса о противоречиях нашего общества и путей их преодоления в последнее десятилетие особенно интенсифицировалась, однако уровень ее еще не удовлетворяет потребности дальнейшего развития научной теории и практики. Среди частных недоработок можно назвать недостаточное внимание к рассмотрению региональных различий в социальной структуре сельского и городского населения, тогда как при разнообразии условий на макро- и даже на микроуровне это имеет огромное значение для практики социального планирования и управления.

Сложности настоящего этапа развития нашего общества могут рассматриваться как явления среды, прямо либо опосредованно воздействующие на конкретные условия жизнедеятельности людей, на формирование и развитие массового сознания, заключающего в себе отношение различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности, т.е. иными словами, — на общественное мнение.

Общественное мнение регулирует поведение людей, которые находятся в сфере его влияния; вырабатывая, ассими-

мифируя или насаждая определенные формы общественных отношений. Оно может быть адекватным реальному положению вещей, может быть иллюзорным, искаженным, предвзятым и т. д. Общественное мнение может рассматриваться на уровне общества, класса, группы, любых слоев населения. Обладая активностью, социальная среда через общественное мнение воздействует на индивидов, обеспечивая их социализацию. Однако на микроуровне могут встречаться такие срезь, которые способствуют отчуждению от социализации, т.е. от восприятия передовых общественных отношений, представлений об истинных ценностях и т.д. Р.А. Сафаров отмечает, что общественное мнение, обладая относительной самостоятельностью, способно оказывать на общество и пагубное воздействие. Так, характерные для общественного мнения отдельных социальных общностей потребительские и конформистские оценки могут влиять на качество политического, правового и нравственного сознания, что может объективироваться в социально негативном, в том числе и преступном поведении²².

Будучи обусловленным состоянием общества, преступное поведение является свидетельством его "болезни", симптомом социальной патологии, показателем социального неблагополучия. "Преступность, - как отмечает А. Б. Сахаров, - это явление закономерное, детерминированное особенностями социальных условий на определенном этапе развития общества"²³. Но о "болезни" общества свидетельствуют не только преступность, которую можно сравнить с запущенной, исцелимой лишь оперативным путем болезнью, предполагающей отсечение пораженного участка и ликвидацию породившего ее очага. В начальной стадии "заболевание" приобретает формы пьянства, алкоголизма, паразитического образа жизни, социального инфантилизма и т. д. По большому счету симптоматичны и такие явления как местничество, равнодушие, индивидуализм и мещанство, психология стяжательства и гипертрофированность потребления, погоня за символами

²² См.: Сафаров Р. А. Общественное мнение и государственное управление. - М.: Юрид. лит., 1975, с. 37-38.

²³ Сахаров А. Б. Научоведческие вопросы советской криминологии. - Правоведение, 1984, № I, с. 65.

статуса; надобросовестное отношение к труду, безыдейность, националистические пережитки и пр.

Праздным времяпрепровождением было бы искать одну какую-либо основополагающую причину всех этих явлений. Они порождаются комплексом причин и могут быть искоренены лишь путем его ликвидации или перестройки. Следовательно, усилия ученых должны быть направлены на выявление конкретных причин социальных отклонений в их диалектической взаимосвязи (причинный комплекс преступности) и разработку мер по устранению соответствующих явлений либо возможности их нежелательных сочетаний. Пока нет четкого представления о взаимозависимости условий жизнедеятельности человеческих общностей, их сознания и поведения, невозможно выявить детерминанты социального поведения, предвидеть последствия происходящих в обществе событий и оказывать на них планомерное воздействие.

В связи с тем, что государственная статистика пока не в состоянии полностью удовлетворить потребность в информации о состоянии нашего общества (хотя бы в силу отсутствия в ней информации о духовной стороне жизни) возрастает значение эмпирико-социологических исследований.

Социальная действительность — объект многоплановый и его изучение — процесс весьма сложный. Не все в ней поддается непосредственному измерению. Поэтому необходима тщательно обоснованная и испытанная методика. "Методы только тогда приоткрывают истину, когда они соответствуют сложности объекта изучения", — писал Гегель²⁴.

Приступая к исследованию, необходимо решить проблему его социального пространства, в качестве которого целесообразно рассматривать регион, а в роли низового звена — город (район города) и поселение (сельсовет).

Ряд проведенных исследований позволяет говорить об индивидуальном социальном облике различных регионов на-

²⁴ Цит. по Звирбуль В. К. О некоторых методологических аспектах исследования личности преступника. — В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. — М., 1979, с. 7.

шей страны. Каждый регион характеризуется своими природно-климатическими условиями, функциональностью, дислокацией предприятий промышленности, торговли, быта, размещением культурно-просветительных учреждений и т.д. Значительно различается и население регионов, которое может быть описано рядом специфических (демографических, психологических, социальных) характеристик. Оно различается и жизненными условиями, и развитием и структурой потребностей, и мотивациями, и нормами поведения в определенных ситуациях, и трудовой и социальной активностью и т.д. Конкретные социальные условия, преломляясь через психику и сознание наделенных определенными характеристиками групп населения, накладывают свой отпечаток на образ их жизни, отражаясь на уровне их социальной воспитанности, направленности и социальной значимости их поведения, в том числе и на параметрах правонарушаемости в самом регионе и за его пределами, если субъектами правонарушений являются жители рассматриваемого региона, воздействуя на структуру и уровень правонарушаемости, в том числе и преступности, степень общественной опасности и т.д.

Планирование мероприятий, направленных на социальное развитие регионов, предполагает наличие подробной информации о каждом регионе с учетом всего комплекса его экономических, социально-демографических, экологических, природно-климатических и прочих условий, а также характеристик заселяющих данные регионы социальных общностей, миграции населения и пр.

XXVI съезд КПСС в своих решениях подчеркнул важность повышения действенности территориального планирования, его роли в развитии регионов²⁵. В.В. Орехов отмечает, что эти планы представляют собой целостную систему различных научно обоснованных и материально обеспеченных мероприятий (социально-экономических, идеологических, политических и иных), которые предполагается осуществить в определенном месте с целью превращения сегодняшнего состояния тех или иных процессов в желательные. Важное место в системе этих мероприятий занимают мероприятия, которые направлены на предупреждение преступнос-

²⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. - М., 1981, с. 198

Чтобы иметь возможность включать в региональные планы экономического и социального развития разделы, предусматривающие меры по социальной профилактике правонарушений, необходимо знать состояние преступности и иной правонарушаемости в регионе, их динамику и тенденции развития, причины и способствующие условия.

Определив социальное пространство исследования, следует вычлениить наиболее важные "блоки", извмерия которые можно получить необходимую информацию. Эти блоки войдут в банк данных как особый вид информационной системы, содержащий "полевую" информацию, допускающую последующее преобразование и пополнение данных, многократное их использование и автоматизированный поиск.

Мы полагаем необходимым выделить следующие взаимодействия и взаимообусловленные блоки: "Среда", "Население", "Преступность", "Общение", "Образ мыслей", "Сознание" и "Образ жизни". Социальная общность ("Население"), наделенная своими специфическими свойствами, через общение ("Общение", понимаемое в данном случае как условие социализации), подвергаясь целенаправленному идейно-воспитательному воздействию, осознает, осмысляет ("Сознание") действительность, создавая о ней свое представление ("Образ мыслей"), в соответствии с которым формируется его образ жизни ("Образ жизни"), проявляющийся в видах жизнедеятельности, формах поведения и характере выборочного общения²⁷. А поскольку нас в особенности интересует механизм социальной обусловленности преступности, мы условно выделяем блок собственно преступности ("Преступность", которому, на наш взгляд, можно рассматривать и как компонент среды, и как компонент или характеристику образа жизни, в котором она присутствует в виде преступного поведения).

Приступая непосредственно к исследованию, необходимо:

²⁶ См.: Орехов В. В. О понятии социального планирования предупреждения преступности. - Вестник Ленинградского университета. Вып. I. Экономика. Философия. Право. 1983, № 5, с. 65.

²⁷ Термин "выборочное общение" мы включаем для характеристики целенаправленных, обусловленных желанием, волей, потребностями людей непосредственных контактов.

1) разработать набор объективных параметров (подблоков), конкретизирующих рассматриваемые феномены. Так, например, в блоке "Среда" мы выделяем подблоки "Материально-вещественная среда существования", "Природно-климатическая среда ...", "Производственная (учебно-познавательная)...", "Культурная ...", "Эмоциональная ...", "Интеллектуальная ...", "Бытовая ...", "Правопорядковая ..."; в блоке "Население" - "Демографический состав", "Социальный статус и классовая принадлежность", "Профессиональный статус", "Структура занятости", "Образовательный уровень", "Культурный уровень", "Тип демографического поведения" (интенсивность рождаемости, смертности, параметры миграции, мобильность), "Семейная структура"; в блоке "Преступность" - "Уровень и интенсивность преступности", "Характер преступности" (соотношение групповой и одиночной, первичной и рецидивной преступности); "Степень общественной опасности" (т.е. антиобщественные проявления, наказуемые а) товарищеским судом, б) в административном порядке, в) в уголовном порядке); "Пространственная распространенность" (география преступности), "Структура", "Динамика" (тенденции развития), "Характеристики субъектов правонарушений"; в блоке "Образ жизни" (непосредственно) - "Виды деятельности", т.е. трудовая и учебная, общественная активность, познавательная, бытовая, досуговая, семейная и воспитательная деятельность, правопорядковая и т.п.; "Поведение" и "Общение" (как специфический вид деятельности, условно вычлененный из подблока "Виды деятельности"): интенсивность общения, круг партнеров общения, в том числе и выборочного, культурно-интеллектуальная характеристика общения, эмоциональная характеристика общения и т.д.

2) по каждому подблоку разработать систему моделирующих его показателей;

3) разработать оптимальные измерительные процедуры с целью последующей статистической обработки исходной информации в ЭВМ;

4) получив статистически обработанную информацию, выявить интенсивность влияния параметров одних блоков на параметры других и между собой, т.е. выявить результирующие показатели;

5) на базе результирующих показателей построить интегральные показатели;

6) выявить направление, интенсивность и характер

воздействия интегральных показателей на интересующие объекты;

7) интерпретировать полученные результаты с целью последующей аргументированной разработки плана конкретных мероприятий по совершенствованию условий формирования морфотипического образа жизни и внесения компетентными органами на рассмотрение соответствующих рекомендаций.

По истечении определенного периода времени (3 - 5 лет), в течение которых будут внедряться соответствующие нормы, необходимо провести новое плановое намерение, основанное на той же выборочной совокупности, а затем (через следующие 3 - 5 лет) - вновь и т.д. Только при таком подходе можно проследить характер, динамику и тенденции развития образа жизни в зависимости от происходящих в его уточненных детерминантах изменений и меру интенсивности этих мер. На базе полученной таким путем информации уже можно перейти к планомерной разработке мероприятий (с предполагаемо исходом и.в. д.) по устранению детерминантов преступного поведения, формированию у населения (с учетом специфических характеристик последнего) малюитета и асоциальности, формированию социального образа жизни на новом, высшем уровне - уровне прогнозируемой аффективности всей планомерно-предупредительной деятельности общества. При этом следует уделять внимание не только взаимосвязям отрицательно негативных процессов, но и позитивных, значение которых с точки зрения социального планирования чрезвычайно велико.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ

С. Р. Я р в

Начиная с пятидесятых годов резко возрастает интерес к проблематике образа жизни. Актуальность этой проблематики подтверждается и решениями XVI съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС, на которых была поставлена задача более глубокого и всестороннего анализа проблем социалистического образа жизни. При этом необходимо отметить, что несмотря на многочисленные публикации, посвященные вопросам образа жизни, и на обилие подвергшихся в них анализу проблем в настоящий момент оптимальное решение намли далеко не все аспекты рассматриваемого феномена, в том числе и проблема понятия образа жизни, по поводу которой пока еще отсутствует общепринятая и однозначно интерпретируемая точка зрения. Это усугубляется еще и тем, что ряд авторов в статьях, не посвященных специально понятию образа жизни, нередко вообще не считают нужным уточнить, какой именно концепции они придерживаются. Поэтому, учитывая современный уровень разработки проблематика образа жизни, мы считаем методологически неизбежным и необходимым, приступая к рассмотрению взаимосвязи и взаимообусловленности образа жизни и преступности, в первую очередь остановиться на понятии "образ жизни".

Диапазон определений весьма велик. На наш взгляд, концепции авторов, пишущих об образе жизни, можно подразделить на три основные группы: первая группа авторов (например, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, С. Г. Струмилин, Э. Е. Писаренко¹ и др.) толкуют образ жизни узко, сводя

¹ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внеабочего времени. - М., 1972, с. 15, 247; Струмилин С. Г., Писаренко Э. Е. Социалистический образ жизни. Методология исследования. - Вопросы философии, 1974, № 2, с. 27.

его полностью к деятельности людей. Как известно, в литературе данная точка зрения была подвергнута критике. Высказывалась точка зрения, что общим недостатком указанного мнения является игнорирование диалектической взаимосвязи, взаимопроникновения, противоречивого единства собственно деятельности и ее условий². Фактически подобный подход к проблеме определения образа жизни не вносит ничего нового, оставаясь синонимом типичной жизнедеятельности.

Сторонники более широкого подхода включают в понятие образа жизни не только поведение и даже не только жизнедеятельность в целом, но и условия, в которых последняя протекает. Например, В.С. Марков определяет образ жизни как всю "совокупность явлений общественной жизни", рассматриваемую в плане проблемы человека — его формирования, развития его личности. Он утверждает, что проблема образа жизни включает в себе всю сумму характеристик исторически определенной общественной системы, данных на уровне общественного и единичного, индивидуального³. Совсем принципиально от привычного определения образа жизни отличается определение, в котором в данное понятие включаются потребности и интересы личности, содержание и формы труда и досуга, системы представлений и ценностных ориентаций, характеристика питания, жилья, одежды, уровня денежных доходов и ряд других элементов⁴. В данном случае содержанием образа жизни является и объективные условия жизни, и жизнедеятельность, и субъективный компонент — образ мысли. Противники аналогичной позиции задают по этому поводу вопрос: чем же образ жизни в подобном толковании отличается от общественного порядка, способа производства, от общественно-экономической формации?!

Существует и "промежуточная" между двумя приведенными точками зрения концепция, которой придерживаются многие советские ученые (в том числе и И.В. Вестушев-Лада и др.). Со-

² См.: Успенский В. Н. Социалистический образ жизни: взаимосвязь общественных условий и деятельности личности. — Философские науки, 1982, № 4, с. 5.

³ См.: Марков В. С. Образ жизни и формирование личности. — Вопросы философии, 1976, № 7, с. 19.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982, с. 163.

гласно этой концепции образ жизни понимается как способ жизнедеятельности, взятой в единстве с определяющими ее условиями, как объективными (внешними), так и субъективными (социальные установки, интересы, ценностные ориентации и пр.)⁵. В отличие от концепции, трактующей образ жизни широко, в данном случае последние "выпадают" из понятия и выступают как внешние факторы, детерминирующие специфику деятельности⁶. Детальное изучение этих условий авторы считают неотъемлемым и существенным этапом исследования образа жизни. Под жизнедеятельностью здесь понимает всякую деятельность, ее конкретные виды в системе.

Как явствует из исследований и вышеприведенных точек зрения, в рамках проблематики понятия образа жизни основной спор ведется вокруг трех понятий - реальная жизнедеятельность - объективные условия жизни - субъективный компонент (внутрисубъектный, сознательный). Соответствующие трудности объясняются их взаимообусловленностью.

Решая, какой из вышеприведенных концепций следует отдать предпочтение, мы исходим прежде всего из криминологического аспекта, т.е. из того, как посредством понятия образа жизни лучше всего подойти к причинному комплексу преступности. По нашему мнению, привнесение в понятийный аппарат криминологии понятия образа жизни оправдано лишь постольку, поскольку оно объединяет в единое понятие те жизненные явления, которые объективно неразделимо взаимосвязаны, но которые существующие системы понятий рассматривали раздельно. Отсюда есть все основания предположить, что в наибольшей мере нас удовлетворит концепция, характеризующая типичное (повторяющееся, постоянное) в жизнедеятельности определенного субъекта, в ее объективных условиях, в среде, а также в субъективном компоненте (внутреннем, сознательном компоненте, который можно назвать образом мысли) в разрезе основных сфер жизнедеятельности, как-то: труд, быт, досуг, общественно-политическая деятельность.

⁵ См.: Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. - М.: Наука, 1980, с. 28, 163-164 и др.

⁶ См. там же, с. 28.

Анализом понятия образа жизни мы одновременно определили и предмет нашего исследования. Однако в конкретизации нуждается и субъект, носитель образа жизни, в качестве которого может выступать как общество в целом, так и группы, и личность. Учитывая цели и задачи нашего исследования, предпочтение следует отдать группам, определенным административно-территориальным общностям (социальные общности).

Ниже мы остановимся на цели и задачах криминологического исследования образа жизни.

Ситуация на настоящий момент такова, что хотя "проведены десятки крупномасштабных исследований, однако дело застряло на уровне споров о том, что иметь в виду под данной категорией, а вот пути совершенствования образа жизни советских людей до сих пор четко не определены". При этом полагают, что "образ жизни" должен служить собирательным, ни к чему не обязывающим заголовком для исследовательских "схематиков"⁸.

Не отрицая познавательной роли трактовки и точного научного анализа категорий, в том числе и категории образа жизни, ясно, что конечным результатом должно быть внедрение теории в практику и подтверждение ее в последней. В свете данного обстоятельства, учитывая стоящие перед нашим государством задачи, мы усматриваем цель своего исследования в совершенствовании образа жизни, в том числе (и в особенности!) в предупреждении социально негативного поведения, в выявлении возможностей снижения степени тяжести и числа общественно опасных проявлений подхода к рассмотрению причинного комплекса преступности через образ жизни.

Пути достижения данной цели мы усматриваем преимущественно в решении следующих задач:

I. Выявление в разрезе определенных территориальных общностей структурных компонентов, сущности и типов образа жизни, учитывая при этом:

а) степень проявления в жизнедеятельности социально негативно отклоняющегося поведения, его видов, тенденций развития и т.д.;

⁷ Яновский Р. Т. Практическая отдача обществоведения. (Некоторые нерешенные вопросы). — Социологические исследования, 1984, № 2, с. 10.

⁸ Там же.

б) наиболее существенные условия жизни, их объективные и субъективные характеристики, типологию и криминологический анализ;

в) закономерности связи и соответствие жизнедеятельности, объективных условий жизни и субъективного (сознательного) компонента образа жизни, прогноз дальнейшего их развития.

2. Сравнение параметров территориальных общностей, характеризующих жизнедеятельность, ее объективные условия, субъективный компонент, с использованием методики составления карт индексов с целью выявления сходства и различия в них. В результате сравнения должны выявиться территории с образом жизни, исключаящим отклоняющееся поведение, и территории, жизнеустройство которых благоприятствует формированию и проявлению социально негативно отклоняющегося поведения, что в свою очередь позволит концентрировать основное внимание на последних с целью совершенствования жизни в конкретных сферах.

Приступая к решению указанных исследовательских задач, мы опираемся на ряд исходных тезисов. Одним из основных среди них является признание различий и связи образа жизни во времени и пространстве. Практически этот тезис можно подвергнуть проверке путем повторного исследования определенных территориальных общностей. Последнее должно включать подробный и глубокий научный анализ таких явлений, как "социально негативно отклоняющееся поведение - образ жизни".

Анализ образа жизни проводится в несколько этапов, при этом каждый последующий этап базируется на результатах предыдущего. Направление анализа - от отдельных составляющих образа жизни, от отдельных объективных условий жизнедеятельности и показателей сознания к их целостному представлению, от него - к анализу связей между основными компонентами образа жизни, затем - к построению типологий и на этой основе - к выявлению социальных механизмов и тенденций развития. На первом этапе описание отдельных видов жизнедеятельности, объективных условий и субъективного компонента помогает выявить социальные проблемы, связанные с каждым видом, позволяет сравнивать соответствующие элементы как между собой, так и между группами населения нескольких различных территорий.

Следующий этап анализа образа жизни должен дать представление о современном состоянии его компонентов в разрезе

основных сфер жизнедеятельности (например, досуговой, трудовой и пр.), понимаемых как нечто целостное. Если, предположим, при поэлементном анализе видов жизнедеятельности труд представляется через несколько не связанных друг с другом элементов, то теперь трудовая деятельность рассматривается в целом. То же относится и к условиям жизнедеятельности и к образу мыслей. Специфика этих двух этапов работы заключается в том, что тут анализируются только отдельные элементы (структурные связи) образа жизни и образа жизни как целостности пока еще нет.

Следующий этап — типология образа жизни.

Социальное качество образа жизни разных групп населения может выражаться в терминах интегральных индикаторов: развитость, стабильность, урбанизированность, гармоничность и т.д. Что же касается конкретных типов образа жизни, то их сейчас, не располагая эмпирическими данными, точно предвидеть трудно. Мы можем коснуться лишь некоторых общих принципов типологизации. Типология призвана выявить в исследуемых территориальных общностях разнообразие, а также сущность и структуру существующих образов жизни.

Образ жизни типизируется исходя из его развитости, урбанизированности, согласованности и т. д. Нас в первую очередь интересует криминологический аспект типологизации образа жизни. Нет сомнения в том, что и социально негативно отклоняющееся поведение можно связать с вышеоговоренными типами образа жизни, однако более целесообразным следует считать различение сформировавшихся типов образа жизни и типов образа жизни, находящихся в стадии становления, что тесно связано с возрастными характеристиками личности, с условиями и степенью социализации, с показателем вовлеченности в общественное производство и т. п. Представляет интерес также постоянство основной направленности поведения, жизнедеятельности в целом, учитывая которые можно различать стабильный (с постоянной направленностью поведения, с относительно мало изменяющимися условиями жизнедеятельности и образом мыслей) и нестабильный (с быстро сменяющейся направленностью поведения, меняющимися условиями жизни и образом мыслей) типы образа жизни.

Криминологический аспект наилучшим образом подчеркивается классификацией, на основе которой мы различаем:

- 1) образ жизни, при котором основная жизнедеятельность соответствует социальным нормам, и
- 2) образ жизни, нарушающий социальные нормы, или соци-

ально негативный образ жизни. Последний тип охватывает и социально негативно отклоняющееся поведение, которое состоит в нарушении правовых и нравственных норм. Поведение, нарушающее социальные нормы, можно подразделить исходя из рода критериев, среди которых назовем степень стойкости, интенсивности и общественной опасности отклонения.

Во взаимосвязи образа жизни и отклоняющегося поведения можно отметить следующие закономерности:

1) спонтанные, как правило, несистематически совершаемые общественно не опасные, малозначительные правонарушения или аморальные поступки, рассматриваемые в качестве отклонений, не могут отрицательно характеризовать весь образ жизни субъекта, так как в общих чертах его жизнедеятельность и образ мысли не противоположны и не аморальны;

2) стойкие, систематически совершаемые общественно опасные отклонения, которые проявляются в форме целой цепочки правонарушений, уже могут отрицательно характеризовать образ жизни субъекта.

В принципе аналогичную точку зрения разделяет и Д. М. Антонян, который анализировал один тип образа жизни - антиобщественный и его связь с преступностью.

По мнению Д.М. Антоняна, антиобщественный образ жизни - более широкое понятие, чем преступное поведение, хотя такой образ жизни очень часто приводит к преступному поведению и типичен для большинства преступников⁹. Под антиобщественным образом жизни Д.М. Антонян подразумевает отклонения от требований правовых (а не только уголовно-правовых) и моральных норм в подавляющем большинстве сфер общественной жизни. Думается, что необходимо исследовать различные "уровни" антиобщественного образа жизни и, соответственно, равные его субъекты и структуры. Можно изучать антиобщественный образ жизни преступников в целом и отдельных типов ("категорий") преступников. Так, говорят о паразитическом (например, в ст. 201⁸ УК ЭССР), аморальном и пр. образах жизни. Мы полагаем, что подобное различие конкретизирует охват присущего образу жизни отклоняющегося поведения, характер и степень его общественной опасности, а также уточняет сущность субъективного компонента.

⁹ См.: Антонян Д. М. Антиобщественный образ жизни как криминологическая проблема. - Советское государство и право, 1981, № 3, с. 69-70.

Как было отмечено, совершенствование образа жизни помимо прочего обязательно предполагает и максимальное сокращение числа случаев проявлений социально негативно отклоняющегося поведения, его тяжести и стойкости. Для решения этих задач необходимо знание причин, обуславливающих такое поведение. Согласно распространенному подходу, сохранение преступности в нашем обществе связано с реальными условиями жизни людей, которые существуют в виде как отрицательных, так и позитивных явлений и процессов¹⁰.

Обусловленность образа жизни предполагает характеристику всего комплекса имеющихся условий с учетом криминологического направления исследований. Особенно нуждаются в изучении встречающиеся в нашем обществе противоречия, диспропорции и т.п., их фактическое проявление в конкретном районе. Объективные жизненные условия, в которых реализуются потребности, цели и жизненные планы индивидов, воспринимаются и оцениваются ими по-разному, субъективно¹¹. Поскольку поведение детерминировано и этой субъективной оценкой реального положения, для понимания обусловленности поведения необходима информация как объективного, так и субъективного характера.

Что касается взаимосвязи жизнедеятельности и условий жизни, то здесь необходимо считаться с тем, что разные условия жизни порождают также разные формы поведения: одни — позитивные, другие — негативные (разные виды отклонений); порождают и разную интенсивность соответствующих форм поведения групп. Сходные по своему характеру и интенсивности проявления неблагоприятные объективные условия в основных сферах жизнедеятельности людей в принципе должны порождать и однотипные деформации в их нравственном и правовом сознании и в их поведении. Отклонения оказываются обычно тем более стойкими и глубокими, чем неблагоприятнее эти условия, чем менее активно и целеустремленно осуществляется воздействие позитивных факторов и чем длительное действие неблагоприятных условий. В фактической же жизни далеко не все просто и ясно: в одних и тех же объективных условиях могут быть реализованы различные типы образа жизни, тогда как в различных объективных условиях может иметь место один и тот

¹⁰ См.: Сахаров А. В. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности. — В сб.: Влияние социальных условий на преступность. — М., 1983, с. 7.

¹¹ См.: Левикин И. Т. К вопросу об интегральных показателях социального образа жизни. — Социологические исследования, 1984, № 2, с. 95.

же его тип. На механизм возникновения подобного положения должно пролить свет изучение сознания.

Методологически-познавательное значение категории образа жизни для криминологии обнаруживается прежде всего при изучении причинного комплекса преступности. Посредством понятия образа жизни открывается возможность системного подхода к изучению причин преступности, поскольку оно синтезирует в единое целое основные формы человеческой жизнедеятельности и обеспечивает тем самым комплексное изучение воздействия как объективных, так и субъективных компонентов на поведение людей, в частности, на противоправное, преступное поведение.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В. С. Потехкин

Одной из задач строительства коммунизма в нашей стране, поставленных Программой КПСС, является ликвидация преступности и устранение порождающих ее причин¹. В числе важнейших комплексных проблем — исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступление. Значимость проблемы определяется тем, что рецидивисты — наиболее опасная категория преступников, вовлекающая в преступную деятельность других людей. Рецидив оказывает существенное влияние на преступность в целом: доля его в общем числе преступлений составляет 25 — 30 и более процентов². Под влиянием рецидивистов (или в результате их подстрекательства, или с их непосредственным участием) совершается половина преступлений³, а коэффициент преступности лиц, освобожденных из мест лишения свободы, выше такого же коэффициента среди взрослого населения в семь раз⁴.

Высокий уровень преступности среди освобожденных обусловлен тем, что к лишению свободы осуждаются наиболее

¹ Программа КПСС.—М., 1967, с. 106.

² См.: Розанов А. Один день с судьей Бергером. Литературная газета от 21.09.77, с. 13; Советская милиция, 1977, № 3, с. 3.

³ См.: Звирбуль В. К. О направленном регулировании общественных процессов в целях ликвидации преступности. — В сб.: Вопросы изучения преступности и борьбы с ней. (Материалы III Всесоюзного семинара по проблемам криминологии).—М., 1976, с. 28.

⁴ См.: Сафонов А. П., Михайлов В. Т. Прокурорский надзор в борьбе с рецидивом преступлений. — М., 1970, с. 14.

запущенные в социальном отношении преступники, а изоляция от общества влечет за собой ослабление и утрату социально-полезных связей и ряд других негативных последствий⁵. Оценивая актуальность проблемы рецидива среди освобожденных, следует также отметить, что лишение свободы — одна из наиболее часто применяемых в судебной практике мер наказания⁶.

Процесс перевоспитания осужденных в местах лишения свободы не может считаться законченным, так как осуществляется в искусственно созданных условиях изоляции. Проходит определенный период времени, прежде чем освобожденный из заключения приспособится к условиям жизни на свободе и восстановит общественно полезные связи. Наказание — лишь составная часть целенаправленного воздействия общества на человека, совершившего преступление, и само по себе в отрыве от иных социальных мер не может полностью решить проблему исправления и перевоспитания. Осуществление специальных мероприятий в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, — "центральный вопрос всей проблемы предупреждения рецидива"⁷.

Практическая деятельность по предупреждению рецидивной преступности включает, в качестве необходимой составной части изучение лиц, совершивших преступление, в частности, отбывших наказание в виде лишения свободы. Изучение должно давать ответы на вопросы: "Почему данный человек совершил правонарушение, как эти действия следовало предупредить и как этого субъекта исправить"⁸. Для этого необходимо раскрыть качественные признаки, выявить особые свойства человека, то есть осуществить анализ личности.

В социалистической криминологии выделяются следую-

⁵ См.: Шаров М. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания.—М., 1973, с. 4.

⁶ См.: Карпец М. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы.—М., 1973, с. 228.

⁷ Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью.—М., 1964, с. 19.

⁸ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений.—М., 1976, с. 191.

ные элементы структуры личности преступника:

- социально-демографические и уголовно-правовые признаки;

- социальное поведение;

- нравственно-психологические свойства⁹.

Однако при описании личности преступников, их классификации и типологии ряд авторов делает упор на уголовно-правовые и психологические признаки, не отражая в достаточной степени поведение и среду.

Так, А.Б. Сахаров, группируя преступников по характеру и стойкости антиобщественной направленности, указывает такие признаки, как повторность, тяжесть преступления, а также нравственные пороки. Поведение до совершения преступления характеризует лишь "случайных" и "ситуационных" преступников (положительное) и "неустойчивых" (нарушения и аморальные проявления). Для отнесения преступников к злым и особо опасным их поведение до преступления не учитывается вовсе. Все разнообразие ситуаций совершения преступления ограничивается одним вариантом - "неблагоприятным течением обстоятельств" для преступников "ситуационного" типа¹⁰.

Столь узкое использование социологических признаков лишь формально позволяет классифицировать преступников, не выявляя конкретных пробелов социализации личности, не раскрывая всего многообразия факторов, формирующих поведение осужденного. А. Г. Ковалев описывает типы преступников, используя исключительно психологические признаки: асоциальную направленность чувств и мыслей, отрицательные моральные качества, уважение к людям, интерес к общественной жизни, к искусству, повышенную эмоциональную возбудимость, недостаточное самообладание, легкомыслие и

⁹ См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч., с. 191; см. также: Сахаров А. Б. Личность преступника и типология преступников. - Социалистическая законность, 1977, с. 19; Криминология. Перевод с чешского: М., 1982, с. 118.

¹⁰ См.: Сахаров А. Б. Указ. соч., с. 19-24; см. также: Личность преступника. - М., 1975, с. 53.

т. д.¹¹ Авторы монографии "Личность преступника" утверждают, что классификация, основанная на психологических и уголовно-правовых особенностях, может использоваться для индивидуального предупреждения преступлений и что многие социально-демографические признаки при решении данной задачи "почти теряют смысл"¹².

С этим утверждением трудно согласиться. Возможности классификации, не учитывающей социальные и демографические признаки личности, для предупреждения преступлений весьма ограничены.

Наличие или отсутствие определенных социально-психологических свойств не может рассматриваться в качестве криминальных или предкриминальных "черт преступника", так как эти же черты могут быть свойственны людям, не совершавшим преступления. "Отрицательные черты индивидуальной психологии субъекта не могут быть положены в основу криминологической классификации преступников, потому что в психологии субъекта они не представлены в чистом виде"¹³.

Личность как результат воздействия социальных условий реализуется в социально значимых действиях. В.И. Ленин отмечал, что судить о реальных помыслах и чувствах реальных личностей можно лишь по одному признаку, а именно по общественным действиям этих личностей¹⁴. Свойства человека могут быть констатированы лишь постольку, поскольку человек действует. "Никаких других данных, дающих основания для суждения о свойствах человека, нет"¹⁵.

Психологические свойства личности имеют существенное значение для его характеристики. Но на практике мы сталкиваемся не непосредственно с психологией субъекта,

¹¹ См.: К о в а л е в А. Г. Психологические основы исправления правонарушителей.-М., 1968.

¹² См.: Личность преступника.-М., 1975, с. 50.

¹³ Д о м а х и н С. А. Классификация преступников. Курс уголовного права (часть общая). Т. 2, гл. 2, М., 1970, с. 24.

¹⁴ См.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 423-424.

¹⁵ Д е й х и н а Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность.-И., 1968, с. 118.

и с конкретными действиями, в которых проявляются особенности психологии. И на социально-значимые действия общество реагирует ответами, преимущественно также социальными мерами. Так, в связи с незанятостью общественно полезным трудом принимаются меры трудоустройства, в том числе и принудительными, независимыми от психологических особенностей субъекте (лень, безволие, антиобщественные взгляды и установки, неудовлетворенность работой).

Из сказанного следует вывод: единственно правильный путь изучения личности — анализ социально значимых действий в связи с социальными воздействиями на нее. При этом не следует ограничиваться изучением преступного поведения, брать его необходимо в структуре с другими проявлениями личности¹⁶.

Нельзя проводить профилактическую работу, опираясь лишь на знание негативных сторон личности, отразившихся в преступлении. Описание личности бывшего преступника, основанное на признаках, характеризующих его преступную деятельность, не может дать о ней целостного, системного представления, так как отражает отдельные негативные стороны личности, а информация о прошлой преступной деятельности и моменту освобождения в значительной мере теряет свою актуальность. Итак, характеристика личности по психологическим и уголовно-правовым признакам не является достаточной.

Главным направлением криминологического анализа личности освобожденного следует считать установление особенностей в поведении личности в системе общественных отношений, в ее социально значимых действиях и условиях жизнедеятельности и выявление таких особенностей, которые, с одной стороны, в прошлом привели к преступному поведению и могут способствовать его рецидиву в настоящем и будущем, с другой — свидетельствуют об исправлении и перевоспитании бывшего осужденного.

Представляется, что наиболее существенным критерием, характеризующим личность освобожденного, следует считать степень его социализации. Социализация происходит в те-

¹⁶ См.: Сундуров Я. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. — М., 1976, с. 51.

чение всей жизни человека и включает в себя "наделение людей общественными свойствами и их непосредственное включение в общество"¹⁷ в трудовой, общественно-политической, культурно-образовательной и семейно-бытовой сферах. Главной из них является сфера труда, где более всего проявляется социальная активность личности. Преступная деятельность - антипод общественно полезного труда, источник деградации личности, препятствующий ее развитию. Так как целесообразная, целенаправленная деятельность есть неотъемлемое свойство человека, без которого невозможно его существование, то незанятость общественно полезной деятельностью - одна из причин антиобщественного поведения, в том числе - преступлений.

Социологический подход к изучению личности позволяет выявить дефекты в системе общественных отношений и связей личности с социальной средой и принять меры по формированию общественно полезных ролей и связей, по предупреждению развития антиобщественной направленности личности.

Многие криминологические исследования показывают, что общественно полезные связи осужденных к лишению свободы прерваны, ослаблены и даже утрачены¹⁸. После освобождения эти лица проходят период ресоциализации - восстановления важнейших социальных функций, включения в различные сферы жизни общества. Степень социализации освобожденных в каждом конкретном случае различна. В зависимости от этого можно выделить три следующие группы: несоциализированные, частично социализированные и социализированные. Деление преступников на антисоциальные, асоциальные и социализированные типы по степени их социализ-

¹⁷ С п и р и д о н о в И. И. Социальное планирование и социализация. - В сб.: Социальные проблемы индустриального труда (Материалы Всесоюзной конференции). - Вильнюс, 1970, с. 217-218; см. также: Г и л и н с к и й Я. И. Стадии социализации индивида. - В сб.: Человек и общество. Вып. IX, МГУ, 1971, с. 44.

¹⁸ См., например, Е ф и м о в М. А., Ш к у р к о В. А. Репрессивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977; П о т е м к и н В. С. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Автореферат канд. диссертации. - Л., 1960; В и а р о в Н. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1973, и др.

ции дано А. М. Яковлевым¹⁹. Но, как отмечал К. Е. Игошев, А.М. Яковлев "фактически отказался от социальной типологии, заменив ее иллюстрацией психологических группировок"²⁰.

Бряд ли целесообразно выделение преступников "социализированного типа". Преступление - всегда следствие дефектов социализации. Поэтому полностью социализированный тип не является типом преступника, но среди освобожденных из мест лишения свободы выделение этой категории правомерно, так как значительная часть их исправляется и преступлений больше не совершает.

Характерны особенности каждой из трех групп раскрываются через поведение субъекта, через его социальные связи и отношения как положительной, так и отрицательной направленности.

Наиболее неблагополучным в социальном и криминологическом плане является несоциализированный тип. Эту группу характеризует преобладание и устойчивость антиобщественных ролей и связей и отсутствие общественно полезных; длительное пребывание в местах лишения свободы, незанятость общественно полезным трудом, уклонение от трудоустройства, проживание на нетрудовые доходы, отсутствие постоянного места жительства, распад семьи, алкоголизм, наркомания, систематическое нарушение общественного порядка, действия в обход закона, аморальное поведение, антисоциальное окружение, т.е. такие признаки, которые в комплексе не свойственны законопослушным, социализированным индивидам.

К группе частично социализированных относятся лица, социально полезные связи которых в основных сферах жизнедеятельности установлены. Но они ослаблены, имеют существенные отклонения, дефекты, которые, развиваясь, способны привести к совершению антиобщественных поступков и преступлений. Характерные особенности этого типа: частая смена места работы, длительные периоды незанятости трудом, формальное включение в трудовой коллектив, неактивное учас-

¹⁹ См.: Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. - М., 1970, с. 24-39.

²⁰ Игошев К. К. Типология личности преступников и мотивация преступного поведения. - Горький, 1974, с. 44.

тие в общественной работе, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины, низкие показатели в труде, отсутствие специального образования, профессиональной подготовки, низкая квалификация. В быту эти лица отличаются бессодержательностью досуга, злоупотреблением алкогольными напитками, конфликтными отношениями в семье, связью с антиобщественными элементами.

К группе социализированных следует отнести тех освобожденных, социально полезные связи которых в основных сферах жизнедеятельности установлены без существенных отклонений. Они имеют постоянное место работы, профессию, участвуют в общественной жизни коллектива, имеют нормальные отношения в семье, обеспечены жилищем, с пользой проводят досуг, повышают культурный и образовательный уровень и т.д. Одновременно социализированный освобожденный характеризуется отсутствием антисоциальных связей, в частности, с преступной средой, не злоупотребляет алкоголем, не допускает существенных правонарушений.

Таким образом, в первую группу входят лица, у которых преобладают антисоциальные отношения и связи, во вторую — лица с нарушенными или ослабленными социально полезными связями, дефектами в социальных отношениях, в третью — лица, вполне ресоциализированные, имеющие прочие полезные социальные связи и отношения.

Проведенное автором исследование личности преступников-рецидивистов подтвердило тезис о том, что совершение преступления обусловлено дефектами социализации, главным образом в сфере трудовых отношений.

Во всей совокупности обследованных рецидивистов лица, не включенные в трудовую деятельность, т. е. не работавшие на момент совершения преступления, составили 42 %. 13 % обследованных либо проработали к моменту совершения преступлений менее одного месяца, либо, хотя и работали более длительные сроки, но страдали алкоголизмом, поэтому не могли приобрести прочных связей с производством. 43 % работали более месяца, но систематически нарушали трудовую дисциплину, не участвовали ни в социалистическом соревновании, ни в общественной работе, т. е. также не являлись полноценными членами трудовых коллективов.

Следовательно, практически каждый (98 %) из совершивших повторное преступление не был в достаточной степени включен в трудовые отношения.

Тип личности как статистическая совокупность свойств, присущих индивидам, отражает особенности той социальной общности, к которой индивиды относятся, в частности, особенности различных регионов.

Процесс социализации протекает не везде одинаково, так как зависит от социальных условий, в которых живут люди на данной территории. На него, в частности, оказывает влияние уровень развития производительных сил, определяющий структуру разделения общественного труда, степень удовлетворения жизненных потребностей, уровни урбанизации и миграции, общая культура населения и т.д.

Решающую роль в формировании криминогенной ситуации, как отмечает Ежи Вафия, играют социальные связи деструктивного типа, т.е. именно те связи, в которых отражаются основные недостатки социализации человека²¹.

Так, интенсивное развитие нефтегазовых комплексов Западной Сибири и Коми АССР вызвало значительный приток рабочих и служащих в эти районы из других республик и областей. Значительная часть работников прибывает в неорганизованном порядке. Большинство их — лица наиболее криминогенного возраста (18 — 29 лет). В числе прибывших высока доля ранее судимых, часто менявших место работы. Среди мигрантов высока текучесть кадров, во многом обусловленная нехваткой жилья, культурно-бытовых учреждений, трудностями в снабжении товарами.

Все это препятствует формированию устойчивых трудовых коллективов, затрудняет проведение в них воспитательной работы, ведет к ослаблению социального контроля. Рассредоточенность населения, его систематическая сменяемость в "вахтовых" поселках, часто расположенных в 200—300 километрах от районного центра, мешает организации профилактической работы по предупреждению преступлений, не позволяет своевременно учитывать и изучать прибывающее население, организовать надзор за судимыми. В силу этих и ряда других причин интенсивность рецидивной прес-

²¹ См.: Бафия Е.ж. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации.—М., 1983, с. 85-90.

тупности среди нефтяников в районах Севера и Сибири более высока, чем в среднем по стране. Значительную долю общей преступности этих районов составляет преступность работников нефтяной промышленности.

Таким образом, наличие контингента судимых, проявляющих криминальную активность в зависимости от местных условий, одновременно влияет на формирование оперативной обстановки в регионе.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что социологическая характеристика лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и состояние рецидивной преступности влияют на уровень социализации всей территориальной общности и определяют основные признаки криминологической ситуации. Эти данные, полученные в результате исследования, проведенного в масштабе республики, края, области с достаточной репрезентативностью, могут служить для разработки рекомендаций в комплексный план экономического и социального развития региона в части профилактики преступлений.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Е. И. Бонк

Под отклоняющимся поведением мы в данном случае понимаем поведение личности, нарушающее любые социальные нормы, обеспечивающие (отражающие и закрепляющие) социалистический общественный порядок. При этом сам общественный порядок должен восприниматься как момент социалистического способа производства, необходимая форма, ограждающая его от простого случая и произвола¹. Просуществовав достаточно длительное время, формы упорядочения общественных отношений упрочиваются как обыкновения, традиции, нормы нравственности и права, как правила социалистического общежития, которые играют роль средств социального контроля за отклоняющимся поведением. Марксистско-ленинское понимание социального контроля за отклоняющимся поведением отлично от буржуазного понимания этого явления, в том числе и от распространенной на Западе теории социального контроля Т. Парсона. Парсоновский аспект предполагает возможность подавления внутренних импульсов человека, в результате чего личность адаптируется к существующей ситуации и проявляет желательное для общества конформное поведение. Конформизм объявляется в данном случае тем благом, в результате которого обеспечивается "выживание" человека и общества. Т. Парсонс выдвигает три постулата. Первый — принцип сохранения, выживания и стабилизации как главный для существования общества; далее, — принцип первостепенного значения для поведения надводного общепризнанных символов успеха, образующих иерархию типичных моделей поведения; наконец, третье положение (постулат) — среди отмеченной иерархии моделей поведения существует

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 356-357.

стабильное ядро в виде институционализированных масштабов, определяющих ролевые функции субъектов и сильнейшим образом подкрепленных групповым (решающим) давлением². С позиций исторического материализма, принцип сохранения не может считаться для общечеловеческого существования единственно актуальным, не менее важен принцип историзма, развития, прогресса общества, совершенствования человеческой деятельной личности. Общепризнанные символы успеха также нет оснований абсолютизировать, тем более, применительно к истории человечества, связанной с классовой борьбой и социально-классовыми битвами. — Сами представления об успехе глубоко различны, детерминированы потребностями и интересами соответствующих классов. Т. Парсонс не считает материальные условия жизни решающим фактором характера поведения, образа действий людей, стремится дать надклассовую трактовку социального контроля над отклоняющимся поведением. Вместе с этим следует признать, что целый ряд идей Т. Парсонса носит позитивный характер, в частности, мысль о большом значении для поведения личности психологического давления малых социальных групп, к которым принадлежит эта личность, а также гипотеза о том, что часто эталоном поведения оказывается не сама общая социальная норма (права или морали), а ее интерпретация малой социальной группой, что включает "степень допустимого от нее отклонения", не нарушающего "равновесия" в той или иной социальной группе. Такого рода эталоны поведения более всего содержатся в общественном мнении той или другой социальной общности. И это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на роль общественного мнения как своеобразного средства социального контроля над отклоняющимся поведением.

Особое значение имеет социальная профилактика отклоняющегося поведения, которое нарушает социалистический правопорядок (т. е. общественный порядок, урегулированный нормами права). Такого рода отклоняющееся поведение представляет наибольший общественный вред, а если

Подр. критику см.: Право и социология.-М., 1973, гл. XI; Я в и ч Л. С. Общая теория права.-Л., 1976, с. 285.

говорить о преступлениях, то к общественной опасности. Поэтому роль общественного мнения в предупреждении правонарушений должна быть исследована с особой тщательностью. В самом общем виде, есть основание утверждать, что когда общественное мнение социальной группы (в особенности малой) совпадает с требованиями закона, то подобное мнение активно способствует предотвращению правонарушений, в то время как в случаях расхождения установок общественного мнения с требованиями закона создает почву для совершения противоправных деяний, не осуждаемых общественным мнением социальной группы. Проведенные в ИИИИСИ при Ленинградском университете конкретные социологические исследования (пока лишь пилотного уровня) показали, что значительная часть людей (до 30 %) руководствуется в своем поведении, при наличии выбора, существующим общественным мнением.

Что же представляет собой общественное мнение, заключающее в себе достаточно активный эталон поведения в сфере действия законодательства? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, без него невозможно ни проводить квалифицированные исследования, направленные на выявление сложившегося общественного мнения, ни принимать практические меры к формированию общественного мнения, совпадающего с требованиями законодательства.

В отмеченном направлении проведены некоторые научные исследования³, однако было бы преждевременным считать их исчерпывающими. Прежде всего, наша философская и социологическая литература еще не выработала четкого понятия общественного мнения, которое исходило бы из достаточно оп-

³ См., например; Ш и к и н Е. П. Основные условия эффективности применения права. Автореф. канд. дисс. - Свердловск, 1971; Э д з и н ь А. А. Социалистическое правосознание и общественное мнение. - Вестник МГУ. Серия Право. 1975, № 2; С т а р и к о в Г. В. Общественное мнение и право. Автореф. канд. дисс. - Свердловск, 1971; С а ф а р о в Р. А. Политический статус общественного мнения. - Социологические исследования, 1979, № 4; П о б е р ж и н ы й В. Д. Конституционное закрепление необходимости учета общественного мнения. - Советское государство и право, 1981, № 2.

редеженной грани между общественным мнением и формами общественного сознания (политическим, нравственным и правовым сознанием). С другой стороны, юридическая литература в большинстве случаев склонна считать общественное мнение о праве только лишь особым состоянием правосознания.

В этой связи автор настоящей статьи считает необходимым высказать собственные представления по поводу характера столь важного для предупреждения отклоняющегося поведения вообще и для профилактики правонарушений в особенности, общественного мнения о праве.

Общественное мнение играет значительную роль в жизни социалистического общества. В настоящее время учет общественного мнения возведен в ранг одного из конституционных принципов деятельности всех государственных и негосударственных организаций, составляющих политическую систему советского общества. Значение общественного мнения подчеркивается в партийных решениях⁴. Соответственно, активизируются и научные исследования общественного мнения⁵.

Носителями (субъектами) общественного мнения могут быть самые различные социальные общности — начиная от всего народа, того или иного класса, социального слоя и завершая трудовыми коллективами и малыми социальными группами разного характера. Общественное мнение, в принципе, может сложиться по любому вопросу, интересующему людей, в том числе оно складывается и по поводу норм, масштабов возможного и должного поведения. Социально-психологический механизм влияния общественного мнения на поведение людей в настоящее время выяснен довольно основательно⁶. "История общественного мнения, как и вся история человечества, есть закономерный процесс", "общественное мнение имеет свои корни в социальной среде и в конечном счете

⁴ См.: Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1983, с. 51.

⁵ См.: Социологические исследования, 1981, № I, с. 208-209.

⁶ См., например: Ба й д а к Л. С. Общественное мнение как фактор воздействия на личность в социалистическом обществе. — В кн.: Вопросы теории и методов идеологической работы. — М., 1977.

в экономических отношениях"⁷.

Влияние общественного мнения на поведение людей может быть настолько сильным, что при коммунизме вообще не будет "никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения"⁸. Все советские философы и социологи сходятся на том, что общественное мнение представляет собой особое состояние общественного сознания, в котором такие известные в научные виды общественного сознания как политическое, нравственное, религиозное, правовое не обособлены, а, напротив, находятся в определенном единстве⁹. Однако эти, самого общего порядка характеристика служат только отправной точкой для выявления специфики общественного мнения.

Общественное мнение — это прежде всего такое особое состояние общественного сознания, которое характеризуется распространенностью (массовостью) в данной социальной общности, относительной устойчивостью и интенсивностью воздействия, что предполагает практическую реализацию установок такого мнения или, по крайней мере, готовность данной социальной общности принять практические шаги по его осуществлению и принятию реальных мер к тем, кто с ним не считается.

Особая черта общественного мнения о поведении — его нормативность и волевой характер, готовность к проведению в жизнь. Поэтому общественное мнение, строго говоря, лежит на грани общественного сознания и общественного действия. Важно и то, что общественное мнение, включая идеологию, все же формируется более всего на уровне массовой общественной психологии. Формируется только и исключительно по поводу тех событий и процессов, актов, которые актуальны для данной социальной общности, непосредственно связаны с ее потребностями; общественное мнение — из-

⁷ Плеханов Г. В. Соч., — М., 1956, т. 2, с. 149, 178.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 168.

⁹ См.: Уледов А. К. Общественное мнение как предмет социологического исследования. — Вопросы философии, 1959, № 3; Грушин В. А. Мнение и личность и мир человека. — М., 1967; Общественное мнение и идеология личности. — М., 1975; Кловский А. Д. Методологические вопросы научения общественного мнения в типичном социальном обществе. — Автореф. канд. дисс. — М., 1977.

вестный результат сплочения данной общности в связи с тем событием, действием, по поводу которых соответственно формируется общественное мнение, являющееся всегда исключительно актуализированным. Волевая целеустремленность, единство интересов, актуализированность и готовность к действию (или сами действия) — исключительная черта общественного мнения. Общественное мнение может быть связано с теоретическими обобщениями, но костяк его формируется прежде всего за счет эмпирического уровня знаний, всегда опирается на сегодняшний опыт данной социальной общности, органически связано с практикой данной общности. Общественное мнение всегда опирается на силу той общности (социальной группы), в недрах которой оно родилось. Сила влияния общественного мнения — это реальная сила данной социальной группы.

Общественное мнение можно определить как особое состояние не только общественного сознания, но как особое состояние готовности действовать того или иного социального образования в соответствии со сложившимся нормативным суждением по поводу актуального вопроса жизнедеятельности данной социальной группы.

Общественное мнение о праве специфично тем, что оно складывается по поводу того или иного закона или поведения, предусмотренного законодательством, включает в себя сплав определенного состояния нравственного, политического и правового массового сознания коллектива (группы), носит нормативно-волевой характер, предполагает готовность группы действовать в соответствии со сложившейся оценкой и настаивать на том, чтобы каждый член социальной группы действовал таким же образом.

Общественное мнение малой социальной группы о том или ином законе может быть положительным или отрицательным, но в любом случае содержит свою собственную интерпретацию данного закона, соответственно потребностям и интересам данной группы. Эта интерпретация может быть адекватной норме, содержащейся в законе, может выходить за ее рамки и может, наконец, быть ложной, искажающей смысл и содержание закона. В силу этого, при исследовании важно бывает определить не только принципиальное отношение социальной группы к закону, но и то, как она его интерпретирует (понимает, воспринимает, толкует). Обще-

ственное мнение о праве нельзя отождествлять с правосознанием не только по степени активности первого и достаточной пассивности второго, не только потому, что в общественном мнении мы имеем не просто сумму индивидуальных суждений (индивидуальное правосознание), а действительно общее мнение как своеобразное социально-психологическое состояние группы, ее психологический климат, но еще и потому, что в общественном мнении о праве сконцентрировано нравственное, политическое и правовое сознание, с явным превалированием нравственной оценки, морального мотива.

Из сказанного следует, что надо различать изучение правового сознания личности и общественного правосознания народа, класса, с одной стороны, и общественное мнение конкретных социальных общностей (групп) по поводу права и предусмотренного им поведения, — с другой. Соответственно, следует составлять разные программы исследования, необходимо продумать особую методику выявления именно общественного мнения о праве; необходимо выработать и операциональное определение общественного мнения о праве вообще, общественного мнения о праве малой социальной группы в особенности. Все этого нами попытки выявить и определить состояние интересующего нас общественно-го мнения нельзя. Точно так же должны быть продуманы мероприятия, которые способны влиять на содержание общественного мнения о праве, они не могут полностью совпадать с приемами правового обучения и даже пропаганды права, направленными в основном на разъяснение юридических установлений, действующего законодательства.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ И СОЦИАЛЬНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ

М. С. О ш в р о в, Л. И. С п и р и д о н о в

1. На первый взгляд представляется, что социологический подход к уголовному праву исключает необходимость рассматривать отношение "уголовно-правовой запрет - личность". Сущность человека потому социальна, что она не присуща изолированному индивиду, если бы даже такой современный Робинзон и мог существовать. Следовательно, может показаться, что отдельная личность не должна интересоваться ни общей социологией, ни криминологией, если последнюю рассматривать как социологическую теорию преступности. Отсюда как будто бы закономерен вывод: проблема личности и ее отношения к юридическим нормам - удел психологии. Социология же имеет дело с одними только массовыми, статистически обобщаемыми явлениями, и, стало быть, ее предмет - население, а не отдельный человек. Раз это так, личность не может быть предметом и регионального анализа преступности.

2. Если бы речь шла об определенном единичном человеке, обладающем сугубо индивидуальными и потому уникальными свойствами, то такая точка зрения была бы безусловно справедливой. Единичное не включается в предмет ни одной науки. Гносеологическая природа теоретического знания такова, что оно не может заниматься отдельными фактами, коль скоро они неповторимы и берутся сами по себе. В него входят лишь факты обобщенные. Отдельный индивид попадает в поле зрения криминолога социологического толка в той мере, в какой он представляет собой группу людей, объединенных по тому или иному социально значимому признаку. И поскольку выбранный по этому принципу признак должен быть существенным, вокруг него группируются другие, социально менее значимые свойства. Взятые вместе они образуют социальный тип личности. Рассмотрение людей

сквозь призму социальных типов личности и есть специфический социологический подход к изучению человека.

3. Социальный тип - абстракция, которая отбрасывает от всех глубоко индивидуальных, личных, неповторимых качеств, характеризующих отдельного человека. Оставляя в стороне второстепенное, он позволяет сосредоточиться на главных признаках изучаемого объекта - преступника и совершаемого им преступления - и сделать его предметом теоретического анализа.

Ответ на существенный с точки зрения методики криминологического исследования вопрос о объективных признаках, образующих понятие "социальный тип", со свойством эмпирически существующих членов общества может быть получен, если вспомнить, как происходит логический процесс его формирования. С точки зрения формальной логики, социальный тип - это обобщение общественных свойств всего реального множества личностей и притом свойств наиболее распространенных, "типических". Таким образом, кроме качеств, которые вошли в понятие "социальный тип" по признаку общности, эмпирически личности обладают качествами, этому признаку не соответствующими. Они то и отличают единичного человека от того социального типа, к которому он относится по своим существенным социальным свойствам. Более того, нетипичность объективных свойств у отдельных людей может достигать столь высокого уровня, что та или иная личность превращается в исключение из общего типа.

В контекст криминологического анализа общественной обусловленности поведения человека понятие "социальный тип личности" включается тогда, когда возникает необходимость объяснить, почему в аналогичных ситуациях люди совершают неодинаковые, зачастую противоположные по общественно значимым последствиям поступки. Например, личность одного типа, оказавшись в неудовлетворительных условиях, будет стараться своими действиями улучшить их, личность другого типа постарается приспособиться к тому, что есть, не пытаясь изменить общественную среду своего существования. Личность третьего социального типа может устремиться к нарушению нецелесообразных ей условий, восстанавливая - иногда безрассудно - против сложившегося порядка отношений между членами общества. Таким образом, поня-

тие "социальный тип личности" в социологическом анализе поведения вообще и в криминологическом анализе преступного поведения выступает при неизменности социальной среды как аргумент, а поведенческая реакция - как его функция. И если учесть, что социальная среда - также фактор переменный, то акт поведения, в том числе преступного, может быть представлен в качестве функции среды и типа личности, то есть $R = F(SP)$, где R - общественно значимый поступок, S - состояние социальной среды, P - тип личности.

Применительно к криминологии и социологии уголовного права методологическое назначение понятия "социальный тип личности" состоит в том, чтобы объяснить, почему в одинаковых социальных условиях одни люди нарушают уголовно-правовые запреты, а другие соблюдают все предписания законодателя. И поскольку преступление - частный случай общественно значимого поступка, оно может быть рассмотрено как функция тех же двух переменных: состояния социальной среды и особенностей социального типа личности.

Применительно к изучению территориальных различий преступности феномен "социальный тип личности" может иметь смысл лишь постольку, поскольку установлено, что он зависит от региональных особенностей. С точки зрения марксизма-ленинизма, развитие человека определяется социальными условиями его жизни и, следовательно, различия последних могут привести к формированию различных типов личности. Поскольку все эти предпосылки развития людей имеют территориальные различия, определяемые историческими особенностями развития регионов, последние также могут быть представлены в социальном типе личности. Неодинаковость социальных характеристик регионов очевидна, и потому есть все основания предполагать, что основанием классификации типов личности может быть и типология регионов. Интуитивно мы сегодня различаем горожанина и сельского жителя, одессита и прибалтийца, москвича и ленинградца, представителя Дальнего Востока или средней России. Однако строгой научной классификации типов личности, основанием которой явилась бы типология региональных различий, пока не существует.

4. После сказанного правомерен вывод: целенаправлен-

но изменяя общественную среду и влияя на социальные свойства личности, общество имеет возможность воздействовать и на поведение человека, в том числе преступников (гипотетичность и осторожность приведенной формулировки, помимо сложности социальной среды и личности, обусловлены вероятностной природой поведения как общественной системы, так и индивида). В свою очередь, целенаправленное воздействие на личность предполагает наличие тех свойств, которыми она обладает, а также характера связей между ними. Классифицируя эти свойства и располагая образовавшиеся классы в порядке их исторического становления, мы прежде всего должны будем выделять те, которые характеризуют человека как индивида, то есть как представителя вида *homo sapiens*. Здесь исследование охватывает возрастные, половые, конституционально-семантические и некоторые другие особенности, в том числе тип сенсорной организации, структуру органических потребностей, структуру психофизиологических функций и т. п. По мнению советских психологов, эффектами взаимодействия этих особенностей природной организации индивида являются задатки, темперамент и характер мотивации элементарных действий, на основе которых формируются в процессе воспитания и практической деятельности человека способности и характер¹.

Практическая важность подобной информации заключается в том, что первичные характеристики природных свойств человека, раскрывая диапазоны индивидуальных и возрастных различий, ложатся в основу построения шкал комплексной диагностики индивидов. Их роль в управлении социальными процессами очевидна (в частности, в процессе обучения и воспитания, в том числе и в процессе ресоциализации преступника, в организации труда, в определении сроков наступления социальной зрелости, трудоспособного и пенсионного возраста, при решении вопроса о сочетании "старых" и молодых кадров, при разработке мер, направленных на повышение эффективности уголовно-правовой нормы путем использования влияния индивидуальных свойств на формирование отношения к юридическому запрету и т. д.).

5. Второй класс исторически возникших свойств харак-

¹ См.: А н а н ь е в В. Г. Человек как предмет познания. - Л., 1968.

термует человека как субъекта труда, познания и общения, т. е. как носителя специфически человеческих видов и способов деятельности. Эмпирическими референтами являются здесь профессия, квалификация, уровень образования, степень трудовой активности и т. д.

Практическая значимость получаемых конкретных знаний универсальна. Они служат информационной основой совершенствования любых форм коллективной деятельности, в которой только и происходит формирование и самоформирование человека. Многочисленные эмпирические исследования преступности подтверждали и криминогенное значение относящихся сюда свойств.

6. На третьем уровне исследований естественный индивид, ставший субъектом труда, познания и общения, рассматривается в качестве личности, чья сущность образует совокупность всех общественных отношений, то есть в качестве субъекта и объекта исторического процесса. Человек изучается здесь как всецело определенный обществом носитель социальных качеств (прежде всего характеризующийся социально-классовой принадлежностью), ибо только в этом качестве он является его членом.

Связь личностных характеристик людей (в особенности их социально-классового положения) с преступностью известна каждому, кто имел дело с уголовной статистикой.

7. Становление человека как личности может рассматриваться лишь как совокупный аспект действия всей системы социальных факторов, которые преломляются через природную задатки индивида и осваиваются (воспринимаются) им в процессе его деятельности как субъекта труда, познания и общения. Этим закладывается переход к четвертому классу свойств, характеризующих человека как индивидуальность, ибо личность, по словам психологов, тем значительнее, чем полнее в ней представлено всеобщее², то есть общечеловеческое, существующее в форме общественно-го.

С этих позиций, индивидуальность основывается не столько на индивидуальности свойств каждого отдельного человека как индивида, субъекта труда и личности, сколь-

² См.: Рубинштейн С. И. Бытие и сознание. М., 1957, с. 301.

ко на особенностях их структуры. И коль скоро человек — не только индивид (продукт естественной эволюции человечества) и личность (продукт развития общества), но и субъект деятельности, направленной на формирование среды и самоформирование, процесс становления индивидуальности выступает как равнодействующая трех сил: 1) образования и воспитания, 2) самодетальности (в частности, самообразования и самовоспитания), протекающих на основе 3) природных задатков индивида.

Для криминологии информация об индивидуальных особенностях личности имеет прежде всего то значение, что ее анализ может дать ответ на вопрос, почему этот человек совершает данное преступление, тот — другое, а третий вообще никаких правонарушений не допускает.

8. Формирование человека как члена общества осуществляется путем наделения его социальными качествами, которые являются свойствами занимаемых им социальных позиций (социального положения, места в профессионально-квалификационной структуре общественного труда, в системе управления и т. д.). Поскольку структура социальных позиций в различных регионах неодинакова, постольку территориальная общность представлена этими различиями в соответствующем типе личности.

9. Заключение в личности "всеобщее", общественно значимое развивается в результате сложного взаимодействия многих факторов, чье действие к тому же преломляется через природные, только данному индивиду присущие особенности. Человек как индивидуальность обусловлен в процессе своего становления не только предоставляемыми обществом возможностями, но и тем, как он реально смог ими воспользоваться. А это во многом определяется особенностями его биографии, взаимодействием с десятками людей — родителями и членами семьи, педагогами, руководителями, товарищами по учебе, работе, по общественной деятельности и досугу. В такой ситуации формирование человека представляет как сложнейший процесс, который отнюдь не во всех своих моментах управляем и в который, помимо закономерностей, включена случайность.

10. В соответствии с марксистско-ленинской социологией, решающее свойство, определяющее все остальные, это — социально-классовое положение человека, или, иначе гово-

ря, социальный тип личности. Установив его, мы, основываясь на ленинском определении общественного класса как большой группы людей, занимающих определенное место в производстве, уже знаем и отношение личности, которое принадлежит этой группе, к средствам производства, ее роль в общественной организации труда, уровень специальной подготовки и прочие характеристики как субъекта труда³.

В зависимости от социального типа личности находится также ее ближайшее окружение, социальные и межличностные контакты, уровень общего образования и культуры.

Наконец, даже такие природные характеристики индивида, как пол, возраст, способности, темперамент и т.д. влияют на формирование отношения к уголовно-правовым запретам не сами по себе, а вследствие того, что, вписываясь в определенные социальные условия, оказывают влияние на приобретение человеком тех или иных общественно значимых свойств. Возраст, например, — не только показатель старения, но и свидетельство социальной опытности. Одаренность — не только характеристика природных возможностей личности, но и показатель ее социального потенциала, если речь идет об обществе, где его члены социально равны. Более того, эксперименты показывают, что от социального типа личности зависит и уровень интеллекта, и даже физическая конституция индивида.

Следовательно, изменения в структуре личностных свойств надо начинать с совершенствования социальных условий жизни человека, с характера его труда, уровня образования и т. д. Эта деятельность общества осуществляется и в территориальном аспекте.

10. Марксистское понимание иерархии свойств личности заставляет нас внести существенные изменения в формулу, по которой поступок есть функция наличного состояния общества и типа личности, т. е. $R = F(SP)$. Она будет справедлива, если учитывать, что состояние общества (S) и тип личности (P) — не независимые переменные, ибо тип личности определяется обществом, находя-

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

нимся на данном историческом этапе.

II. Предлагаемая схема получила лишь частичную эмпирическую интерпретацию. Так, в результате исследования, проведенного под руководством одного из авторов настоящей статьи, была зафиксирована зависимость уровня знания людьми отраслей права от их демографических характеристик и социального положения. Данные о знании населением уголовного права, оцениваемые по пятибалльной шкале, представлены в следующей таблице⁴:

Социальное положение	Оценка
рабочие	3,40
служащие	3,45
учащиеся школ	2,95
учащиеся средних специальных учебных заведений	2,10
студенты вузов	2,65
домашние хозяйки и пенсионеры	3,10
все опрошенные	3,27

Это же исследование зафиксировало и территориальные различия в знании населением отраслей советского права.

12. Поскольку несомненно, что связь между знанием закона и следованием ему, если она существует, многократно опосредованна, постольку строить программу борьбы с преступностью только на основе данных такого рода исследований не представляется возможным. Поэтому целесообразна попытка найти в личности такой референт, который характеризовал бы целостное отношение субъекта к уголовно-правовой норме. Таким референтом может быть, по нашему мнению, установка в том смысле, в котором пользовался этим понятием Д. Н. Узнадзе, т.е. готовность (отнюдь не обязательно осознанная) человека к совершению определенного вида деятельности⁵.

⁴ См.: Вопросы теории и практики правовой пропаганды - М.: издат. МГУ, 1973, с. 101.

⁵ См.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования - М., 1966, с. 164.

Проведенное исследование зафиксировало зависимость установок несоблюдения правовых запретов от характера норм. В наибольшей мере индивид готов следовать уголовно-правовым предписаниям, если нормы непосредственно связаны с удовлетворением его потребностей: он легко принимает их и легко делает их содержание своим личным убеждением также и тогда, когда они исходят от коллектива, принадлежность к которому он ценит и от которого он непосредственно зависит.

Общая закономерность, выявляемая в этом эксперименте, заключается в том, что исследуемые индивиды лучше принимали защищающие их нормы, чем запрещающие, в том числе и уголовно-правовые. В этом состоит объяснение того факта, что уголовный закон реже доходит до уровня установок, относящихся, по Д. Н. Узнадзе, к ядру личности, чем нормы трудового и гражданского права. Исследования в этом направлении должны быть продолжены.

13. Сложный характер связей взаимодействующих свойств личности с преступным поведением предполагает проведение комплексных исследований для получения информации, которая могла бы лечь в основу всесторонних планов борьбы с преступностью. Сложившаяся в СССР система комплексного планирования экономического и социального развития создает для этого необходимые организационные предпосылки. Уже сейчас ясно, что такого рода исследования должны включать в себя и территориальный подход.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СПИРИДОНОВ Л., ЛЕКС А. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности	3
ГИЛИНСКИЙ Я. Методологические проблемы исследования территориальных различий преступности	19
РАСКА Э. Процедуры территориального исследования социальной обусловленности преступности	34
КУЛАПИНА Т. Некоторые вопросы методики регионального исследования отклоняющегося поведения населения	64
ПРОСКУРНИНА Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения	84
ГИНТЕР Я. Криминологические показатели некрегionalных связей преступности	92
КИНГС И. К вопросу о понятии "Образ жизни" и о некоторых аспектах его изучения	98
ЯРВ С. Теоретические и методологические аспекты криминологического исследования образа жизни	114
ПОТЕМКИН Е. Социологический подход к изучению лиц, освобожденных из мест лишения свободы	123
БОНК Е. Общественное мнение и отклоняющееся поведение	133
ОШЕРОВ М., СПИРИДОНОВ Л. Уголовно-правовой за- прет и социальный тип личности	140

Учебные задания Тартуского государственного университета.

Выпуск 725.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗЛИЧИЯ ПРЕСТАУПНОСТИ.

Труды во криминалогии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202400, г.Тарту, ул.Вильгельма, 18.

Ответственный редактор И. Спирidonов.

Корректор И. Кингс.

Подписано к печати 16.12.1985.

ИВ 10554.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Иллюстрации. Ротннрнт.

Учтено-издательские листы 9,16.

Печатных листов 9,5.

Тираж 500.

Цена 1168.

Цена I кв. 40 коп.

Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Вильгельма, 14.